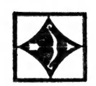

ДМИТРИЙ ЕВДОКИМОВ

ЗА ДАВНОСТЬЮ ЛЕТ

ДМИТРИЙ ЕВДОКИМОВ

ЗА ДАВНОСТЬЮ ЛЕТ

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"
1984

84Р7
Е 15

$Е \frac{4702010200-191}{078(02)-84} 168-84$

ЗА ДАВНОСТЬЮ ЛЕТ

Повесть

...Он стал предателем через сутки после ареста. Жандармский полковник, ведший следствие, был ничуть не удивлен: профессиональные убийцы зачастую бывают патологически трусливы. А на счету этого насчитывалось 27 террористических актов. В числе застреленных им лично — пристав, казацкий есаул, около десятка жандармов и стражников, несколько предателей, убранных волей боевого центра эсеров, возглавляемого по иронии судьбы крупнейшим провокатором российской охранки Евно Азефом. За такое полагается высшая мера — смертная казнь через повешение. Впрочем, даже у самого закоренелого преступника остается маленькая надежда на снисхождение государя-императора.

Об этом и намекнул жандармский полковник. Нет, он не бил, не истязал арестованного, боже упаси! Полковник в своей среде слыл либералом. Он только намекнул на некую возможность. Преступник понял и попросил бумаги и чернил, а наутро передал прошение царю.

«Ваше императорское величество, всемилостивейший государь!

Вполне сознавая весь ужас злодеяний, совершенных мною под давлением чужой злой воли, я решаюсь всеподданнейше просить ваше величество даровать мне жизнь единственно для того, чтобы иметь возможность хотя в некоторой степени искупить великий грех мой...»

Полковник с гадливым изумлением взглянул на заключенного. Неужели это за ним охотилась почти два года вся варшавская полиция, а он совершал убийство за убийством и уходил невредимым из-под самого носа? Рассказывались легенды о его ловкости, умении на ходу прыгать с поезда, стрелять без промаха из любого положения, изменять свою внешность.

Вот и в последний раз около пятидесяти жандармов, нижних полицейских чинов было послано для его задержания. Доподлинно стало известно, что он придет к одному из старых товарищей, обвиненному в провокаторстве, за доказательствами его невиновности. Если подозрения подтвердятся, он должен привести приговор в

исполнение. «Старый товарищ», действительно давно сотрудничавший с охранкой, заранее уведомил о предстоящем визите своих «работодателей». И в тот момент, когда террорист стучался в дверь квартиры, уже весь дом был оцеплен. Входя, он бросил, казалось, мимолетный взгляд в окно и все понял. Дальнейшее происходило в считанные секунды: так и не вынув руки из кармана, он выстрелил, и предатель рухнул на пол. В дверь уже ломились. Убийца вскочил на подоконник и, открыв отчаянную пальбу из двух браунингов, заставил полицейских убраться в укрытие, а сам мгновенно вскарабкался на крышу, оттуда отчаянным прыжком — в соседний двор, выбежал на другую улицу, где, оказывается, его ждал извозчик, в бешено мчащейся пролетке мгновенно преобразился из бедного селянина в щеголеватого студента и, спрыгнув на ходу, скрылся в одном из переулков. Схватили его только ночью в квартире, которая уже тоже была провалена...

И вот он, вчера еще щеголеватый и элегантный, сидит перед полковником весь обмякший, в неопрятной сорочке, с приспущенным галстуком, неровной щетиной на щеках и с глазами, как у голодного пса...

«...Террор должен кончиться во что бы то ни стало. Общество и народ должны отдохнуть, осмотреться и вступить на мирный путь широкого развития гражданской жизни. Я согласен словом и делом бороться против террора.

Клянусь вам богом, что и сегодня мне честь дороже жизни, но клянусь и в том, что призрак террора меня пугает, и я даже согласен покрыть свое имя несмываемым позором, чтобы сделать все, что могу, против террора.

Я предлагаю так: дать мне год или полтора свободы для того, чтобы действовать не сговором, а выдачей из рук в руки террористов. Для вас полезнее не содержать меня в тюрьме, а дать некий срок свободы, чтобы я мог приложить к практике мои способности конспиратора, только в ином направлении, чем прежде. Поверьте, что я по опыту знаю негодность ваших агентов.

Убежать я от вас не могу: настоящее мое имя получило печальную известность. Одним словом, даже в случае невыполнения обязательств с моей стороны не больше как через неделю я снова в ваших руках.

Видит бог, что не смотрю я на агентство цинично.

Я честно желаю его, надеясь загладить мои преступления. Пусть правительство предоставит мне возможность сделать все, что я могу, для борьбы против террора, и я честно исполню свое слово, не осмеливаясь даже и думать о каких-либо условиях, кроме тех, которые бы способствовали моей агентурной работе. Себя предоставляю в распоряжение верховной власти и каждому ее решению с благоговением покорюсь».

Через несколько дней он стал «откровенником». На жаргоне жандармов так именовались предатели, которые ходили по конспиративным квартирам, просто по улицам и указывали жандармам тех, кого следует арестовать. Семьдесят человек по его милости пошли на виселицу, под расстрел или на каторгу. Неутешное горе матерей, вдов и сирот стало ему вечным проклятием.

Через год, изменив внешность и фамилию, он появился в Одессе, внедрился в подпольную организацию социал-демократов. После полного ее разгрома вновь переменил обличье и переехал в Ростов. Неизменной оставалась только агентурная кличка...

ЧЕТЫРЕ МУШКЕТЕРА

Учителя и родители одноклассников Бориса Воскобойникова постоянно называли его «бичом божьим» и даже слегка побаивались. И ведь был бы он хулиганом каким, ничего подобного! Парень как парень. Правда, ростом не вышел, зато широк в плечах. Высокий лоб, открытый, доверчивый взгляд. Говорит медленно и обстоятельно. Абсолютно не терпит неправды и обличает ее немедленно, вот как сейчас, например.

Когда Борис показался в дверях квартиры Шапошникова, мать Игоря решила слукавить:

— Ах, Боречка! Ты знаешь, Игорек еще из института не вернулся!

— Неправда ваша, Мария Андреевна! — ответил Борис, посмотрев на нее ясным взором. — Я когда к дому подходил, свистнул, и Игорь мне из окошка помахал.

— Он, наверное, только что вошел, я на кухне была, — покраснела мать.

— Наверное, — невозмутимо кивнул Борька.

В этот момент Игорь, пожалев мать, вышел из комнаты.

— Привет!

— Проходи!

— Не пойду, — заартачился Борис. — Ты что, забыл — сегодня четверг. Нам же к Максиму пора. Собирайся!

— Куда? — грозно спросила мать.

— Иду к Максиму я.

— Там ждут меня друзья! — громко и фальшиво пропел Игорь.

Мать хотела было возразить, но Игорь уже натягивал куртку.

Максим — школьный учитель истории. Точнее, бывший учитель. Во-первых, потому, что ребята полгода как окончили школу, а во-вторых, Максим теперь не учитель, а сотрудник толстого исторического журнала.

— Шапку надень, — крикнула вслед Игорю мать, но ребята уже наперегонки, с грохотом спускались по лестнице.

— Когда вы только повзрослеете, — пробормотала соседка, опасливо прижавшись к почтовым ящикам.

— Здрасьте, тетя Лиза! — начал расшаркиваться было Игорь, но тут же от толчка друга полетел дальше.

Борис и Игорь подружились еще в первом классе. Учительница их посадила за одну парту. Все четыре урока лобастый сосед Игоря смотрел на нее не отрываясь строгим неодобрительным взглядом. Молоденькая учительница смущалась. Впрочем, когда она решилась задать ему какой-то вопрос, оказалось, что Борис ее не слушает и его мысли витают где-то далеко.

Где именно, Игорь узнал после уроков.

— Идем, — сказал сосед деловито. — Помогать будешь. А то мне одному не дотащить.

Борис привел Игоря на задворки школы, где валялось много строительного хлама.

— Вот, — показал Борис, с натугой вытаскивая из-под дранок и войлока большой лист кровельного железа. — Хватай за тот конец.

Они положили на лист свои новенькие портфели и поволокли.

— А чего делать будем? — робко спросил Игорь, когда острый край начал нестерпимо резать ладони.

— Опыт, — загадочно ответил Борис.

Они подошли к его дому. Жил Борис на первом этаже. Не торопясь снял с шеи ключ, по-хозяйски открыл дверь.

— Входи.

Пока Игорь осматривался в небольшой, по-спартански обставленной комнате, хозяин полез в кладовку и извлек оттуда моток электропровода.

— Цепляй эту проволоку за эту дырку, а я за эту.

Когда Борис поднес оставшиеся свободными два конца электропровода к розетке, Игорь почувствовал, что они находятся на грани великого открытия — таким вдохновенным огнем горели глаза друга. Спасло их от неминуемой гибели только то, что сразу перегорели пробки. Причем, кажется, во всем доме.

Когда Игорь в разорванной куртке пришел домой и чистосердечно рассказал о своих приключениях, мать, всплеснувши руками, назвала Бориса «бичом божьим».

Действительно, Борис, будучи натурой деятельной и даже романтической, постоянно находился в плену новых выдумок, причем весьма заразительных для его одноклассников и далеко не всегда кончавшихся благополучно для их одежды и даже здоровья. Изготовление мороженого из снега и сахара, который Борька приволок в портфеле из дома, привело к массовой ангине всего класса и к перерыву в занятиях на месяц. Вот тогда и учителя признали, что «Воскобойников — это бич божий».

В десять лет он прочитал «Кондуит и Швамбранию» Кассиля и бесповоротно решил, что станет великим писателем. Купил толстенную тетрадь и начал писать научно-фантастический роман. Дальше первой страницы дело, правда, не пошло, поскольку Игорь доказал, что он явно сдирает то у Кассиля, то у Жюля Верна.

В двенадцать лет ему попался «Мартин Иден», и Борис наконец понял, в чем причина его творческих неудач — он плохо знает жизнь. Через два дня в школу пришла его заплаканная мать с короткой запиской: «Прощай, мама. Ухожу в большое плавание, как отец».

В то время Борис еще верил рассказам матери, что его отец — капитан дальнего плавания и находится на секретном задании. После побега мать призналась ему, что отец их бросил, когда Борька был совсем маленьким.

Бориса вернули из Одессы, где он пытался наняться на корабль юнгой. Корабль при ближайшем рассмотрении оказался портовым буксиром, но это крушение надежд внешне никак не сказалось на его облике. Он снова сидел за партой гордый и невозмутимый, как Нельсон, а все одноклассники ему мучительно завидовали и потихоньку собирались в плавание.

Массовому побегу из Москвы 6-го «Б» помешало появление нового учителя истории, Максима Ивановича Чекмарева, тут же прозванного «козлом» за смешную привычку сбычивать голову, когда кто-то не знал предмета. Подбородок его упирался в галстук, крутой лоб наклонялся вперед, вечно взъерошенные волосы подрагивали, как рога. От волнения он начинал слегка заикаться.

— М-мне н-неп-понятно, к-как м-можно не любить и не знать историю! Только самый дремучий... э-э-э... извините за выражение, человек может позволить себе такую роскошь!

Ну, чистый козел! Однако вскоре смешки прекратились. Новый учитель так самозабвенно любил свой предмет, так прекрасно рассказывал, что умел увлечь ребят! Ну а после того, как они сходили в трехдневный лыжный поход по местам боевой славы, никто не называл его иначе, как Максимом, а девчонки — Максимушкой. Можно было не выучить любой урок, но не выучить историю... Даже заядлые двоечники запросто шпарили цитатами по-латыни. Где-нибудь в темном углу школьного коридора можно было услышать:

— Дивиде эт импера! А этому дай по носу!

...Сейчас друзья быстро шагали к дому Максима, и Борис торопливо рассказывал:

— Я вчера «Клима Самгина» начал переписывать. Вот писал старик! Ничего лишнего. Каждое слово на своем месте!

— Ты бы лучше свое писал, — бросил, не глядя в его сторону, Игорь.

— Рано! — не согласился Борис. — Я ведь еще не знаю ничего. А стиль постичь и, так сказать, творческую лабораторию великого писателя — это очень полезно.

— Ну и будешь писать под Горького! — не уступал Игорь.

Борис приостановился было, чтобы поспорить, но услышал оклик:

— Эй, мушкетеры! Долго мы тут околевать будем?

Друзья увидели на углу улицы поджидавшую их парочку — Ларису Медведеву и Андрея Красовского. Андрей был великолепен в новой, с иголочки зимней милицейской форме. Ребята радостно бросились ощупывать его шинель, спрашивая о назначении различных полосок.

...Андрей появился в их школе в начале нового учебного года, когда они перешли в седьмой класс. Новичок сразу поразил воображение девчонок: волосы черные как смоль, глаза продолговатые, светло-коричневые, нос с горбинкой, широкие скулы и уже усики пробиваются.

Даже Максим обратил внимание на новенького:

— Был бы я кинорежиссером, обязательно пригласил бы вас, Красовский, на роль юного Чингисхана.

До появления Андрея бесспорными лидерами были Борис, как поставщик идей, и Игорь, признанный трепач. Не раз он тщедушной грудью прикрывал весь класс, не выучивший урок. Он решительно выходил к доске, а уже через несколько минут ошалелый учитель не мог сообразить, что же он задавал на дом.

А тут вдруг «Чингисхан». Каково? Пару раз они подрались после уроков, потом подружились, поскольку Андрей не задавался и признал безоговорочно интеллектуальное превосходство друзей.

Быстро утихомирил он и девчонок, начавших было забрасывать его записками. Однажды он сел за парту с Ларисой Медведевой и заявил во всеуслышание:

— Люблю тебя до гроба.

Девочки, естественно, заскучали, а Игорь с Борисом стали присматриваться к Ларисе. Раньше они на нее внимания не обращали: так, замухрышка с косичками, лицо круглое, будто по циркулю сделано, и голос писклявый. Однако чем больше смотрели, тем больше убеждались — девчонка и впрямь классная! Остальные жеманничают, глупо, без повода хихикают.

А эта — нет. Держится просто, как парень.

В общем, стихи Игорь начал ей писать, кажется, на химии. В поисках рифмы к слову «годы», он скосил глаза в Борькину сторону: ба, да тот, оказывается, то-

же стихи пишет. И тоже, конечно, Ларисе. На перемене выяснилось: точно, Ларисе. Отправили адресату.

После уроков к ним подошла Лариса, а с ней — Андрей.

Лариса сказала:

— Очень у тебя стихи душевные, Игорь. Я чуть не заплакала. Особенно вот тут:

Может, встречу тебя через тысячу лет,
Но ко мне ты придешь через звезды и годы,
Я уверен, что, хоть обыщи целый свет,
Нет красивей тебя ничего у природы!

Борис фыркнул. Лариса посмотрела на него строго.

— А у тебя хуже получается. Строчки какие-то длинные и нескладные.

— Эх, ты, гекзаметра не понимаешь! — вздохнул Борис.

— Ну все равно, мальчики, — сказала Лариса, — я предлагаю — давайте вместе ходить, а? Андрей тоже не возражает.

Андрей действительно не возражал. Однако Игорь, хоть и понимал, что шансы неравны, стихи Ларисе писать не перестал, поскольку более благодарной читательницы не встречал. Все вокруг смеются, а она посмотрит широко открытыми глазами и прошепчет:

— Ах, Игорь, как это прекрасно!

И ведь что удивительно: все до единой строчки помнит.

Игорь не помнит, а она помнит...

В школе их прозвали — «четыре мушкетера», потому что друзья всегда были вместе. Действительно, стоило на пороге класса появиться Ларисе, которая к десятому классу из замухрышки превратилась в красавицу, можно было не сомневаться, что следом за ней войдет Андрей с двумя портфелями, а сзади замаячат забавные, похожие на Пата и Паташона фигуры Шапошникова и Воскобойникова. Игорь к десятому классу стал «длинным и прозрачным», как любила говорить его мать, стеснявшимся своего длинного носа, очков и смешных оттопыренных ушей. Борис почти не вырос, но еще больше раздался в плечах благодаря ежедневным занятиям с гирями.

Учились ребята, кроме Бориса, ни шатко ни валко. Только по истории неизменные пятерки. Когда Максим

Иванович организовал кружок по истории, «мушкетеры» стали самыми активными его участниками. После девятого класса они с учителем ездили на два месяца в настоящую археологическую экспедицию, раскапывали курган, захоронение знатного вятича в Московской области. Очень гордились тем, что заметка о результатах их экспедиции появилась в областной газете.

Но вот позади уже выпускные экзамены. Настала пора готовиться в институт. И тут всех удивил Борис. Он даже документы не стал подавать, хотя, конечно, шансы поступить у него были выше, чем у одноклассников. Он запросто мог цитировать, например, Эмерсона или Монтеня.

— Я хочу быть писателем, — объяснил он друзьям. — Так? Так. В Литературный институт со школьной скамьи не берут. И правильно делают. Чтобы писать, надо знать, о чем писать. Так что пойду я в ПТУ учиться на автослесаря, потом на станцию техобслуживания, потом армия — вот уже сколько жизненных впечатлений будет. Конечно, лучше бы, как Горький, пешком по России махнуть, только не по Волге, а скажем, вдоль трассы БАМа. То-то красотища! — мечтательно прищурился Борис и тут же горестно вздохнул. — Но кто поймет? Ведь скажут, что тунеядец... Так что мой путь — ПТУ.

Была еще причина, о которой он не распространялся, но друзья, конечно, догадывались. Мама его работала лаборанткой, и жилось им всегда туговато. Быть еще пять лет нахлебником Борис не хотел.

К решению Бориса мамы «мушкетеров» отнеслись в основном индифферентно, а папы даже одобрительно:

— Молодец парень. Этот, во всяком случае, знает, чего хочет.

Но что случилось потом... Андрея родители уговорили идти во ВГИК. Запала им, видать, в душу фраза Максима Ивановича о юном Чингисхане. Он завалился на первом же туре, поскольку, кроме внешности, требовался еще и талант.

После этого Андрей неожиданно подал документы... в школу милиции. То есть неожиданно, конечно, для его родителей, но не для друзей. Тут уж «бич божий» поработал. Когда Андрей унылый вернулся с экзамена, он ему сказал:

— Ну чего киснешь? Предположим, поступил бы ты,

а потом стал посредственным артистом, что, лучше было бы? Инженером средним быть не страшно, а артистом бездарным... Прости, не хотел обидеть, но сам посуди.

Андрей, конечно, обиделся, но Борис не отставал.

— Скажи, о чем ты мечтаешь?

Андрей неопределенно пожал плечами.

— Постой, я, наверное, не так вопрос ставлю. Что там у тебя внутри самое сокровенное? Кем бы ты мечтал стать?

— Сыщиком, — выдохнул Андрей, и это было действительно сокровенное, поэтому они не рассмеялись. Ребята знали, что Андрей больше всего любит читать детективы.

— Ну а скажи, детка, как начинал свою карьеру комиссар Мегрэ?

— Постой, постой, — опешил Андрей, — уж не предлагаешь ли ты, чтобы я пошел постовым? Я представляю лицо моей мамы, когда я явлюсь в форме, ой, не могу!

— Нет, конечно, можно в священники пойти или в доктора, из них тоже неплохие сыщики получаются, если верить классике, — с открытой издевкой сказал Борис. — Пойми, Андрей, тебе надо решать. Тебе! А не маме.

Андрей задумался. Слез с подоконника, сел верхом на стул и опустил голову. Потом вскочил, походил по комнате, сказал раздумчиво:

— А вообще-то это идея! Только не в постовые, как ты предлагаешь, а в школу милиции. Меня туда упорно тренер по самбо зовет. Он ведь динамовец. Говорит, наверняка мастером спорта станешь, там все условия...

Еще больше удивила всех Лариса. Она не прошла по конкурсу в институт иностранных языков и... что бы вы думали?.. Пошла работать проводницей международного вагона!

— Для языковой практики, — кратко пояснила она убитым горем родителям.

И хотя Борис в данном случае никакого прямого воздействия не оказывал, он вновь был назван «бичом божьим».

— Он, все он! — убежденно говорил Ларисин папа, кандидат технических наук. — Кто всегда вам вдалбли-

вал — не надо быть инфантильными? В жизни надо решать все самим. Самим пробиваться. Без всяких там пап и мам, без всяких звоночков, записочек и прочих протекций. Кто? Бич божий!

В общем, так получилось, что единственным, кто поступил в институт, был Игорь. Но это нисколько не обрадовало его предков!

— Лучше бы ты, как твой Борька, в ПТУ пошел, — вздохнул отец. — Родители — инженеры, а он — тьфу, говорить-то неудобно знакомым — в историко-архивный! Кем ты хоть будешь по специальности? Архивариусом? Архивной крысой? «Архивны юноши печальны...» О, боже мой!

Игорь, потупившись, молчал. Что ж, кругом виноват — бейте! Месяц он врал родителям, что поступает в транспортный, а сам сдавал в историко-архивный. Потому что еще год назад, после той археологической экспедиции, решил, что если и есть какая в мире стоящая специальность, так, конечно, история. Ну а загадки прошлого находятся под землей...

— ...Но еще больше — в архивах! — сказал ему тогда Максим Иванович, и это решило его судьбу.

ЗАГАДОЧНАЯ ЗАПИСКА

Максим Иванович ушел из школы внезапно, в разгар учебного года. Еще в конце первого полугодия среди десятиклассников распространился неясный слух об его уходе якобы из-за ссоры с директрисой. Сам Максим Иванович на прямые вопросы учеников отвечал, что ему предложили работать в журнале, он давно мечтал об этом и потому уходит из школы. А кроме того, это даст возможность закончить диссертацию. Так что он даже рад.

Рад, а когда говорил это, глаза были грустные. Ребят не проведешь!

— Хотя я в школе больше не работаю, — сказал он в заключение, — это вовсе не значит, что кружок распадается. Просто будем теперь собираться не в школе, а у меня дома. По четвергам. Идет?

Они и раньше бывали в просторной квартире учителя. Максим Иванович — закоренелый холостяк. С ним живет только няня, Казимира Францевна. Квартира вся

забита книгами, одна другой интересней. Так что теперь здесь бывало людно и весело.

Однако к осени кружок практически распался. Бывших одноклассников захлестнули дела, новые интересы. И только верная четверка друзей неизменно приходила сюда по четвергам. Сегодня они застали Максима Ивановича в теплом халате, с шарфом на костлявой шее. Он отбивался от Казимиры Францевны, которая терпеливо увещевала воспитанника:

— Макс, голубчик! Выпей молочка с медом!

— Не буду! Оно горячее!

— Так оно и должно быть горячее, — уговаривала Казимира Францевна, — иначе какой толк!

— Я обожгусь!

— А ты дуй и пей потихонечку...

— Может, мы пойдем? Неудобно! Вы болеете! — заговорили кружковцы разом.

— Ерунда, — рассердился Максим Иванович, — запомните навсегда: болезнь — это вовсе не физическое состояние, как утверждают некоторые, а черта характера. Я бы так в служебных характеристиках писал: морально устойчив, но любит поболеть. И вообще, хватит о болезнях. Давайте ближе к делу. Прочитал я ваши рефераты. Что ж, неплохо, — сказал Максим Иванович и вдруг по-козлиному боднул головой.

Ребята переглянулись: «Похоже, что учитель в драчливом настроении».

— Неплохо для средней школы, — продолжал Максим Иванович. — Отсюда немножко содрали, оттуда списали. Конечно, и такие работы нужны, для развития кругозора, так сказать. Но мы с вами должны идти вглубь. А не писать вообще и в общем. Вот возьмем твою работу, Игорь, о преобразованиях Петра. Ничего не скажешь — грамотно. Но нет духа эпохи, понимаешь? А почему? Потому что ты не вошел в то время, не почувствовал его. Вот скажи, во что был одет петровский солдат?

— В мундир, — с улыбкой ответил Игорь.

— Из каких частей состоял мундир? — продолжал спрашивать учитель.

— Камзол, ну... и то, что ниже, — замялся Игорь.

— Что ниже?

— Эти, как их... портки!

Все засмеялись.

— Во-первых, порты, — поправил Максим Иванович. — А во-вторых, неправильно — короткие панталоны и чулки. Вот видишь? Как одет был купец, как чиновник, как мужик? Все это надо видеть, а речь их слышать. Тогда будет легче понять и строй их мыслей.

— Это ж сколько надо читать, — уныло протянул Андрей.

— Конечно, — кивнул Максим Иванович. — Причем просто так читать, бессистемно, толку мало. И я подумал, что лучший способ узнать ту или иную эпоху, это заняться разгадыванием какой-нибудь одной из многочисленных исторических загадок.

— Многочисленных? — переспросил с оживлением Борис.

— Да, они есть в каждой эпохе, — кивнул Максим Иванович. — Пожалуйста, с ходу могу назвать несколько — убийство царевича Дмитрия, княжна Тараканова, Железная маска во Франции, библиотека Ивана Грозного... Можно продолжать до бесконечности.

— Давайте Железной маской займемся, — загорелся Игорь.

— Лучше библиотеку Ивана Грозного найти, — завозражал практичный Андрей. — Это полезнее.

Максим Иванович с улыбкой посмотрел на учеников.

— Я тоже не знал, что выбрать. Но нам помог... его величество случай!

Он помахал обыкновенным почтовым конвертом.

— Что это? Письмо из прошлого? — сострил Игорь.

— Почти, — кивнул Максим Иванович и, поправив массивные очки, принялся читать письмо, извлеченное из конверта: — «Уважаемая редакция!

Пишет вам краевед Ефимов из Зауральска. В течение многих лет я собираю все материалы по истории родного города. Прошу оказать содействие вот в каком вопросе. Мне при разборе архива попалась записка (фотокопию прилагаю). Судя по делу, в котором она находилась, автор писал ее осенью 1912 года. Как мне известно, в это время были арестованы все члены подпольного кружка при железнодорожной станции. Предполагаю, что донес на них предатель. Об этом же говорит и текст записки.

К сожалению, в оставшихся воспоминаниях городских подпольщиков об этом почти ничего не говорится, а никто из арестованных позднее в Уральск не вернул-

ся. Все они были осуждены на каторжные работы, затем началась первая мировая война, перешедшая в гражданскую, и оставшихся в живых, по всей видимости, разметало по всей России.

Очень прошу опубликовать эту записку. Вдруг откликнется кто-нибудь из детей или внуков этих революционеров и поможет нам ликвидировать еще одно белое пятно в истории родного края.

Заранее благодарный Ефимов». Вот так-то! — закончил Максим Иванович.

— А что в записке? — Кружковцы вскочили с дивана и бросились к столу. Максим Иванович протянул плотный лист фотокартона. Это была репродукция с небольшого клочка бумаги, где неровными буквами было написано:

«Передайте на волю, среди нас — предатель».

— И все? — разочарованно протянул Андрей, крутя фотографию.

— И все, — подтвердил Максим. — Так что вы скажете, месье Мегрэ?

— Улик маловато, — вздохнул Андрей. — Ну и знания конкретной обстановки.

— О! В самую точку. Браво, Андрей!

— Ну и что вы собираетесь делать? — спросил Игорь, уже догадываясь о намерении учителя.

Максим Иванович вздохнул и, сняв очки, потер переносицу.

— Наш журнал академический. Такого рода частности нас не интересуют. Будет вежливый отказ с советом обратиться в какую-нибудь молодежную газету. Хотя и там вряд ли опубликуют. Вот так.

— Значит, в корзину?

— Ну, не совсем так. — Максим Иванович лукаво взглянул на ребят. — Можно организовать, так сказать, частный розыск... Скажем, четверо молодых людей из любви к истории берутся за этот клубок и распутывают его до конца. Не слышу криков «ура»?

— Ура, — сказал неуверенно Игорь, — ура-то ура, но с чего начать?

— Слова «следователь» и «исследователь» — одного корня, наверное, не случайно, — нравоучительно заметил учитель. — Что бы сделал комиссар Мегрэ, начиная следствие?

— Выехал бы на место преступления! — не задумываясь, воскликнул Андрей.

— Вот-вот! — ликующе заметил Максим Иванович. — Уже становится горячо.

— Так Зауральск — это черт знает где! — угрюмо сказал Игорь.

— Могу сказать точно — двое суток на поезде, — дала справку молчавшая до этого Лариса.

— Откуда такая точность? — поинтересовался Максим Иванович.

— Ездила. Это же на Транссибирской магистрали. Вообще, мальчики, нельзя хорошо знать историю, плохо зная географию.

— Ишь ты! — восхитился Максим Иванович. — Ай да Ларочка.

— Двое суток туда, двое суток обратно, хотя бы день там — пять дней, — подсчитывал Игорь. — Ничего не выйдет, придется ждать каникул.

Лариса решила удивлять их весь вечер.

— Могу я, — заявила она спокойно. — У меня есть неделя отгулов. Договорюсь с бригадой, до Зауральска им помогу...

— Мегрэ в юбке, — покатился Андрей.

— Скорей уж Пуаро, — заметил Игорь. — Тот все следствия то в поезде, то на пароходе вел.

— Ничего смешного не вижу, — Лариса поджала губы.

— Давай, давай, — замахал испуганно руками Андрей, — веди следствие. Только ведь есть еще одно препятствие...

— Какое? — Лариса повернулась к нему с таким задором, что было видно — ей сейчас море по колено.

— Семьдесят лет прошло, — притворно вздохнул Андрей, — а отпечатки пальцев держатся только две недели.

— Тебе только шуточки... — отмахнулась Лариса.

— Нет, в самом деле, сложно, — кивнул серьезно Игорь. — Если подпольщикам тогда было даже по двадцать, значит, сейчас им — девяносто. Вряд ли кто есть в живых.

— Зато краевед Ефимов жив, — под общий смех отпарировала Лариса.

— Правильно, девочка, так их, — одобрил Максим

Иванович. — У краеведа наверняка есть какие-то еще ниточки. Краеведы — они хитрые...

Лариса вдруг задумалась.

— Что, испугалась? — заметил ее смущение Андрей.

— Нет, просто пытаюсь представить, как это было. Семьдесят лет назад.

— Ну что ж, давайте попробуем вместе вспоминать, — неожиданно предложил Максим Иванович, — что происходило в одна тысяча девятьсот двенадцатом году...

Кружковцы вновь уселись на диван, предвидя путешествие во времени.

СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ НАЗАД

— Прямо скажу, в российской истории, да и не только в российской, год выдающийся, — начал Максим Иванович. — Представьте себе — прошло пять лет после разгрома первой пролетарской революции и осталось пять, всего пять лет до второй революции, до окончательной победы. Время тревожное, сложное. Одни с радостью, другие в паническом испуге отмечают, что революционные силы в России вновь на подъеме. Поскольку историю в школьном объеме, надеюсь, вы еще помните хорошо, — с лукавинкой поглядел на кружковцев Максим Иванович, — прошу назвать наиболее важные события этого года. Ну, кто смелый?

Игорь по школьной привычке поднял руку.

— Так, слово нашему Нестору-летописцу, — кивнул, приглашая к выступлению, Максим Иванович.

— Пражская конференция, — выпалил Игорь. — Это, пожалуй, самое важное событие года.

— Несомненно, — согласился Максим Иванович. — Ну а все-таки, нельзя ли поподробнее?

Игорь нахмурил лоб, вспоминая:

— Состоялась она в январе 1912 года в Праге, потому и названа Пражской.

— Свежая мысль, — усмехнулся Борис.

— Не перебивай, — нахмурился учитель.

— На ней было представлено более 20 партийных организаций России, то есть практически все уцелевшие и активно действовавшие подпольные организации, — уже увереннее продолжал Игорь. — Поэтому с полным

основанием на конференции было заявлено, что она является верховным органом партии. Работой конференции, как известно, руководил Владимир Ильич Ленин, выступивший с рядом докладов и являвшийся автором проектов резолюций по всем важнейшим вопросам. На конференции был избран Центральный Комитет, который возглавил Ленин. Был образован также центр по руководству революционной работой в России (Русское бюро ЦК)...

— Ну а в чем все-таки главное значение Пражской конференции? — спросил Максим Иванович.

Игорь кивнул, показывая, что он понял вопрос:

— Дело в том, что она положила конец формальному объединению с меньшевиками, требовавшими ликвидировать подпольные партийные организации, создала боеспособный Центральный Комитет. Все это помогло сплочению и активизации местных партийных социал-демократических организаций и идейно вооружило российский пролетариат, готовившийся к новой революции.

— Может, несколько конспективно, но в общих чертах верно, — согласился Максим Иванович. — Могу только добавить, что конференция была созвана в момент жесточайших репрессий. Царская охранка с помощью провокаторов пыталась сначала сорвать проведение конференций на местах, где выбирались посланцы в Прагу, а затем делала все, чтобы захватить делегатов при переходе границы. Однако как ни старались, ни свирепствовали жандармы, лишь незначительная часть делегатов была арестована, и конференция состоялась... Так, какие еще события вспоминаются вам? — спросил учитель, прерывая свой рассказ.

— Ленский расстрел... — робко заметила Лариса.

— Правильно, Ларочка, — ободрил ее Максим Иванович. — Рассказывай.

— Рабочие Ленских приисков, измученные нечеловеческими условиями труда, скверным питанием, решили обратиться с жалобой в дирекцию прииска. В мирной процессии участвовало более трех тысяч рабочих. Однако когда они подходили к главной конторе, их встретили солдаты и без предупреждения начали стрелять... Было убито и ранено больше пятисот человек.

— Да, прогрессивная печать сравнивала тогда это злодеяние, — заметил Максим Иванович, — с расстрелом петербургских рабочих 1905 года.

— В ответ на это повсеместно вспыхнуло забастовочное движение, — продолжала Лариса. — С этого момента и начал нарастать подъем революционного движения.

— Так, что еще вспомним? — снова спросил Максим Иванович.

— «Правда», — пробасил Борис. — Первый номер «Правды» вышел пятого мая 1912 года!

— Совершенно верно, — согласился Максим Иванович. — Газета фактически стала легальным штабом революционного движения. Ну, раз уж ты, Борис, вспомнил, не поленись, достань вон с того стеллажа папки. Да, да. Вот эти, толстые.

С кряхтением Борис вытащил с полки несколько объемных папок.

— Что это? — спросил он, сваливая их на письменный стол.

— Это комплект номеров «Правды» за 1912 год, — объяснил Максим Иванович, раскрывая первую папку. — Давайте почитаем вместе.

Ребята окружили стол.

— Ух ты! Неужели подлинные? — спросил Красовский.

— Нет, это издание предпринял Институт Маркса — Энгельса — Ленина в 1933 году, но оно также достаточно редкое сегодня. Вот так выглядел первый номер.

— «Правда». Ежедневная рабочая газета, — вслух начала читать Лариса. — Воскресенье, 22 апреля 1912 года? Как же так? Ах, да, 5 мая — это же по новому стилю. Почитаем. Так, статья «Наши цели». Вот что написано: «Освещать путь русского рабочего движения светом международной социал-демократии, сеять правду среди рабочих о друзьях и врагах рабочего класса, стоять на страже интересов рабочего дела — вот какие цели будет преследовать «Правда».

— Гляди, — перебил ее Игорь, — стихи Демьяна Бедного!

Он с выражением стал читать:

Полна страданий наша чаша,
Слились в одно и кровь, и пот.
Но не угасла сила наша:
Она растет, она растет!
Кошмарный сон — былые беды,
В лучах зари — грядущий бой.
Бойцы в предчувствии победы

Кипят отвагой молодой!
Пускай шипит слепая злоба,
Пускай грозит коварный враг.
Друзья, мы станем все до гроба
За правду, наш победный стяг!

— Смело, — отозвался Борис. — И это ведь в легальной газете. Как же цензура пропустила?

— Этот номер был арестован, — пояснил Максим Иванович. — Но придрались, кстати, не к этому стихотворению, а вот к этому — «Завод» В. Невского. Послушайте концовку:

...Так старый мир, землей владея,
В окопах рабских держит труд,
Но звенья тех цепей, ржавея,
Уж скоро, скоро упадут.
В дыму, облитый потом, кровью,
Завод в мир вызван для борьбы,
Чтобы железом и любовью
Разбил оковы злой судьбы.

— Да, уж прямее не скажешь! — прокомментировал Игорь. — А вот, глядите, статья «Лена» — о ленских событиях.

— Поглядите, сколько «Правда» писала о стачечном движении! — воскликнула Лариса и стала цитировать: — «Телеграммы. От собственных кореспондентов.

Забастовки.

Пермь. По слухам, в Нижнетагильском округе забастовали рабочие на платиновых приисках.

Аресты.

Рига. За подстрекательство к забастовке пятеро рабочих губернатором подвергнуты аресту на сроки от 2 до 3 месяцев».

— А вот глядите — перестрелки с разбойниками, — перебил ее Андрей и зачитал: — «Тифлис. Стражники Шоропанского железнодорожного моста и часть роты Горийского полка, преследуя шайку 10 разбойников, настигли таковую в 2-х верстах от станции Шоропан. В результате 2-часовой перестрелки убиты один разбойник и один солдат, ранен один разбойник. Остальные разбойники скрылись в лес». А вот в разделе «Происшествия»: «Самоубийство. Вчера утром в д. № 40-а по 17 линии В. О. на площадке лестницы обнаружен повесившимся на ручке двери неизвестный мужчина, по виду чернорабочий».

— Вот видите, сколько информации дает только один номер газеты, — сказал Максим Иванович. — Время уже позднее, поэтому решим так: забирайте весь комплект за 1912 год и не торопясь почитайте дома. Пусть каждый выберет себе сообщения по определенной тематике, что ему покажется наиболее интересным. Потом обменяемся мнениями. Идет? А пока давайте пить чай. Казимира Францевна!

Няня уже вносила в комнату поднос с чашками.

ПОЕЗД ИДЕТ В ЗАУРАЛЬСК

В субботу после занятий Игорь заскочил к Борису, чтобы поменяться комплектами «Правды». Воскобойниковы уже несколько лет как переехали в однокомнатную квартиру, и Борис переоборудовал темную кладовку в рабочий кабинет. Над верстаком, который порой заменял письменный стол, горела лампа дневного света. Когда Игорь заглянул в кладовку, Борис сидел над раскрытой подшивкой газет и, даже слегка высунув язык от усердия, переписывал что-то на карточки.

— Ну и какую ты себе тему выбрал? — ревниво покосился Игорь на карточки. — Что-нибудь о писателях, наверное?

— Ни в жизнь не догадаешься, — усмехнулся друг. — Про... технический прогресс.

— Технический прогресс? В 1912 году? Ой, не смеши! — развеселился Игорь, шлепаясь на табуретку.

Но Борис был серьезен.

— Одна из характерных черт того времени — обилие изобретений и технических открытий. Погляди, даже «Правда», газета, рассказывающая о рабочем движении, о политической борьбе, тем не менее в каждом номере отводит место под такую информацию. Вот, пожалуйста, беру наугад. Читаем: «Перелет Одесса — Москва.

Москва. В 7 ч. 40 м. спустился на аэродром военный летчик Андреади, покрыв 2500 верст. Обществом воздухоплавания ему поднесен жетон. Аппарат в исключительно хорошем состоянии».

— Ну, интерес к авиации понятен, — кивнул

Игорь. — «Заря эры воздухоплавания», как тогда писали. Это все равно что сейчас новости из космоса.

— Тем более что часто полеты заканчивались драматически, — кивнул Борис. — Такие сообщения, например, не редкость: «Севастополь. Военный авиатор поручик Закуцкий летал на «блерио», упал и разбился насмерть».

— «Блерио»? — переспросил Игорь. — Это, кажется, французская машина?

— Да, тогда еще отечественных не было...

— А ты говоришь — технический прогресс! Какой же прогресс на иностранных машинах?

— Не скажи, — ответил Борис. — Учились летать на заграничных, а потом и свои появились. Кстати, в 1912 году русский конструктор, сам бывший военным летчиком, Сикорский уже приступил к созданию мощного по тем временам четырехмоторного бомбардировщика «Илья Муромец». Это тебе не «Блерио». Кстати, этот же год отмечен в истории отечественной науки и техники еще одним событием.

— Каким?

— Известный полярный исследователь, капитан Седов, отправился на судне «Святой Фока» к Северному полюсу. Об этом и «Правда» писала...

Игорь шутливо поднял вверх руки.

— Сдаюсь! Положил на лопатки. Ну и что ты еще выписал по техническому прогрессу?

Борис сосредоточенно перебирал свои карточки:

— В больших городах растет количество автомобилей, а вместе с ними и число дорожных происшествий. Нередки такие заметки: «Вчера на Серебряковой площадке Каменного острова таксомотор № 63 налетел на мотоциклет мещ. Рудакова. Рудаков получил ушибы и ссадины, а мотоциклетка оказалась совершенно поломанной».

Он посмотрел на следующую карточку и усмехнулся:

— Конечно, говорить о загазованности улиц вроде бы было еще рановато, но светлые умы уже тогда бились над проблемой уничтожения выхлопных газов. Не правда ли, актуально звучит: «Слесарь Н. П. Зотов изобрел прибор для уничтожения того противного запаха бензина, которым отравляют автомобили воздух петербургских улиц. Зотов изобрел машину, фильтрующую газы, выходящие из моторов, и делающую их ли-

шенными запаха. Изобретатель соорудил жестяную машину, работавшую, по его словам, очень хорошо, но цилиндры ее скоро перегорели, и теперь г. Зотов ищет лицо, которое, заинтересовавшись его изобретением, хотело бы помочь ему в его дальнейших работах над его прибором».

— Ну, и нашел? — спросил Игорь.

— Видать, не нашел, — хмыкнул Борис, — иначе человечество не страдало бы так сейчас от смога. Но вообще и тогда делались попытки по оздоровлению города. Смотри: «Фекало-провод. В ближайшие дни будет приступлено к сооружению на Васильевском острове, рядом со второй городской мусоросжигательной станцией, нового грандиозного городского сооружения, назначение которого — отводить по особым трубам нечистоты, доставляемые со всего города, прямо в море».

— В море? — переспросил Игорь. — Да, отцы города явно тогда не думали об охране природы.

— Наверное, тогда родилась пословица — «Все в море будет!» — улыбнулся Борис и продолжил: — Конечно, освоение технических новинок не обходилось без курьезов. Новшествами интересовались даже жулики. «Кража трансформатора. Вчера на Дегтярном пер. был задержан слесарь Владимир Сергеевич Сергеев, похитивший электрический трансформатор из городского Рождественского парка, где он работал. Трансформатор весом в $4^1/_2$ пуда вор вынес из ворот парка в мешке на спине».

— И какой же ты вывод из этого сделал? — строго, подражая Максиму Ивановичу, спросил Игорь.

Борис шутливо ткнул друга в плечо:

— Но, но, не зазнавайся! Думаешь, полгода проучился на историка и можешь важничать? — Потом стал серьезнее и ответил:

— Благодаря использованию технического прогресса капиталисты увеличивали прибыли до баснословных размеров, а рабочим техника несла безработицу и нищету. Вот одна сторона медали: «Экономическая жизнь. Барыши капиталистов. Акционерное общество Мальцевских металлургических заводов получило за 1911 г. чистой прибыли 3 524 418 рублей. Акционерам выдается по 12 р. 50 к. на сто рублей капитала». А вот другая сторона медали, — продолжил Борис, — читаю: «Безработица. На Волге по городам огромные толпы без-

работных. В судоходстве небывалое затишье. Некоторые пароходные предприятия по случаю отсутствия грузов и дороговизны топлива сокращают рейсы. Изголодавшиеся за зиму крестьяне массами идут в Туркестан на полевые работы. Но и там, например в гор. Ташкенте, число безработных уже достигло нескольких тысяч человек. Многие надеялись найти заработок на постройке Семиреченской железной дороги, но и это не удалось. С другого конца России, из Риги, также сообщают о недостатке работы: сокращено число рабочих дней в мастерских порта и на судах».

— Что ж, молодец, — одобрил Игорь, — интересную тему для реферата выбрал.

— А ты какие вопросы взял? — спросил Борис.

— Ищу заметки по социальным вопросам и о царской полиции, ее борьбе с рабочим движением.

— А что Андрей выбрал, не знаешь?

— Не догадываешься?

— Небось хронику уголовных дел?

— Точно!

Друзья рассмеялись.

— А Лариса? — продолжал допытываться Борис.

— По-моему, она заметки про великосветскую жизнь изучает, — снова рассмеялся Игорь.

— Мальчики, идите обедать, — заглянула в кладовку мать Бориса.

Щи и жареная картошка оказались удивительно вкусными, Игорь никак не мог отказаться от добавки. Мать присела рядом с Борисом и неожиданно положила голову ему на плечо.

— Хороший у меня сын, правда? — сказала она, обращаясь к Игорю.

— Ну что ты, мам? — буркнул Борис, поглядев на нее вопросительно и пытаясь отодвинуться.

— Всем скажу — хороший, и стыдиться тут нечего! — воскликнула мать шутливо, легонько шлепнув сына по затылку. — Ты погляди, Игорь, все в квартире своими руками сделал — и полки на кухне, и книжный стеллаж, и кабинет себе оборудовал. Золотые руки. А теперь, когда он в училище пошел, нам и материально легче стало.

— Ладно, мам, — снова пробормотал покрасневший Борис, уловив понимающую улыбку друга.

— Что ты заладил, «мам» да «мам», — рассердилась мать.

Она встала, подошла к плите, чтобы снять чайник. Как и десять лет назад, мать Бориса была такой же стройной, только голова побелела да морщинок на лице прибавилось.

— И специальность хорошую выбрал, жизненную, — продолжала она, снова вернувшись к столу. — Только без высшего образования как? Вот Игорь, видишь, в институт поступил.

— Армию отслужу и тоже в институт пойду, — упрямо сказал Борис.

— Женишься ты после армии, и вся учеба побоку, — ответила мать.

Видно, что этот разговор возникал не в первый раз. Игорь, почувствовав неловкость, спросил Бориса:

— Ларису пойдем провожать?

Борис встрепенулся:

— Обязательно! Во сколько поезд?

— В девятнадцать пятнадцать с Ярославского. Я сейчас подшивку газет домой отнесу, а потом за тобой зайду, вместе поедем. Лады? Спасибо за обед, Вера Петровна. Все очень вкусно.

— Чего там! — махнула рукой Вера Петровна. — Заходи почаще!

...Они остановились у тринадцатого вагона.

— А где же Андрей с Ларисой? — покрутил головой Игорь. — Посадка уже идет.

Он подошел к проводнице в ладно скроенной шинели, хотел спросить, но в этот момент из вагона показалась голова Андрея:

— Ребята, сюда!

Проводница понимающе улыбнулась, и ребята поднялись по крутой лестнице в вагон. В купе проводников уже сидели Лариса, Андрей. У столика хлопотала, разливая чай, незнакомая девушка с пышными рыжими волосами.

— Познакомьтесь, это Надя, — представила ее Лариса. — Да не стойте в дверях, садитесь.

— Вы вдвоем здесь будете ехать? — спросил Борис, усаживаясь.

— Нет, втроем, — ответила Надя. — Там, у входа, Таня дежурит.

— А как же втроем на двух полках спать будете?

— Очень просто! Одна дежурит, двое отдыхают. Так что не тревожьтесь, доставим вашу Ларочку в Зауральск с шиком!

— Ну и как ты думаешь действовать? — строго спросил Ларису Игорь. — План поиска продумала?

Лариса пожала плечами. Видно, что ее снова охватила неуверенность.

— Не знаю. Для начала найду краеведа Ефимова, а там — по обстоятельствам.

Андрей обнял ее за плечи:

— Главное, не тушуйся. Не стесняйся спрашивать. И еще совет — будут трудности, в милицию обратись. Там всегда помогут.

Поезд слегка качнуло.

— Мальчики, вам пора! — решительно сказала Надя. — Скоро отправление.

Ребята дружно встали, при этом Игорь больно стукнулся головой о верхнюю полку, чинно по очереди пожали девушкам руки, потом, выскочив из вагона, стояли у окна, пока поезд не тронулся.

...Первый час после отхода прошел в суете — проводницы, в том числе и Лариса, разносили постели, затем — чай. Наконец пассажиры угомонились, в вагоне стало тихо. Девушки под перестук колес затянули грустную песню.

Наконец Таня решительно встала, одернула фирменную куртку:

— Пора, девочки, вам на боковую. А я как дежурная по вагону пройдусь.

Лариса забралась на верхнюю полку, но сразу не уснула, вспоминала ребят, оставшихся в Москве. Каждый из них заверяет, что любит ее. А она любит ли кого? Того же Андрея взять. Очень он самоуверенный! Снисходит до тебя — дескать, можешь меня любить, я не возражаю! Значит, так и прыгай вокруг него всю жизнь? Сомнительное счастье. Игорь — тот, конечно, душевнее, тоньше, сразу чувствует, какое у тебя настроение, если нужно — развеселит, а то просто повздыхает рядом, уже легче. Ну а Борис? Этот — сама надежность. Не подведет, кинется за тебя в воду или куда там еще. В общем, подзапуталась она со своими чувствами. А может, пока вообще ничего нет? Просто девичьи фантазии, как говорит ее мама?

Лариса перевернулась на другой бок и продолжала думать.

Наконец она уснула под мерный стук колес. На следующий день Лариса помогала новым подругам обслуживать пассажиров. Ночью поезд пересек границу Европы и Азии, и настала пора прощаться. Новые подружки принялись целовать Ларису:

— Давай, Ларочка, действуй, ищи своего краеведа. До встречи в Москве!

КРАЕВЕД ЕФИМОВ

...Автобус вез Ларису по широким проспектам областного города. Современные пятиэтажки были точь-в-точь как в Черемушках. Ничего не напоминало о событиях семидесятилетней давности. Но вот автобус переехал по железному арочному мосту через заснеженную речку, и пошли деревянные домики. Такие были, наверное, здесь и до революции. Кондукторша в черном тулупе кивнула Ларисе, подтверждая, что это ее остановка. Лариса спрыгнула со ступеньки, автобус покатил дальше. Белизна снега за штакетниками заборов, искрившегося под солнцем, заставила Ларису зажмуриться. А воздух какой! Миновав несколько домиков, она нашла нужный номер и позвонила. Долго никто не откликался, Лариса позвонила еще раз. Наконец послышались шаркающие шаги, дверь со скрипом отворилась, и на нее весьма недружелюбно уставился невысокий сутулый старец в душегрейке и огромных белых валенках.

— Макулатуры нет, — буркнул он, очевидно, приняв Ларису за школьницу.

Та, не смутившись, широко улыбнулась:

— Товарищ Ефимов?

Старец вскинул голову и еще раз оглядел ее с ног до головы. Улыбка не произвела на него должного впечатления, поэтому он ответил односложно:

— Ну?

Лариса постаралась улыбнуться ему еще шире:

— Я к вам из Москвы, от журнала с ответом.

— С ответом? — удивился Ефимов. — Аль почта не работает? Проходите.

Он захлопнул за ней дверь, провел через сенцы в коридорчик, оттуда через кухню в небольшую комнатку

с двумя окнами. Здесь он еще раз оценивающе оглядел Ларису и, наконец, разрешил:

— Да вы разденьтесь.

Вид ее джинсов его не порадовал, Ефимов крякнул и показал рукой:

— Прошу садиться.

Сам сел напротив и вроде бы безучастно стал ждать, что скажет гостья.

Лариса, в свою очередь, не спешила, угадывая, что дедок — крепкий орешек, дула на замерзшие пальцы, оглядывала комнату, стол, на котором лежали какие-то альбомы, газетные вырезки, листы исписанной бумаги.

— Вы давно краеведением занимаетесь? — попыталась она завязать разговор.

В лице старика ничего не дрогнуло. Он подергал губами и неожиданным фальцетом спросил:

— Дак какой ответ будет?

Политика пряника не проходила, поэтому Лариса сказала подчеркнуто официально:

— Отрицательный!

Похоже, что старика проняло. Он вскочил, замахал руками, забегал по комнате:

— Конечно, Шваркина вы печатате! А меня? Если хотите знать, Шваркин моими материалами пользуется. А вы потворствуете. Его печатаете, меня нет!

Обессилев от вспышки, упал на стул и почти миролюбиво закончил:

— Жаловаться буду!

Пожалуй, почва была подготовлена. Лариса вкрадчиво продолжала разговор.

— Журнал не может давать публикации столь... — она попыталась найти слово подипломатичнее, — узкого масштаба. Для этого есть местная печать.

— На кой ляд мне местная, — досадливо перебил Ефимов. — Мне нужно что-то узнать о тех подпольщиках, которые потом разъехались по всей России.

— Мы могли бы попробовать, — Лариса попыталась приблизиться к цели своего визита.

— Кто это мы? — настороженно спросил Ефимов.

— Мы — это члены школьного исторического кружка. Точнее, бывшего, поскольку школу мы кончили, и наш учитель тоже...

— Что, тоже школу кончил? — с недоверием саркастически заметил Ефимов.

— Нет, он ушел. Он ушел как раз в тот журнал, куда вы написали. Понимаете? — заторопилась девушка. — И поскольку журнал не может, мы и хотим вам помочь. Попробуем в архивах, в библиотеках найти какие-то следы. Поэтому если вы дадите нам исходные данные...

— Не дам, — отрезал старичок.

— Но почему? Вы же сами хотели...

— Вот именно, — отрубил Ефимов. — Хотел. Сам. Сам.

— Мы только попробуем помочь.

— Знаем мы эту помощь. Материал у меня заберете, а потом, как Шваркин, пропечатаете...

Старичок вновь начал наливаться праведным гневом на неизвестного Шваркина.

— А кто такой Шваркин? — не выдержала Лариса.

Оказалось, что Шваркин — доцент из областного пединститута. Когда он еще был молодым аспирантом, то дружил с Ефимовым. Материалы по истории зауральского подполья за двумя подписями регулярно появлялись на страницах областной печати. Однако когда Шваркин стал обладателем научного звания, он стал публиковаться только за своей подписью.

— Но пишет он статьи сам? — осторожно осведомилась Лариса.

— Сам-то сам, — взорвался старичок, — но материалы-то мои!

— Ну, например?

— Например, что стачка заводских рабочих в 1905 году продолжалась 23 дня. Это я установил по архивам, а он — пишет.

— Так что же он другое может писать? — удивилась гостья. — Если стачка была 23 дня, так он не может же написать 25 дней или 20?

— Все равно не имеет права, — не утихомиривался старик.

— Это неправильно, — решительно возразила Лариса. — Вы сделали открытие, приоритет ваш, никто его, наверное, и не оспаривает, но раз уж вы ввели в оборот новые исторические данные, ими могут пользоваться все.

Старик обиженно посопел, потом сказал:

— Все равно свои новые материалы я ему не дам. А материалы интересные. Понимаете, оказывается, на

железнодорожной станции с 1910 года была отдельная подпольная организация. Небольшая, всего семь человек. И неожиданно их в одночасье схватили. Почти наверняка, как явствует из записки, что я вам послал, из-за предательства. И есть очень серьезное свидетельство о том, кто был предателем...

Старичок, было увлекшийся рассказом, вдруг снова настороженно посмотрел на девушку:

— Так не будете публиковать?

— Честное слово нет, — сказала Лариса пылко.

Ефимов удивленно уставился на нее:

— А тогда зачем вам это вообще нужно?

Она замялась, не зная, как объяснить.

— Мы изучаем историю, понимаете? А чтобы глубже ее узнать, надо вот и раскапывать такие частности. Тогда и все в целом понятней становится.

Старичок с сомнением покачал головой:

— История — на то она и история, чтоб о ней все знали. А если не публиковать, то как же?

— Знаете что, — решилась Лариса, — давайте договоримся так: если мы напишем про это, то обязательно укажем, что честь открытия принадлежит вам. Идет?

— Это другое дело! — согласился Ефимов. — Это будет по справедливости. А не то что Шваркин...

Он с трудом подавил начавшие было снова бурлить чувства и сказал:

— Уговорила. Где тут у меня год одна тысяча девятьсот двенадцатый?

Кряхтя, Ефимов полез в тумбочку и достал оттуда тоненькую красную папку-скоросшиватель, положил ее на стол и со значением хлопнул по ней рукой:

— Досье.

— Здорово! — восхитилась Лариса.

— А как же! — самодовольно сказал Ефимов. — У меня на каждый год заведено. Правда, на двенадцатый маловато, но на то причина — после девятьсот пятого, когда многих поарестовали, организации практически не было до восьмого года, когда снова кружки в разных местах стали образовываться. Однако документов той поры почти нет. Подпольщики ведь протоколов не вели. В двенадцатом у нас в Зауральске снова пошли забастовки, но это больше на судостроительном да на канатной фабрике. А что на станции была своя

ячейка, я хоть и знал по воспоминаниям, но документов не было. Вот только недавно в областном архиве дела судебной палаты начал разбирать (я им на общественных началах помогаю), да и наткнулся на обвинительный акт. Очень интересный, и я, конечно его переписал...

Ефимов, порывшись в папочке, достал несколько листков из школьной тетради, заполненных крупным корявым почерком.

— Разберешь?

— Разберу, — сказала Лариса с оптимизмом, — можно, я сразу записывать кое-что буду?

Ефимов слегка поколебался, потом махнул рукой:

— Давай дуй! Я пока чайник поставлю.

И он зашаркал на кухню, а Лариса начала читать.

«Обвинительный акт.

8-го октября 1912 года, в 9-м часу вечера к городовому Азбочикову, дежурившему на железнодорожной станции, обратился домовладелец, мещ. Барановский, который сообщил, что проживающий в его флигеле рабочий железной дороги Гусев тяжело ранен другим жильцом, Афанасьевым. Дознанием, которое проводил полицейский надзиратель Золотов, установлено, что произошел несчастный случай. В комнате, которую занимали Гусев и Афанасьев, последний рассматривал пистолет Гусева. Невольно выстрелив из пистолета, Афанасьев тяжело ранил Гусева, вскоре скончавшегося в тюремной больнице. Той же пулей самому Афанасьеву раздробило кости указательного пальца левой руки, что вызвало необходимость ампутировать ему палец. Надзиратель Золотов, произведя осмотр комнаты, обнаружил в кармане пиджака, принадлежащего Гусеву, воззвание партии социал-демократов, а в сундучке Афанасьева — комплект раб. газ. «Правда», изобличающие в принадлежности к партии социал-демократов. Путем агентурного изучения круга лиц, с которыми общались вышеозначенные Гусев и Афанасьев, были установлены еще пять человек, у которых в ту же ночь были произведены обыски и которые подверглись аресту по подозрению в принадлежности к партии социал-демократов. Это машинист Новинский, смазчики Лукин и Васильев, помощник кочегара Решетников, рабочий Козлов. Ранее наблюдалось подозрительное поведение вышеозначенных лиц. Как показал домовладелец Барановский, они часто собирались в принадлежащем ему

флигеле, засиживались допоздна. Мастер депо Ал. Иванов показал, что Афанасьев и Лукин подстрекали рабочих к стачке. Хотя арестованные отказались давать показания, можно считать доказанным принадлежность их к партии социал-демократов...»

— Ну, что ты на сей счет думаешь? — спросил Ефимов, внося в комнату чайник.

Лариса пожала плечами:

— Скорее всего роковое стечение обстоятельств. Надо же так неосторожно обращаться с оружием! Не зря говорят — и палка раз в год стреляет.

Ефимов молча слушал, разливая чай по чашкам:

— Пей. Вот попробуй наших ватрушек.

— Вкусно!

— То-то же.

За чаем отношения хозяина и гостьи теплели с каждым глотком.

— Вы извините, а как ваше имя-отчество? А то товарищ Ефимов — уж больно официально.

Дедок усмехнулся:

— Сергей Михайлович. А тебя как зовут?

— Ларисой... Сергей Михайлович, а вы один живете?

— Нет, с дочкой, зятем и внучкой. Внучка уже в институте учится. В нашем, педагогическом.

Лариса помогла Сергею Михайловичу вымыть чашки, потом они снова вернулись в горницу.

— Сергей Михайлович, — спросила девушка, — а вы почему краеведом стали? По специальности вы кто? Историк?

— Нет, — засмеялся Сергей Михайлович, — всю жизнь бухгалтером проработал. И всю жизнь краеведом был — вырезки газетные собирал по истории нашего города, потом вот в архиве начал на общественных началах работать. Это когда на пенсию пошел. А там такие россыпи!.. Приводить в порядок не один десяток лет придется. Ну ладно, отвлекаемся мы с тобой. Так вот, по поводу этого обвинительного акта — не роковое то стечение обстоятельств. То есть выстрел, вероятно, случайным был, но почему остальные арестованы? Что кроется за словами — «по агентурным данным»? Неясно.

— А где само дело? — спросила Лариса. — Там должны быть, наверное, протоколы допросов.

— Дела я не нашел, — сокрушенно покачал головой Ефимов, — вероятно, его передали в губернское жандармское управление, да вряд ли мы бы узнали из него что-нибудь. Ты же читала — никто из арестованных никаких показаний не дал. Осуждены по косвенным уликам. Конечно, произвол, но тогда с такими вещами не считались.

— А архив жандармского управления?

— Дело в том, что архив был сожжен еще во время Февральской революции. Так что все концы в воду. И если бы не записка...

— Да, — спохватилась Лариса, — конечно. У вас же есть записка. Кстати, как она к вам попала? У кого-то из подпольщиков сохранилась?

— К сожалению, записка к адресату не попала. Я ее нашел в переписке судебной палаты. Вот посмотри.

Ефимов достал из заветной папочки еще несколько тетрадных листочков. Лариса внимательно стала читать.

«В губернское жандармское управление.

Уведомляем, что сношения политических арестантов со своими единомышленниками, находящимися на свободе, могут производиться равно как посредством письменных сношений, так и нижеследующими способами: 1) Арестанты одиночной категории, содержащиеся в губернской тюрьме, с момента перечисления их за прокурором палаты, пользуются согласно существующих правил общей прогулкой, на которую они выводятся партиями до 9 человек. На этих прогулках у них, конечно, происходит обмен мыслей и впечатлений, которые затем передаются лицам, их посещающим на свиданиях, несомненно, принадлежащим к такой же политической организации. Доказательством того, что лица, посещающие арестованных, — их единомышленники, служит то, что посетители через некоторое время попадают в тюрьму, но тогда к ним являются лица, прежде содержащиеся в ней. 2) Бывают случаи, когда лица прокурорского надзора разрешают политическим арестантам приглашать к себе посторонних врачей, а эти впоследствии состоят в близком знакомстве с заключенными. 3) По распоряжению прокурорского надзора к политическим заключенным являются целые группы защитников, которые запираются с ними в отдельных комнатах. Что же касается вечерних перегово-

ров политических арестантов через посредство окон, то прекратить таковые не представляется никакой возможности, особенно ввиду того, что мебель в одиночных келиях свободно переставляется с места на место и администрация тюрьмы лишена всякой возможности воспретить подставлять табуреты к окнам, так как для этого потребовалось бы выставить часовых внутри камеры.

Учитывая вышеизложенное, мы не можем обещать полную изоляцию от окружающих лиц арестованных по подозрению в принадлежности к партии социал-демократов, если не будет соответствующего указания прокурору Палаты. Попытки к таковым сношениям имеются. 18 октября сего года заключенный в камере № 678 Решетников пытался передать на прогулке записку заключенному в камере 617 Новинскому. Записка прилагается.

Помощник начальника тюрьмы».

— Значит, записка не дошла до адресата? — спросила Лариса у Ефимова.

— Не дошла, — ответил он, забирая у нее листки и доставая из папочки новые.

Она уставилась на них, продолжая спрашивать:

— Значит, не удалось установить, кто предатель?

Ефимов покачал головой.

— Есть одна догадка. В нашем краеведческом музее собраны воспоминания ветеранов революции. Часть из них, касающаяся наиболее значительных событий, опубликована, часть так и осталась в единственном экземпляре. Я, когда уже отослал письмо в журнал, еще раз их просмотрел. Все они касаются заводских подпольных организаций. Но вот один документ, кажется, помогает нащупать ниточку.

Давай я сам тебе прочитаю то, что написал один пенсионер. Он тогда работал на судостроительном заводе, потом в горсовете, а в тридцатые годы был послан председателем колхоза. Интересный человек, интересная жизнь, целую книгу можно о нем написать. Но это так, к слову. Я прочитаю то, что нас сейчас касается.

Ефимов надел очки и неторопливо начал: «К подпольной работе я был привлечен рано, четырнадцатилетним подростком. Работал я в то время учеником токаря на судостроительном. Поручение у меня было не-

сложное: со станции доставлять на завод газету «Правда». Делалось это так: я ходил на занятия в народную школу, которая находилась около станции. Учительница у нас была совсем молоденькая, сама только что кончила гимназию. Звали ее Александра Сергеевна Новинская. Она была дочкой машиниста Новинского, который, как я узнал уже много позже, руководил тогда подпольной группой на железной дороге. Видимо, он сам получал газеты, а потом через дочку передавал на завод. Александра Сергеевна была хоть молодая, но очень строгая. Если кто знал плохо, оставляла заниматься дополнительно. Я хоть учился с охотой, делал вид, что не знаю чего-нибудь, и всегда уходил последним, получал на прощание газеты, которые прятал под рубаху. Давала она мне, кстати, и книги хорошие почитать. Так я носил газеты два или три месяца. А потом токарь Михайлов мне однажды сказал: «Не ходи на станцию, их всех арестовали». Очень я переживал, особенно жалко было нашу учительницу. Однако вскоре случайно в городе я увидел Новинскую. Обрадовался, спрашиваю: «Значит, вас не забрали?» А она, не глядя на меня, бросила: «Не разговаривай со мной, опасно. Уходи». — «А как же вы?» — спрашиваю. «Я, — отвечает, — скоро отсюда уеду. Да и школу закрыли». Так и пошел я восвояси. Рассказал потом о той встрече Михайлову. Помнится, он тоже удивился, как это она на свободе осталась. После Октябрьского переворота я служил в Красной гвардии. Пришлось допрашивать одного пленного, оказавшегося в прошлом полицейским надзирателем, по фамилии Золотов. Он на допросе показал, что арестовывал железнодорожную группу. И тоже подтвердил, что кто-то их предал. Однако кто именно, не знал. Один раз только жандармский ротмистр ему проговорился, что провокатором была какая-то женщина. Вроде звали ее Зинаида...»

— Вот и все, — сказал Ефимов, заканчивая чтение. — Дальше он о себе пишет. Но ты понимаешь, какая петрушка получается? Это Новинская. Явно была членом подпольной группы и не арестована? А? И потом про эту Зинаиду?

— Чтобы дочь предала отца! Никогда не поверю, — горячо заспорила Лариса.

— И не такие вещи в ту пору случались, — не согласился Сергей Михайлович.

— Зачем ей это нужно было? И потом, ее же Александрой звали, а ротмистр какую-то Зинаиду называл. Может, еще в организации женщины были, мы же не знаем?

— Не знаем, — угрюмо бросил Ефимов. Видать, что его самого уже давно мучил этот вопрос.

— Ну и что будем делать дальше? — не унималась Лариса.

Подозрение, которое пало на молоденькую учительницу, неожиданно так больно задело ее, будто это случилось не семьдесят лет назад, а только что. Хотелось немедленных активных действий.

— Так что будем делать? — повторила Лариса еще настойчивее.

Этого Сергей Михайлович не знал, поэтому явно обрадовался, услышав дробный перестук каблучков в прихожей.

— Внучка пришла.

В горницу влетела улыбчивая, коротко стриженная девушка со спортивной сумкой на плече.

— Ой, здравствуйте. А вы кто? А меня Марусей зовут. Из Москвы? Ой, как интересно.

Маруся вела себя так естественно, просто, что девушки сразу подружились. Она мгновенно уяснила ситуацию, тем более что раньше слышала от деда всю эту историю.

— У меня тоже сердце не лежит к его версии, — сказала она, кивнув на деда. — Ну, суди сама — чтобы учительница была предательницей? Не может быть такого.

— Факты — упрямая вещь, — сказал Ефимов скрипучим голосом, закидывая голову.

— Это не факты, это ты, дед, упрямый! — со смехом заявила Маруся. — Нашел одну зацепку и уперся. Надо дальше искать.

— Где? — рассердился Сергей Михайлович. — Ты же знаешь мою скрупулезность, я все перерыл.

— А в старых газетах смотрели? — спросила Лариса.

Ефимов взглянул на нее обиженно:

— Думаешь, не догадался? Все номера, какие сохранились за то время, просмотрел. Ни звука. Про всякую дребедень писали, вроде того, как извозчик кого-то сбил или пьяные купцы повздорили, а об этом ни

гугу. Видать, жандармское управление запретило. Да ты и по письму помощника начальника тюрьмы должна была понять, как они не хотели, чтобы что-нибудь об арестованных просачивалось на волю. Так что поверьте, мои дорогие, тут что-то нечисто.

— Дед, давай рассуждать спокойно и логически, — сказала Маруся. — Новинская была учительница, так?

— Ну, так! — не мог не согласиться Ефимов.

— Давай поспрашиваем у старых учителей, может, кто ее помнит.

— Твой дед — старый? — кратко спросил Сергей Михайлович.

— Ну, старый, — не понимая еще, к чему он клонит, сказала Маруся.

— Вот именно, — кивнул дед. — А я ведь только в одна тысяча девятьсот двенадцатом родился. А как, по-твоему, должен выглядеть человек, который лет на двадцать, а то и более старше меня? Даже если ты и найдешь такого, что он помнит?

— Все равно попытаться надо, — тряхнула косой Маруся.

— Конечно, надо все возможности использовать, — поддакнула Лариса.

— Ну и пробуйте, раз вы такие прыткие. А у меня уже ноги не ходят.

В едином порыве девушки быстро оделись, выскочили на крыльцо и тут остановились в растерянности.

— Так с чего начнем? — спросила Маруся.

— Ну, наверное, с ближайшей школы, — предложила Лариса несколько неуверенно.

Маруся смешно надула губы:

— Легко сказать! Знаешь, сколько школ в городе? Две недели надо ходить, не меньше. А у меня сессия на носу...

— А у меня — работа, — сказала ей в тон Лариса, и обе рассмеялись.

— В гороно надо идти, — произнес сзади дребезжащий голос деда.

Девушки оглянулись. Он стоял уже одетый — в длинном пальто с шалевым воротником, в шапке пирожком и фетровых ботинках «прощай, молодость».

— Дедуля, ты с нами! — радостно воскликнула Маруся.

— Кто с вами, пигалицами, разговаривать будет? —

произнес вместо ответа Ефимов. — Для разговора серьезный человек нужен. Пошли, сударушки!

Взяв Сергея Михайловича с двух сторон под руки, девушки чинно направились к автобусу. Уже начинались ранние сумерки, когда они очутились в центре города, где находились всевозможные официальные учреждения.

Инспектор гороно, полная женщина в строгом платье, выслушала Ефимова с отсутствующим видом. По взглядам, которые она бросала на лежащие перед ней бумаги, было ясно, что они отрывают по пустякам от дела страшно занятого человека. Когда она уяснила наконец, какого приблизительно возраста им нужны учителя, то просто расхохоталась.

— У нас таких в школе нет, заверяю вас с полной уверенностью. Работа учителя вредная, поэтому редко кто после пенсии год-два перерабатывает. Все спешат на заслуженный отдых, как мы ни уговариваем.

— Ну а как учителя-ветераны? — не сдавался Ефимов. — Неужели про них забывают?

Инспектор пожала плечами:

— У нас такого учета нет. Разве что в педагогических коллективах школ помнят. Или лучше обратитесь в горсобес, — она с облегчением вернулась к своим бумагам.

Идти далеко не пришлось, поскольку горсобес находился в том же здании, только этажом ниже. Здесь их не пустили дальше справочного окошка, несмотря на представительный вид предводителя. Видно, что здесь пенсионеров не любили и знали, как с ними надо обращаться.

— Что надо, говорите, дедушка, короче, — нетерпеливо перебила Сергея Михайловича девушка со вздернутым носиком, когда он попытался начать с событий 1912 года.

— Пенсионеры-учителя? Такой учет, наверное, не ведется. Район какой, вы знаете? Ах, не знаете? Тогда ничего не выйдет. Узнайте сначала район, а потом приходите. Не морочьте мне голову. Заведующий занят. У него прием по личным вопросам раз в месяц, третий понедельник, запись предварительная.

Вышли они из здания, совершенно упав духом.

— Я же говорил, что ничего не выйдет, — вздохнул Сергей Михайлович.

Лариса неожиданно увидела на доме напротив ярко-синюю вывеску «Милиция». Оттуда выходили деловые люди в той форме, что так к лицу была Андрею. Воспоминание об Андрее вселило в нее уверенность.

— Эврика! — закричала Лариса. — Пошли в милицию.

— Чего надумала! — ворчливо отозвался Ефимов. — Мы что, преступника ищем?

— Ну конечно, преступника. Предателя, то есть в данный момент, конечно, нет. Но свидетеля ищем. По очень важному делу, — заспорила девушка. — Ну, идемте! Не арестуют же нас!

И Лариса решительно пересекла улицу. Дед и внучка Ефимовы топали за ней.

Дежурный встретил их участливо, не делая вид, что занят, а когда узнал о цели визита, глаза его зажглись веселым любопытством. Он решительно вышел из-за барьера, отгораживающего его от посетителей, одернул мундир и сказал:

— Пройдемте к следователю. Думаю, поможем, если сможем.

Предупрежденный звонком дежурного, следователь встретил просителей на пороге своего кабинета. Это был невысокий, спортивного вида молодой человек в штатском костюме. К неудовольствию Сергея Михайловича, он больше смотрел на Ларису и Марусю, почему-то лучезарно улыбаясь и даже слегка подмигивая. Тем не менее он оказался деловым и быстро соображающим парнем, понявшим, что они хотят, буквально после нескольких слов. Он схватился за трубку телефона, нажав какие-то кнопки.

— Говорит следователь Семенов. Дайте мне адреса людей года рождения от 1900-го и ранее. Ясно? Да, самое главное, — спохватился он, — место рождения — Зауральск. Думаю, таких немного. Побыстрее, лапочка. Мысль ясна? — спросил он, положив трубку. — Сверстников Новинской найти трудно. Но может, кто-то у нее учился.

Буквально через десять минут в кабинет вошла девушка в милицейской форме с бумажкой в руках.

— Вот, всего пять человек, — сказала она.

— Спасибо, — весело ответил Семенов и сразу же пробежал глазами список. — Все бабушки. Вот вам

конкретный ответ на дискуссию «Берегите мужчин». С кого начнем?

— Учительниц среди них нет? — спросила Маруся, упрямо придерживавшаяся своей версии.

Следователь пожал плечами:

— Сие нам неизвестно. Впрочем, попробуем это установить, не выходя, так сказать, из кабинета.

Он достал объемистый справочник.

— Так, улица Индустриальная, Советский район, домоуправление...

После нескольких телефонных переговоров он сказал нам:

— Кажется, становится тепло. Вот сия почтенная дама, Каменская Ксения Викторовна, действительно была учительницей. Начальник ЖЭКа сам у нее когда-то учился. Поезжайте. Сейчас я насчет машины договорюсь. К сожалению, не могу вас сопровождать, дела. Но очень прошу, если что узнаете, не поленитесь рассказать...

Маруся ему обещала это твердо, и следователь проводил гостей до двери с надеждой в глазах. Милицейский «газик» с синей лампочкой на крыше мигом домчал их по адресу. Это был пятиэтажный блочный дом, каких в Москве сотни. Они поднялись на второй этаж. Женщина, открывшая дверь, не удивилась визиту. Она крикнула в глубь квартиры:

— Мама! К тебе пришли.

— Пусть проходят сюда! — послышался звонкий, нисколько не дребезжащий голос.

— Раздевайтесь, пожалуйста.

Ефимов и девушки прошли в комнату и увидели строгую, совершенно седую даму в пенсне, сидевшую в кресле с высокой прямой спинкой перед телевизором. Увидев их, дама неожиданно заволновалась и сердито заговорила хорошо поставленным, «педагогическим» голосом:

— Это, наверное, вас из школы прислали? Сколько раз им нужно повторять: я репетиторством не занимаюсь. Да вы садитесь. Девочки, наверное, собираются в институт поступать? А по русскому — троечка! Так? Ну, сейчас я проверю. Где-то у меня есть заветный диктантик. Сразу определим, где вы хромаете.

Дама довольно живо поднялась с кресла и направилась к письменному столу искать «диктантик».

Ларисе с Марусей стоило большого труда разубедить даму.

— Значит, не словесность вас интересует, — сказала она растерянно, — а история? Но в истории я сама не тверда.

Здесь вступил в разговор Сергей Михайлович, до этого хранивший молчание. Он рассказал о том, что их привело в этот дом.

Ксения Викторовна слушала его все внимательнее, оглядывая всех по очереди через пенсне, которое держала на расстоянии, как лорнет.

— Я знала Новинскую, — сказала она наконец. — Это была замечательная женщина. И я гордилась дружбой с ней. Хотя эта дружба и была несколько странной — заочной, по письмам. Раньше, между прочим, любили писать письма. Какие у меня есть письма от моих учеников!.. Я их все храню. Храню, конечно, и письма от моей ненаглядной Сашеньки...

Ксения Викторовна с помощью дочери извлекла из нижнего ящика громоздкого комода, стоявшего в углу комнаты, несколько аккуратных пакетов, завязанных разноцветными ленточками. Развернув один из них на столе, стала бережно раскладывать пожелтевшие листочки, одновременно рассказывая:

— Сашенька училась на четыре класса старше меня. Не было девочки красивее ее — огромные голубые глаза, золотая коса, осанка королевская... Уж так старались купеческие дочки превзойти ее, наряды чуть не из Франции выписывали. А Шурочка появится в скромном гимназическом платье, и все вокруг меркнет. Гимназисты из соседней мужской гимназии слали ей без конца записочки, вызывали друг друга на дуэль. Я, конечно, могла ее обожать только издали. Но однажды мы вместе возвращались с занятий, тем более что жили недалеко друг от друга. Так это и повелось. Я преданно ждала ее утром и после занятий, чтобы идти вместе. Меня так оруженосцем и прозвали. Как я гордилась этим! Шурочка после гимназии пошла учительствовать, и я поклялась, что тоже буду учительницей. Потом она уехала в далекий Петербург...

Ксения Викторовна замолчала, погрузившись в воспоминания о далеком прошлом.

Лариса решила прервать затянувшуюся паузу и осторожно попросила:

— Ксения Викторовна! А вы не могли бы нам подробнее рассказать о Новинской и ее отце?

— И почему все же она уехала в Петербург? — подал голос Ефимов.

Старая учительница встрепенулась:

— Да, да, конечно. Вы знаете, когда я провожала Сашеньку в Петербург, она подробнейшим образом рассказала о своей жизни. Возвратившись домой, я не поленилась и записала этот рассказ слово в слово.

Ксения Викторовна снова обратилась к пакету с пожелтевшими от времени бумагами, извлекла тонкую ученическую тетрадь.

— Вот эти записки. Если хотите, я вам прочитаю.

— Конечно! Слушаем внимательно, — ответили гости почти хором.

ГОЛОС ИЗ ПРОШЛОГО

...Сколько я себя помню, мы жили вдвоем с отцом в уютном домике на тихой зеленой улице. Мать я не знала. Говорили, что она умерла, когда я была совсем маленькой. Отец, Сергей Григорьевич, работал машинистом и часто бывал в отъезде. За домом присматривала Полина, женщина из рабочей слободки. Она и убирала, и стряпала, и стирала. Часто с ней приходил ее сынишка, мой ровесник, звали его Гринька. Сначала Гринька очень стеснялся, потом мы подружились. Он любил книжки с картинками, которые покупал мне отец.

Став старше, мы постепенно отдалились друг от друга. Я поступила в гимназию, а Гриньку отец помог устроить учеником слесаря в депо. У меня появились новые подружки, из класса. На нашей улице я единственная, кто ходил в гимназию. Поэтому важничала страшно — говорила протяжно, нараспев, презрительно щуря глаза, как наша классная дама! Представляю, как смешно и противно это выглядело со стороны! Не раз в такие моменты я ловила на себе удивленно-печальный взгляд отца, и мне почему-то становилось не по себе.

Но однажды... Вечером к нам забежал за матерью, которая за стиркой припозднилась, Гринька. Проходя в кухню, он случайно задел меня рукавом промасленной рубашки.

— Осторожней, — крикнула я надменно, хотя сама же была виновата, загородив ему проход. — Дрянь!

Эту фразу услышал отец, находившийся в горнице. Он вышел к нам, и я испугалась — никогда не видела его таким взбешенным.

— Извинись сейчас же, слышишь? — прогремел он.

Я безудержно разрыдалась, потому что никогда не слышала от него ни одного громкого слова. Опрометью бросилась в свою комнату и долго-долго там плакала. Так и уснула в слезах.

Утром отец разбудил меня рано. Он уже стоял одетый в свою форменную тужурку, по лицу было видно, что он не простил меня.

— Собирайся, пойдем!

— Куда?

— Увидишь.

Мы пришли на станцию, сели в поезд, ехали до какого-то полустанка, там наняли мужика с лошадью, ехали еще полдня, пока не приехали в маленькую нищую деревеньку. Отец приказал остановиться возчику у крайней, самой неприглядной избы. Взяв крепко меня за руку, он без стука, как к себе домой, шагнул через порог, а у меня захолонуло сердце странным предчувствием.

Стены просторной с низким потолком комнаты, в которую мы вошли, были темны от сажи. У большого стола теснилось много детворы. Видно, здесь готовились к обеду и спешно занимали места. Один белоголовый мальчишка побольше дал затрещину второму, что поменьше. Совсем маленькая девочка ныла, чтобы ее подсадили на скамейку. От русской печки к столу старушка несла чугунок с картошкой. Поставив его и дав одновременно кому-то по рукам, она заметила нас и поклонилась в пояс.

— Кто к нам пожаловал! Сергей Григорьевич, отец родной! Проходите, будьте как дома. Всегда вам рады. А это кто же с вами?

— Это дочка твоя, Степанида! — сказал отец негромким грудным голосом и, обняв меня за плечи, легонько подтолкнул вперед. — Поздоровайся с матерью, Сашенька!

Я помню, дикий ужас и стыд объяли меня. Щеки запунцовели, ноги стали как ватные. Эта грязная ста-

руха — моя мать? Даже в самых кошмарных волшебных сказках не было такого.

— Моя мама умерла, — закричала я истерически. — У меня нету больше мамы...

Спазма перехватила горло, только обильные слезы потекли из глаз.

— Умерла твоя приемная мать, — таким же ровным голосом продолжил отец. — А это твоя родная... А это все твои братья и сестренки. Ну, иди же.

Я крепко ухватила его за талию руками и, упершись головой в живот, так и застыла. Неожиданно почувствовала легкое, ровное поглаживание по волосам, подняла лицо и близко увидела глаза женщины, которую только что назвали моей матерью. Эти глаза были огромны и печальны, а лицо изборождено глубокими морщинами.

— Александра, доченька, — сказала женщина. — Вон ты какая нарядная. Прямо барыня. Да ты не серчай, Григорьич, — обратилась она к отцу. — Видишь, сомлела девонька. Вы проходите к столу, отведайте, что бог послал!

Мы сели к столу, я так и не отцеплялась от отца, украдкой бросая взгляды вокруг. Из чугунка Степанида ловко извлекла картофелины в мундире, положила перед каждым, потом сбегала в сенцы, принесла шмат сала и глиняный кувшин с молоком, разлила по плошкам. Детвора с чавканьем взялась за еду, особенно жадно хватая куски с салом. Было видно, что оно для них в редкость. Я, с трудом поборов брезгливость, отщипнула картофелину, а потом начала пить молоко, которое оказалось очень вкусным.

— Пей, пей на здоровье, — сказала Степанида, снова робко касаясь шершавой рукой моих волос. — Ишь, какие мягонькие...

— Молоко вкусное, — сказала я вежливо, — спасибо.

— Это спасибо тебе, Григорьич, — сказала хозяйка. — Ежели бы ты в зиму нам денег не послал, пришлось бы буренку со двора сводить. Снова бы им пухнуть с голоду...

— Ерунда, — смущенно отмахнулся отец и вдруг спохватился. — Да я же ребятам сладостей привез.

Он извлек из чемоданчика, оставленного у порога,

пакет с леденцами. Детвора с визгом накинулась на них.

— Не ешьте так, сейчас чай принесу, — прикрикнула на них Степанида, и действительно вскоре на столе появился самовар.

— А где Федор твой? — спросил отец, дуя в блюдечко.

— На заработки подался со стариками, — ответила хозяйка. — К севу вернутся.

— Передавай ему привет, — сказал отец, — и если что надо, не стесняйтесь. Чем могу, помогу...

Мы начали прощаться. Я несмело подошла к женщине, поднялась на цыпочки и коснулась губами ее щеки. Она поцеловала меня в лоб.

— Не забывай нас, Александра!

У ворот уже стояла повозка. Мужик, вернувшийся за нами по уговору, отвез нас на станцию. Весь обратный длинный путь отец рассказывал мою историю.

Его покойную жену тоже звали Сашенькой. Она страдала наследственной чахоткой, и ничто не могло ее спасти. Она угасла раннею весной, двадцати лет от роду. Отец с отчаяния не находил себе места. Вернувшись с поездки, он брал ружье и уходил далеко в лес. Охотился плохо, потому зверье всякое жалел, а просто брел по тропинкам куда глаза глядят.

Однажды он и забрел в эту деревеньку, постучал в крайнюю избу, попросил напиться. Вид голодных детей потряс его. По полу ползала чумазая девочка. Он взял ее на руки.

«Как зовут?»

«Лександрой, — безучастливо сказала мать, пытавшаяся соской из хлебного мякиша, который дал отец, накормить младенца, лежавшего в люльке. — Наверное, бог приберет скоро. Уж три года, а еще не ходит...»

Отец взглянул на девочку, тянувшую к нему руки.

«Сашенька... Неужели провидение божие? Слушай, хозяйка, отдай мне девочку. Я ее удочерю».

«А что, бери», — так же безучастливо согласилась хозяйка.

Отец отдал ей деньги, какие были с собой, закутал девочку в куртку и бережно понес ее домой... Так я стала его дочерью. В Зауральске никто и не знал, что я не родная дочь. Соседям он просто объяснил, что, пока жена болела, боясь заразы, ребенка держали у кор-

милицы. Он выходил, вылечил меня, радуясь, как с каждым днем я становилась все здоровее и красивей.

...Эта история перевернула все в моей голове. Без сердечной жалости я не могла больше смотреть на бедных нищих людей, особенно на детей. И уж, конечно, никогда ни словом, ни взглядом не обидела Гриньку, но в душе у меня не проходила неприязнь к нему. Вот уж без вины виноватый.

Время шло. Из девчонки я превратилась в девушку, барышню. По-прежнему вечера мы проводили вместе с отцом, которого я любила теперь еще сильнее. Мы читали, сидя рядышком у керосиновой лампы, — я всякую дребедень об оккультных науках, перевоплощении души, об индийских факирах, черной и белой магии, что вызывало у отца бесконечные незлобивые шутки, сам же он читал книги технические и даже философские. Ненавязчиво он пытался изменить мой интерес. В частности, благодаря ему я прочитала Максима Горького, ведь в гимназиях его не проходили! Писатель покорил меня правдой жизни, но все равно я предпочитала чтиво полегче, мне казалось — и так вокруг все темно и плохо, зачем об этом еще в книжках читать!

Однажды вечером, когда я со своей книжкой пришла в гостиную, то застала там незнакомого мне человека, о чем-то негромко беседующего с отцом. Незнакомец был очень худ и бледен, и, что меня поразило, он был одет в отцовский костюм! Из воспитанности я промолчала, хотя изнывала от любопытства — неужто он к нам пришел голый? Когда незнакомец нагнулся за приготовленной для него отцом чашкой чая, на запястье его тонкой руки я увидела багровый нарост, будто обручем охватывающий руку.

Незнакомец заметил мой взгляд и усмехнулся.

— Знаки царского внимания. Не видели раньше?

— Н-нет, — пробормотала я, еще ничего не понимая.

— Такой след на всю жизнь остается от кандалов, — с улыбкой пояснил незнакомец.

— От кандалов?

Тут меня осенило — это же каторжник! На станции мне часто приходилось видеть зарешеченные вагоны, которые гнали куда-то дальше в Сибирь. За нашим городом проходила невидимая граница, за которой проживали ссыльные, а в восьми-десяти верстах была

расположена знаменитая тюрьма, где когда-то томились декабристы. Глаза мои загорелись восторгом, как романтично — у нас в гостях беглый каторжник. Отец, конечно, сжег или закопал его арестантскую одежду, а дал ему свою. Мой благородный отец!

Они продолжали беседовать, мое ухо ловило какие-то непонятные мне выражения — «социализм», «капитал», «отзовисты», что-то говорилось о Думе, о Столыпине. Мне стало скучно, я пожелала им спокойной ночи и отправилась восвояси.

Наутро незнакомца уже не было. На мои жадные расспросы отец явно не хотел отвечать:

— Так, зашел случайный путник, разговорились.

Когда я спросила насчет одежды, даже рассердился:

— Тебе показалось! У меня не было никогда такого костюма...

С того момента в нашем доме что-то изменилось. К отцу стали чаще приходить люди, впрочем, в большинстве это были его знакомые, с железнодорожной станции. Они вместе что-то читали, даже довольно раздраженно спорили. Меня лишь удивляло то, что приходили они к нам не через парадное, а через калитку в саду, что вела к реке.

Так что наши вечерние посиделки с отцом кончились сами собой, что ничуть меня не огорчило, поскольку вечерами я теперь обыкновенно прогуливалась с одним гимназистом...

Как-то раз нас, гимназисток старших классов, пригласили на бал в мужскую гимназию.

Сначала нам показали живые картины, что-то из жизни Древнего Рима, затем акробатические упражнения, и, наконец, с завыванием стал читать свои стихи доморощенный Северянин.

— Декадентщина, — сказал кто-то громко.

Сзади зашикали, я с любопытством осмотрелась. Рядом со мной стоял высокий гимназист. Он сразу поразил мое воображение — высокий лоб, черные горящие глаза, буйные черные волосы. Заметив мой взгляд, он поклонился и представился:

— Симонов. Не надоело вам это? Пойдемте лучше в буфет.

Я согласилась. За мороженым мой новый знакомый с жаром принялся критиковать сначала гимназию, а потом и существующий строй. Он весь был напичкан ре-

волюционными идеями. А как он рассказывал о женщинах революции, не испугавшихся казни во имя счастья народа!

Я слушала его с восторгом. До этого моя «революционность» заключалась лишь в игнорировании великого поста. К ужасу наших святош, в эти дни на переменке я доставала из портфеля аппетитный кусок колбасы и уминала назло всем церковным запретам.

Боже, какая смешная наивность! От Симонова я впервые услышала, как готовился заговор против Александра-«освободителя», как бросал бомбу в великого князя Каляев, как дерзко убегал из тюрем князь-бунтовщик Кропоткин.

С этого вечера мы стали встречаться постоянно. Симонов не объяснялся мне в любви и не лез целоваться, как прочие. Этим юноша мне нравился еще больше. Зато какие он строил величественные планы заговоров против царя. Вот, переодетый в форму офицера, он проникает во дворец и хладнокровно ждет выхода светлейшего палача. Мгновенно выхватывает кинжал — вот тебе, негодяй, за слезы народные!

Видимо, столь откровенен Симонов был не только со мной, и кончилось это плохо. Его исключили из гимназии с «волчьим билетом». Об этом мне сообщила наша классная дама, пригласившая меня для специального разговора.

— Вы, кажется, поддерживали знакомство с этим молодым человеком? — спросила она, щуря свои холодные глаза. — Ах, Новинская, Новинская. Уж если вам необходимо флиртовать, в чем я не убеждена, так флиртуйте с достойными молодыми людьми. Ведь, говорят, к вам неравнодушен сынок банкира?

Симонов, по слухам, уехал куда-то из города, встретила я его не скоро и при весьма странных обстоятельствах. Впрочем, по порядку. Еще через год я закончила гимназию. Отцу очень хотелось, чтобы я продолжала учебу дальше, но где взять деньги? Было решено, что пока я пойду преподавать в народную школу, только что открывшуюся для железнодорожных рабочих.

Вопрос был не только в заработке. Еще до этого у нас с отцом состоялся разговор по душам. Узнав, что Симонов пострадал за свои идеи, я твердо решила пойти в революцию. Как? Не такая уж я была наивная, чтобы не понять, чем занимается мой отец.

— Я знаю, кто ты! — трагическим шепотом сказала я ему как-то вечером, когда он проводил своих постоянных гостей. Среди них, кстати, я все чаще видела Гриню, который к этому времени стал помощником кочегара.

— Ну? И кто же? — хмыкнул иронически отец на мой театральный тон.

— Не отпирайся! Ты — подпольщик!

Отец попытался разыграть добродушное недоумение:

— Подпольщик? Это как это? Под полом, что ли, сижу? Вроде нет.

— Не разыгрывай из меня маленькую дурочку, — не сдавалась я. — Что я, слепая? Не вижу, что в дровяном сарае лежанка стоит? Что по ночам приходят и уходят какие-то таинственные личности?

Настало время смутиться отцу. Он как-то крякнул в растерянности, потер лоб, потом сказал серьезно:

— Ладно. Видать, действительно от разговора не уйти. Садись вот сюда, напротив, поговорим. Хочешь знать, чем твой отец занимается?

— А я и так знаю! — сказала я запальчиво.

— Ну?

— Губернатора убить собираетесь!

Отец искренне расхохотался:

— Откуда у тебя такие кровожадные мысли? А, понимаю, это твой ухажер тебя так настроил.

— Симонов не ухажер. Он хочет погибнуть за народ.

— Ну ладно, не ухажер. А кому это нужна его гибель?

— Как кому? Народу! Его жертва заставит содрогнуться собратьев...

— Поверь мне, Сашенька, смерть твоего героя не нужна народу. Еще одно покушение, пусть даже удачное, ничего не изменит. Напротив, лишь усилятся репрессии против революционеров, еще сотни невинных пойдут на каторгу. Игры в героев, эти эсеровские штучки, отвлекают от главного — пробуждения политического сознания рабочих и крестьян. Только когда на борьбу встанут не единицы, а сотни тысяч, возможно ниспровержение одного строя и создание другого, справедливого и равноправного...

— Чьи штучки, ты сказал?

— Эсеровские. Есть такая партия — социал-револю-

ционеров. Эсеры считают, что толпу должны вести за собой герои-одиночки. Это вроде бы красиво, но за этой красивостью как раз и кроется неверие в народ, за который они так горячо ратуют.

— А ты к какой партии принадлежишь?

Отец чуть помедлил с ответом, потом, словно решившись, твердо сазал:

— Я — социал-демократ, большевик. И только наша партия приведет рабочих к победе.

— И вас много?

— Много, Сашенька, очень много. Практически организации есть на каждом заводе, на каждой фабрике, есть уже и в деревнях... А самое главное — с каждым годом, нет, теперь с каждым месяцем становится больше.

— Я тоже хочу быть социал-демократом! — пылко заявила я.

Отец ласково потрепал меня по голове.

— Пока в этой головенке полный ералаш. Для начала тебе надо почитать кое-что вместо приключений Рокамболя...

Он дал мне скромненькую брошюрку, отпечатанную на гектографе. Вслух я прочитала название «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

— «Друзья народа» — в кавычках? Эсеры имеются в виду?

— Нет, эта книга написана несколько раньше, она была направлена против народников, влиятельной партии конца прошлого века. Но эсеры очень многое взяли от народников, так что в книге ты найдешь кое-что из того, о чем мы сегодня говорили.

После того как я прочитала первую работу Ленина, отец стал постоянно давать мне читать подпольную литературу, терпеливо объясняя не понятое мною. Однако на собрания подпольщиков он меня по-прежнему не допускал, каждый раз роняя лаконично:

— Рано.

Спустя какое-то время он стал давать мне поручения, вполне невинные на непосвященный взгляд — сходить к такому-то, сказать то-то или передать какой-нибудь сверток. К началу моей работы в народной школе я уже неплохо разбиралась в революционной науке,

ПРАВДА

боевой пыл мой не остыл, напротив, я все время просила отца дать мне более серьезное поручение.

— Это и будет твоим партийным делом, — сказал отец, когда я была принята учительницей в народную школу.

— Учить — партийное дело? — не без иронии спросила я.

— Безусловно, — ответил отец. — Мы должны использовать любую легальную возможность для пропаганды.

— Арифметика и пропаганда?

— Почему бы нет? Учти, твои ученики — не мальчики и девочки, а молодые рабочие. Можно и уроки по арифметике вести так, чтобы они задумались, почему это получается, что одни все становятся богаче, а другие — все беднее. Вот и пораскинь умишком...

Преподавать в школе оказалось действительно очень интересно. Вопросики мои ученики порой задавали такие, что ни в каком гимназическом учебнике не найдешь.

Отцу ежедневно доставлялась объемистая пачка газеты «Правда». Он делил ее на части и раздавал подпольщикам для передачи в организации. Небольшую стопку газет он давал мне, чтобы я передавала одному из моих учеников, работавшему на судостроительном заводе. Я очень гордилась этим заданием, хотя сердце мое и трепетало каждый раз, когда я по дороге в школу проходила мимо полицейского.

Однажды поздно вечером я возвращалась с занятий и у самого нашего дома нос к носу столкнулась с... Симоновым.

— Ты?!

Симонов был одет как рабочий, кепка надвинута низко на глаза, но все равно я сразу узнала его.

— Я, Сашенька, я! — Он крепко стиснул меня за локоть. — Но, чур, ты меня не знаешь...

— Все в Желябова играешь? — засмеялась я.

— Нет, Сашенька, время игр прошло. Перед тобой смазчик вагонов Афанасьев. Могу паспорт предъявить...

— Значит, нелегал?

Симонов молча кивнул.

— Где же ты пропадал? Был слух, вроде в Москву подался...

— Да, был в Москве, участвовал там в революцион-

ной работе, — он усмехнулся, — романтический пыл быстро с меня сбили. Кстати, в Москву я благодаря твоему отцу попал. Он явку дал...

— Мой отец? — не могла я скрыть изумления. — Значит, он связан...

— А ты не знала? — перебил меня Симонов. — Да, твой отец — конспиратор, каких поискать. Когда я «волчий билет» получил, он встретился со мной. Оказывается, Сергей Григорьевич присматривался ко мне, когда я еще к тебе приходил. Был серьезный разговор. Убедившись в моем твердом желании быть революционером, он дал мне адрес в Москве, написал письмо, помог с железнодорожным билетом. Вот так-то, Сашенька.

— А почему ты снова здесь?

— По тебе соскучился, — рассмеялся Симонов, и вдруг лицо его стало сурово-печальным. — Схватили нас. А там, известное дело, — суд да на каторгу. Помог случай — с напарником бежали в дороге. И сюда!

— Тебя, значит, ищут?

Симонов усмехнулся:

— Напротив, кому в голову придет меня здесь искать? Полиция наверняка решила, что мы бросимся в сторону Европы, а мы — в противоположную сторону. Каково? Конечно, я из осторожности к родным не показываюсь. Сергей Григорьевич меня и друга на станции пристроил, под чужими именами, естественно.

— Замечательно придумано! — восхитилась я. — Неужели это ты сам?

Вот теперь я почувствовала, как он изменился. Раньше непременно бы похвалился. А сейчас лишь отрицательно мотнул головой:

— Нет, это мой друг, замечательный человек, настоящий революционер. Ненамного старше нас, а уже такое пережил...

— Ой, интересно! Познакомишь?

Симонов многозначительно нахмурился:

— Ну, знаешь, все-таки конспирация...

Но мальчишеское желание похвастаться новым другом все же победила:

— Ладно. Мы как-нибудь вечерком в школу к тебе зайдем. Видишь, все про тебя знаю!

Они зашли буквально на следующий день, к концу занятий, Симонов, то бишь теперь Афанасьев, и его друг,

который представился как Гусев. Это был действительно необычный человек... Таким я себе представляла Овода, вернувшегося на родину из Америки. Лицо бледное, даже с каким-то синеватым оттенком, черные усы, аккуратно подстриженная бородка, не скрывавшая узких, постоянно дрожащих в какой-то язвительной полуулыбке губ, глаза близко посаженные смотрят, будто просверливают тебя. Говорил Гусев глуховатым приятным голосом, с каким-то легким акцентом. Я заметила еще одну странность: не прерывая разговора, Гусев периодически резко оборачивался, будто ожидая нападения сзади.

Друзья проводили меня до дому. Гусев был интересным собеседником, многое знал, бывал не только в разных уголках России, но и в Европе. Если Симонов пытался важничать и «конспирировать», как он выражался, то его товарищ, напротив, охотно рассказывал о своих бесконечных стычках с полицией, дерзких, удачливых побегах почти из всех тюрем, перестрелках со стражниками на границе.

— Приходилось стрелять? — переспросила я с таким ужасом, что Гусев усмехнулся, а Симонов не выдержал:

— Ты знаешь, как он стреляет? Я видал: выстрелом с десяти шагов свечу гасит, как рукой. Б-бах — и темно! Никогда с оружием не расстается...

Я даже остановилась, потрясенная:

— И сейчас?

Гусев расхохотался:

— Конечно. Знаете ли, как-то спокойней себя чувствуешь с этой игрушкой.

— Но это же опасно — носить с собою оружие! Вдруг полицейский захочет обыскать?

— Меня? Скромного конторщика железнодорожного пакгауза? Ему и в голову не придет, откуда ему знать?

— А если вдруг предатель?

— Ерунда, — пренебрежительно отмахнулся Гусев, — жандармских агентов я за версту чую. Тут со мной в Москве незадолго до ареста смешная история приключилась. Один наш товарищ должен был из-за границы транспорт с литературой доставить. Об этом передали по цепочке, а чтобы отвлечь полицию, которая могла пронюхать, по почте письмо послали, что, дескать, принимайте литературу, но естественно, дру-

гую, ложную явку дали. Мне поручили посмотреть, клюнет полиция или нет. Переоделся я извозчиком, пришел заранее в трактир, где свидание назначалось, чаи гоняю, наблюдаю. Ближе к восьми, ко времени свидания, сначала один ферт объявляется — одет в красную рубаху с кавказским ремешком, тужурка студенческая, но сразу видать офицерская выправка. Подсаживается за мой столик, на меня, естественно, не смотрит, глазами вокруг водит, революционеров выискивает. Вдруг вижу: мать честная, еще один шпик на горизонте показался. Этот попроще, под рабочего одет, а нос сизый сразу филера выдает.

Потом уж я догадался, что почтовый чиновник, что письма перлюстрировал, из жадности, чтобы вознаграждение побольше получить, сразу в два места сообщил — в охранку да местному полицейскому надзирателю. Увидел второй моего франта в красной рубахе и тоже шасть за мой столик. Начинают они вдруг друга прощупывать, умереть со смеху можно. «Студент», значит, говорит:

— Ну, как у вас? Снял съезд с программы террор?

— Какое там! — отвечает «рабочий». — Вот уже третьи сутки висит, не хоронят. Срамота одна!

«Студент» ничего не понял и продолжает рубить сплеча:

— Коллективный протест интеллектуального пролетариата в революционно-реакционную эпоху репрессий формулирует...

Тут время к восьми подходит. «Рабочий» вдруг в свисток как засвистит. И в трактир полицейские повалили. А через задний ход, прямо через буфет жандармы, переодетые в штатское. Что тут началось! Все орут, друг друга хватают за грудки, я потихоньку из зала — и ходу! Вот умора, а вы говорите — шпики.

История с самого начала показалась мне знакомой, а когда Гусев диалог двух агентов передал, я окончательно вспомнила — об этом же в «Правде» рассказ был напечатан.

— Вы еще и писательством успеваете заниматься? — спросила я с насмешкой.

— В каком смысле?

— А в том, что рассказец ваш очень мне напомнил тот, что в «Правде» я читала.

Гусев ничуть не смутился. Напротив, порывисто пожал мне руку и сказал:

— Я рад. Честное слово, рад.

— Не понимаю, о чем вы.

— Рад, что вы не пустая барышня, как кажетесь, а действительно наш товарищ. Извините, Саша, проверял. Даже не потому, что не доверяю, знаете ли, както по привычке.

— Ты видишь! — легонько ткнул меня в другую руку Симонов.

На его лице был написан явный восторг.

— Ловко он тебя, а?

Я, признаться, обиделась. Меня проверять? Расстались мы довольно холодно, хотя, если честно, новый знакомый мне понравился. Друзья зашли за мной в школу и на следующий вечер, с той только разницей, что на этот раз они были втроем — к ним присоединился Гриня. С тех пор так и повелось: трое молодых людей каждый вечер провожали меня домой. Гусев больше меня не «проверял», а рассказчиком действительно был отличным. Мы обычно довольно долго простаивали у калитки, но в дом не входили. Для посторонних считалось, что друзья с моим отцом незнакомы. Так требовали правила конспирации. Сближение мое с Гусевым и Афанасьевым очень не нравилось, как я заметила, Грине, который к этому времени из подростка превратился в стройного юношу. Он одевался под Горького — черная косоворотка, высокие сапоги, длинные волосы. Вот только усы подкачали — так, какой-то белесый пушок над губой. Однажды, улучив момент, когда мы были одни, Гриня предложил мне руку и сердце, но, будучи отвергнутым, не обиделся:

— Конечно, такие франты вокруг тебя вьются...

— Ты же знаешь, что никаких «амурных» дел у меня нет. Просто это знакомые.

Гриня как-то загадочно усмехнулся, и я поняла, что он знает этих «знакомых», может быть, лучше меня. Я рассердилась.

— Вечно какие-то тайны мадридского двора! То Гусев, видите ли, проверяет, то ты туда же. Я, в конце концов, полноправный член организации. Вот папе пожалуюсь.

Гриню это развеселило.

— Напугала — папе пожалуется. Так твой папа как раз первый...

— Что первый? — не отставала я.

Гриня понял, что проговорился.

— Ну же! Говори! Иначе водиться с тобой не буду.

— Твой отец первый, кто против, чтобы тебя во все дела посвящать.

— Почему?

— Старается тебя сберечь!

— От чего?

— Ведь в случае провала мы все на каторгу пойдем.

— Ну и что же! Я не боюсь.

Дома я снова попыталась вызвать отца на разговор. Однако, обычно уступчивый, в этот раз он был непоколебим:

— У тебя есть партийное поручение, достаточно.

— Вы что-то от меня скрываете.

— Да, скрываем. Но это требования конспирации. Каждый должен знать только свой участок. Это необходимо на случай провала.

— Думаешь, струшу?

— Нет, но у охранки есть свои способы дознания. И даже не поймешь, что проговорилась. И вообще отстань, я хочу, чтобы у меня были внуки.

Я покраснела.

— Об этом рано думать!

— Рано, рано. Вон уже трое против твоих чар не устояли... Смотри, Шурочка!

Он шутливо погрозил мне пальцем. Меня это рассмешило. Я, конечно, и думать еще не думала о замужестве. Незадолго до этого в «Правде» была помещена забавная история, как одна романтическая девица предложила «разыграть» свою руку и сердце. Я вспомнила об этом сейчас:

— Может, ты хочешь, чтобы я предложила разыграть меня на «узелки»? — спросила я отца шутливо.

Он также в шутливом испуге замахал на меня руками:

— Что ты, что ты! Разве они нам ровня? Ты давай мне купеческого сынка, да чтоб первой гильдии.

— Банкира не хочешь?

Мы дружно расхохотались...

...Говорят, что, если тебе бывает очень весело, это не к добру. Ночью мне приснился страшный сон — будто стою я утром перед трюмо и расчесываю свои волосы. Вдруг в комнату вбегает какой-то мальчишка и подает мне конверт. Я беру его и сразу нащупываю обручальное кольцо. Стыд и отчаяние охватывают меня — суженый отказался от своего слова. Я начинаю плакать сначала тихо, потом навзрыд.

Когда я открываю глаза, они еще полны слез. Слышу громкий, настойчивый стук в дверь, голос отца, чужие голоса, возбужденные и злые. Потом ко мне в спальню заглянул отец:

— Сашенька, оденься. У нас жандармы.

Грубые люди в шинелях и сапогах, не церемонясь, переворачивали все вверх дном. Под утро они увели отца, не дав мне с ним попрощаться. Утром пришла заплаканная Полина — ночью арестовали и Гриню. Она же рассказала, что якобы два молодых человека, недавно приехавших в город и работавших на станции, покончили оба самоубийством, не поделив какую-то красавицу. Сердце мое сжалось в смутном предчувствии еще одной беды. Пересилив себя, я отправилась на занятия в школу, но часы шли и никто — ни Гусев, ни Афанасьев — так и не появились. Шли дни. Я ходила то в губернское присутствие, то в судебную палату. Наконец меня направили в жандармское управление. Жандармский офицер был внимателен и любезен, осторожно выспрашивал, кто приходил к отцу, что приносили либо уносили. Однако убедившись в моем нежелании говорить, стал сух и официален, заявил, что мой отец — опасный государственный преступник и свидание с ним дать не может. Я подала прошение губернатору, и мне все же позволили увидеть отца. Свидание длилось десять минут. Отец осунулся, но улыбался мне по-прежнему нежно. Прощаясь, он сказал:

— Сашенька! Слушай меня внимательно — продавай немедленно дом и отправляйся в Петербург на учебу.

Через несколько дней состоялся суд. Шел он при закрытых дверях. Никого, даже родственников, не пустили в зал суда. Меня лишь уведомили, что Новинский Сергей Григорьевич осужден на три года каторжной тюрьмы с последующей ссылкой. Вскоре закрыли и на-

родную школу как рассадник революционной заразы. Я осталась без работы и вынуждена была последовать совету отца.

ЧТО ДЕЛАТЬ ДАЛЬШЕ?

В следующий четверг ребята пришли к Максиму Ивановичу раньше назначенного часа в надежде, что, может быть, он получил какие-либо известия из Зауральска.

Однако, войдя в кабинет, по вопросительному взгляду учителя поняли, что он тоже ждет результатов поездки.

— А где Лариса? — спросил он. — Неужели не приехала? По времени вроде пора... И не звонила даже.

— Домой звонила, — сообщил Андрей. — Но ничего толком не сказала. Обещала вскорости быть.

— Да-а, — разочарованно протянул Максим Иванович. — Неужели пустой билет? Я, честно, очень надеялся на краеведа Ефимова.

— Не нужно было девчонку посылать, — буркнул Борис. — А вообще, раз собрались, давайте делом заниматься. Вот ты, Игорь, говорил, что подбираешь материал по социальным вопросам и по царской полиции.

— Пожалуйста, — встрепенулся Игорь. — В 1912 году дело дошло до того, что действующая армия оказалась не только без винтовок, патронов, но и даже... без штанов. И это в канун первой мировой войны. Если разрешите, я вам зачитаю фельетон «Правды» того времени:

«Где штаны?

До сего времени войска не получили шаровар по сроку 1911 г. ...Шаровар защитного цвета почти нет, но и черных в некоторых частях не хватает для снабжения ими призываемых запасных...

Как хотите, — армия без штанов не может называться «действующей».

М. Меньшиков
«Новое время»

В начале интендантского бытия была крупа. Гречневая, ячная — «толстая» и «тонкая», пшенная, кукурузная...

Во всех видах и смыслах, в виде каши с салом, «с жаренками» с маслом коровьим, с маслом пост-

ным — она служила для восстановления солдатских сил, а в смысле счетов и расчетов с подрядчиками — питала интендантов.

Затем вышли на сцену холст и сукно. Интендантские «холстомеры» проявили большие таланты — изобрели двенадцативершковый аршин, затем перешли на «десятичную» систему, по которой в аршине оказалось только 10 вершков — для ровного счета.

Но в полном блеске интендантский гений развернулся на сапогах.

Солдатские сапоги были лакомым блюдом на роскошных интендантских пирах. На балах интендантские красавицы блистали сапогами с картонными подошвами, — конечно, превращенными в бриллианты и золотые украшения. Солдатскими сапогами расплачивались в ресторанах. И эти же сапоги в невероятном количестве проигрывали в карточных клубах повсеместно, где только были клубы.

Пока солдаты без сапог ходили за тысячи верст бить турка и японца, сапоги совершали недалекие путешествия из амбара подрядчика в интендантский склад и обратно.

Сапоги были в столь большой славе, что сам М. О. Меньшиков из «Нового времени» взял их под свою патриотическую руку. Чтобы, упаси боже, интендантские склады не осквернились сапогами, поставленными каким-либо «жидовским» поставщиком, М. О. Меньшиков усиленно рекомендовал сдать подряд на них его знакомому Френкелю, который обезопасил бы интендантов от «еврейского засилья».

Это была вершина славы солдатских сапог и интендантской изобретательности.

Но... всему бывает конец. Сначала левая печать, потом даже правая, потом ревизующий сенатор Гарин вытащили всю картину интендантского «патриотизма» за ушко да на солнышко. И оказалось:

крупы нет: не из чего варить солдатскую кашу;

капуста гнилая: щи хотя и можно варить, но тухлые;

холста нет: зимой туда-сюда, но летом не ахти как приятно.

Сукна нет: летом ничего, но зимой отнюдь не способствует.

Сапог нет: результат и зимой и летом плачевный.

Стоит солдатик — на голове «головной убор», в руках ружье... а штаны «3-го сорта».

Однако штаны те частью за ветхостью расползались, частью просто их на всех не хватило.

Увидел это М. О. Меньшиков, и даже его прорвало:

— Как хотите, — сказал он, — мое дело насчет штанов сторона. Только армия без штанов — какая же это «действующая армия»?!»

Все засмеялись. Особенно заливался Андрей:

— Я представляю себе: стоит солдат на часах и без штанов. Ой, не могу. А как в атаку идти? Ха-ха-ха.

Потом он взглянул на часы и заскучал:

— Похоже, что Ларисы не будет. А если так, разрешите зачитать то, что она выписала из газет. Она занималась великосветской хроникой. Причем хронику эту «Правда» давала в пародийном стиле, показывая «свиное рыло» сильных мира сего. Можно, я зачитаю?

— Конечно, конечно! — поддержал Максим Иванович.

— «Дуэль. Вчера в Гатчине между лейтенантом Жерар де Сукантон и князем ханом Нахичеванским, офицером лейб-гвардии Кирасирского ее величества полка, состоялась дуэль на пистолетах. Дуэлянты стреляли на расстоянии 25 шагов. Ранен барон Жерар де Сукантон, пуля попала ему в правый бок и застряла в легком. Причина дуэли — ссора на романтической подкладке».

— Тоже мне — «романтическая подкладка»! — покачал головой Борис. — Просто с жиру бесились. Мужики с голоду пухнут, а эти идиотизмом занимаются.

— Князьям да графьям подражали политические деятели. Чтобы создать себе славу светских людей, тоже дуэли затевали. А стреляться боялись, вот и получался жалкий фарс. Для примера зачитаю:

«Политическая дуэль.

Буржуазная пресса пережила неделю о Гучкове. Сколько разговоров велось по поводу его дуэли с Мясоедовым! До дуэли шло гадание: состоится дуэль или нет, кто секунданты, каковы условия, где место встречи, как чувствует себя А. И. Гучков; повел он бровью при входе в зал думского заседания или нет; зачем он поехал в Москву — прощаться с родными, составлять завещание или сказать последнее «прости» избирателям-октябристам?

После дуэли бульварные газеты аршинными буквами писали на страницах, отданных под А. И. Гучкова.

Дуэль состоялась... Полиция помешала первой встрече... Противники обменялись безрезультатными выстрелами. Дуэлянты разошлись врагами. Затем пошли: протоколы переговоров, протокол дуэли, описания очевидцев, сообщения секундантов, портреты участников и среди них светила 3-й Государственной думы А. И. Гучков, П. И. Крупенский и А. И. Звягинцев.

Что за шум, что за событие необычайной важности? Решалась судьба России, спасалось большое общественное дело? Ничего подобного — спасалась надежно подмоченная репутация лидера октябристов накануне новых выборов в Государственную думу.

Гучков за пять лет не сделал ни одного серьезного шага в Государственной думе; он только управлял из-за дырявого занавеса худой игрой октябрятских марионеток, но зато он часто вставал в позу, делал многозначительные жесты. Занимал место председателя Государственной думы и демонстративно отказывался от него, ездил на Дальний Восток, два раза дрался на дуэли.

Но к жестам и позам быстро привыкают, и они уже не производят надлежащего впечатления, так и с А. И. Гучковым: все привыкли к его «политическим» выходкам, как привыкают к недостаткам человека.

Увы, и новое «выступление» Гучкова не будет иметь успеха: пошумели газеты, поболтали «в обществе», и «безрезультатный» выстрел не оставит никаких политических последствий: ни свои личные фонды, ни фонды октябристской партии Гучков этим не поднимет.

Демократия же с улыбкой смотрит на эту барскую забаву с автомобилями, пистолетами, барьером и секундантом».

— Как говорится — ни прибавить, ни убавить! — заметил Андрей. А вот еще несколько заметок.

«Саратов. Газеты передают: один саратовский помещик, генерал, проживающий в Ницце, недавно умер. Одновременно умерла в Ницце богатая английская леди. Одному и тому же похоронному бюро было поручено отправить обоих покойников для погребения на их родину. По доставке гроба с останками английской леди в Лондон родственники покойной пожелали проститься с незабвенной тетушкой. Открыли гроб и ахну-

ли: перед ними лежал почтенный генерал в мундире. Немедленно была послана телеграмма похоронному бюро в Ниццу. В ответ получили извинения и адрес родственников генерала в Саратове. Обратились туда по телеграфу с запросом. Последовал ответ: «Тетушку вашу сегодня похоронили со всеми воинскими почестями. Располагайте нашим генералом по вашему усмотрению».

Или вот еще:

«Подлог аттестата. Симферополь. Бывший чиновник особых поручений при севастопольском градоначальнике Христенко обвинялся в составлении подложного аттестата об окончании шести классов гимназии. На суде Христенко сознался, что аттестат купил. Присяжные вынесли ему оправдательный приговор».

— Молодец Лариса, — одобрил Максим Иванович, — довольно неожиданный подбор, но интересный.

Вдруг раздался звонок.

Игорь улыбнулся во весь рот и сказал:

— По-моему, это прибыл д'Артаньян с алмазными подвесками королевы.

Дверь в кабинет распахнулась — на пороге стояла Лариса, протягивая им красненькую папочку.

— Разрешите доложить! Задание выполнено.

— Ур-ра! — закричали ребята. — Только с поезда?

— Нет, я приехала утром. Приняла ванну, решила немного отдохнуть и будто куда-то провалилась. Проснулась — батюшки мои — уже семь вечера! Я пулей сюда. Сейчас переведу дух и расскажу все по порядку.

Кружковцы внимательно выслушали ее рассказ о краеведе Ефимове, его симпатичной внучке, о помощи милиции и, наконец, о встрече с Ксенией Викторовной. Лариса зачитала все переписанные документы.

— Ну а что произошло с Новинской в Петербурге? — спросил Андрей. — И главное, какова судьба ее отца? Неужели не узнала?

— А вот и узнала! — победно сообщила Лариса. — На прощание Ксения Викторовна показала мне письмо Новинской, присланное уже из Петербурга, точнее из Ленинграда, в 1920 году.

«Дорогая моя и бесценная Ксюша!

Ты интересуешься подробностями моего замужества, изволь. Придется мне начать издалека. В Петербурге

мне удалось поступить на Пречистенские курсы, было трудно, перебивалась уроками. Единственной радостью были письма отца и твои. Спустя год меня пригласили в департамент полиции, какой-то чин официально уведомил, что мой отец погиб от чахотки. Никаких подробностей мне не сообщили. С горя я не знала, куда деться. Но началась война, и я пошла работать в госпиталь. По-прежнему всей душой я сочувствовала революционерам, но кому откроешься? За мной и так постоянно ползло пятно дочки каторжанина.

После революции я ушла на фронт, теперь уже фельдшерицей, в красноармейскую часть. В 1919 году, когда гражданская была на исходе, я неожиданно встретила... Гриню. Это было в Крыму, на какой-то маленькой железнодорожной станции. Я выскочила из санитарного вагона, решила развесить выстиранное белье для просушки. Внезапно около меня оказался какой-то моряк и начал орать, что я нарушаю порядок на станции. Я смутилась, пыталась что-то сказать в свое оправдание, но матрос продолжал наступать. Его разглагольствования прервал чей-то голос. Я подняла глаза, ко мне шагнул рослый широкоплечий военный в кожанке.

«В чем дело?» — спросил он сурово.

«Эта гражданка решила прачечную открыть», — опять заорал матрос, держа в руках, как доказательство, выхваченное у меня мокрое полотенце.

«Я не знала, что нельзя», — всхлипнула я, не поднимая глаз.

«Все в порядке, — неожиданно весело сказал военный. — Я лично знаю эту девушку. Р-разойдись. Здравствуй, Сашенька! — услышала вдруг я ласковое. — Ты действительно не узнаешь меня?»

Я посмотрела на него снизу вверх. Строгое волевое лицо, заметный шрам на лице, густые пшеничные усы. Нет, я не знала этого человека.

«Что ж, придется знакомиться заново», — вздохнул военный.

Приложив руку к козырьку фуражки, он отрапортовал:

«Разрешите представиться. Командир бронепоезда имени Парижской коммуны Решетников».

«Гриня! — воскликнула я. — Неужели это ты? Ты жив?»

Он схватил меня в охапку, покрывая мое лицо поцелуями:

«Я знал. Я верил, что тебя найду!»

Вот так, дорогая Ксюша. Теперь мы снова живем в Ленинграде, оба учимся — Гриня в школе летчиков (не сидится ему на земле), а я — в медицинском. Думаю, это мое призвание. О тех страшных днях Гриня рассказывает неохотно. Как умирал отец, он не знает, их впоследствии раскидали по разным рудникам. После процесса их этапировали вместе с Афанасьевым-Симоновым. Тот очень страдал. Говорил, что по его вине были все схвачены. Действительно, он убил Гусева. Когда Гриня его увидел, ему показалось, что тот был не совсем в своем уме. А вскоре он повесился на оконной решетке. В общем, запутанная история. Да и мне, честно говоря, не хочется бередить старые раны, поэтому я старательно обхожу воспоминания о прошлом.

Пиши мне чаще!»

— Ну что ж, многое проясняется, — резюмировал Максим Иванович. — Но еще больше неясного.

— А по-моему, все ясно! — воскликнула с обидой Лариса.

— Да ты не обижайся. Сделала ты много, молодец. Но чувства, эмоции не должны владеть исследователем. Можешь ты сейчас сказать, какое конкретное задание выполняла группа Новинского?

— Получала и распространяла «Правду»! — ответила Лариса.

Максим Иванович покачал головой:

— Думаю, что задание было более серьезное. Ты помнишь, Новинская несколько раз упоминала о таинственных лицах, ей незнакомых, появлявшихся в их доме? А для чего служил топчан в сарае?

— Я думаю, что дом Новинского был своего рода пересыльным пунктом для бежавших с каторги, — сказал Андрей.

— Я тоже так думаю, — согласился Максим Иванович. — Но нужны веские доказательства. И мы не знаем ответа на самый главный вопрос: был ли Афанасьев-Симонов просто убийцей или же провокатором?

— Наверное, теперь этого никто не сможет сказать, — ответил Борис.

— Напрасно ты так думаешь, — покачал головой учитель. — Надо поискать в архивах охранки — не

мелькнет ли там фамилия Афанасьева-Симонова. И потом есть еще одна ниточка. Она ведет...

— В Ленинград, — радостно угадал Андрей. — И поеду туда я. Решетников, видимо, знал больше того, что рассказывал своей жене, просто не хотел ее расстраивать. Еду я в понедельник, поскольку досрочно сдал сессию. И уж тут-то потребуются все мои криминалистские способности...

— Хвастун, — пожала плечами Лариса.

ПО АДРЕСУ НЕ ПРОЖИВАЕТ...

Столовая явно не относилась к числу перворазрядных. Раздатчица плеснула в стакан из большого алюминиевого чайника грязно-белой жидкости, назвав это безобразие кофе с молоком.

Поборов чувство брезгливости, Андрей взял стакан и сел за столик к окну, поглядывая на редких прохожих. Приходилось терпеливо ждать, когда Екатерина Ивановна Тюткина вернется из своего обычного похода по магазинам...

Андрей пил кофе и пытался прикинуть план действий. Скорее всего Новинская погибла во время блокады. Ведь последнее письмо Ксении Викторовне вернулось с почтовой наклейкой: «Гражданка Новинская по данному адресу не проживает». Кстати, почему, интересно, она не взяла фамилию мужа? Наверное, хотела сохранить память об отце.

Можно было бы, конечно, послать письменный запрос в ленинградский адресный стол, но они не знали ни отчества Решетникова, ни года его рождения. Значит, надо было кому-то ехать. Вызвался ехать Андрей не случайно. Учитывая неясность исходных данных, требовалось применить не просто смекалку, а метод дедукции. А кто владеет им в большей степени? Конечно, он, Андрей. Не зря ведь учится на следователя. Ему, кстати, все больше стала нравиться учеба в милицейской школе. Нравились и спецпредметы, и даже теория. Раньше бы не подумал, что история государства и права может быть такой интересной. Вот, например, известная формулировка, что незнание закона не освобождает от ответственности, родилась еще, оказывается, в Древнем Риме. Каждого римского гражданина,

вступающего в совершеннолетие, приводили на форум, где висели таблички с законами, и заставляли выучивать их наизусть. Правда, тогда законов поменьше было, чем теперь. Но он полностью согласен со своим преподавателем, что основы юридического законодательства должны изучаться в каждой школе. К сожалению, пока не разработан свод законов по Российской Федерации. А в некоторых республиках такие своды уже есть. Получается, что у нас действуют еще порой указы, принятые в сороковые, а то и тридцатые годы и даже иногда противоречащие друг другу. Непорядок. Преподаватель так красноречиво и убедительно об этом рассказывал, что Андрею захотелось немедленно самому включиться в работу комиссии по разработке свода законов и ускорить это дело.

А практические занятия? Разве это менее увлекательно?

Так что Андрей был теперь уверен, что юриспруденция — его призвание. Кажется, даже его мама это поняла. Только, когда они шли в гости к ее знакомым, она просила, чтобы Андрей надевал штатское.

Чудачка! Форма помогает ему чувствовать себя увереннее. В Ленинград Андрей поехал в форме. И как добраться по довоенному адресу Решетниковых, ему мгновенно подсказал сержант милиции на привокзальной площади и даже какого-то частника попросил его подбросить. Так что через пятнадцать минут после прихода поезда Андрей уже стоял перед дверью искомой квартиры.

На его звонок вышла непричесанная женщина в халате. Увидев милиционера, она затараторила сердито:

— Ну что вы его слушаете! Пошел на пенсию, делать не черта, вот и строчит жалобы во все концы. Мы выключили маг ровно в двенадцать, а до двенадцати имеем полное право...

— Право правом, — не согласился Андрей, мгновенно поняв, в чем дело. — Но есть еще и простая воспитанность. Если пожилого человека раздражает музыка, можно, наверное, сделать и потише. Впрочем, я по другому вопросу: вы давно в этой квартире живете?

— Пятый год, — ответила женщина, явно успокоившись. — А почему вы спрашиваете? Паспортный режим проверяете?

Андрей объяснил. Женщина заинтересованно выслушала, но посоветовать что-либо затруднилась.

— Этот дом, — сказала она, — заселялся после капитального ремонта, так что вряд ли кто из прежних жильцов возвратился. Впрочем, может, я и ошибаюсь. Ведь знаете теперь как — мы незнакомы даже с соседями по лестничной клетке. Знаем только старика снизу, да и то потому, что жалобы на нас строчит. Это, кстати, идея — вы с ним поговорите. Пенсионеры — народ дотошный.

Андрей так и сделал: спустился этажом ниже и позвонил. Грузный старик в пижаме и почему-то в тюбетейке открыл ему сразу. Андрею показалось, что он подслушивал, тем более что старик тут же спросил:

— Ну, приструнили их маленько?

Он показал глазами на потолок. Андрей невольно улыбнулся.

— Маленько приструнил.

— Вот и правильно. Я ведь пишу зачем? Они думают — просто вредный старик. А я для профилактики. Дескать, живите и помните о других людях. Если их не воспитывать постоянно, враз распоясаются. Потом в рамки вводить труднее. Правильно я говорю?

Андрей спорить не стал. Старик, видать, вздорный, заведется, тогда вообще ничего не скажет, и начал осторожненько наводить его на нужную тему.

— Вы, наверное, коренной ленинградец?

— Коренной! — охотно согласился старик. — Точнее, родился в области, а после войны переехал в Ленинград.

— А жильцов всех знаете?

— Приглядываюсь, — ответил он несколько загадочно.

— Есть такие, кто и раньше в этом доме жил? До войны?

Старик неопределенно присвистнул.

— Ищете кого?

— Да, жили здесь до войны муж и жена, она — врач, а он вроде бы летчик.

Старик задумался, видимо, перебирая в памяти соседей.

— Есть тут одна балаболка. Пока дом ремонтировали, выезжала куда-то недалеко, а потом снова вернулась...

— Фамилия?

— Тютькина Екатерина Ивановна, из тридцать седьмой квартиры... Да куда же вы? Если к Тютькиной, то понапрасну. Она всегда до обеда по магазинам шляется. Это у нее вместо театра. Потом уж самовар чаю выдует и на скамеечку перед подъездом, кости всем перемывать. Порядочному человеку и не посидеть, обязательно привяжется. Тьфу!

Заверив старика, что ему нужно срочно позвонить, Андрей выскочил из душной квартиры. Ну и дед занудливый! Неужели и они такими будут?

Теперь он сидел у окна и ждал Тютькину, пытаясь по той немногой информации, что выдал ему дед, набросать ее словесный портрет. Балаболка, сплетница? Наверное, маленькая, сухонькая, с длинным ехидным носом и тонкими губами. Получалась старуха Шапокляк.

И так его эта Шапокляк загипнотизировала, что он чуть было не прозевал настоящую Тютькину. Только когда она уже свернула к подъезду, он догадался, что, наверное, это и есть Тютькина. Это была полная дама с румянцем во всю щеку, одетая добротно, но несколько старомодно. Андрей бросился следом и настиг ее, когда она открывала дверь.

— Ко мне? — не удивилась Тютькина. — Проходите. Снимайте ботинки, — сказала она строго, — а то натопчете.

Андрей снял шинель, туфли и в носках прошел за Тютькиной в большую комнату, тесно уставленную старинной мебелью.

— Садитесь, — грозно сказала хозяйка, и он послушно сел за круглый стол, покрытый красной плюшевой скатертью.

Тютькина, не мигая, несколько секунд осматривала Красовского, потом неожиданно произнесла:

— От лафитничка с водочкой не откажетесь?

Андрей смутился:

— Спасибо, не пью.

— Молодец, — одобрительно сказала старуха. — Ну а я, с вашего позволения, пропущу. Продрогла, знаете ли, брр!

Она направилась к пузатому буфету, открыла его, что-то забулькало, Андрей только увидел, как Тютькина лихо запрокинула голову.

— Ф-фу, — выдохнула она и бросила в рот конфетку.

На несколько мгновений замерла, вслушиваясь в себя, потом, удовлетворенно крякнув, сказала:

— Самовар поставлю.

Вернувшись из кухни, Тютькина села напротив Андрея. Взгляд ее круглых оловянных, как у совы, глаз неожиданно потеплел.

— Муж у меня, царствие ему небесное, немножко запойный был. Нэпман, богач, красавец. На всех перекрестках реклама — «Бакалейная торговля Тютькина». Дом от хрусталя и золота ломится, я вся в бриллиантах и шелках как куколка. Но как запьет — в месяц все спустит. Кредиторы всю мебель растащат. Сидим в голой комнате на чемодане. Потом за ум возьмется, глядишь, опять золото да хрусталь. Сбежал сукин сын. Без средств к существованию меня оставил. А я кто? Специальности никакой, он меня в жены ведь из прислуги взял. Да, ну вот и пошла в санитарки.

Она горестно вздохнула и вдруг сухо добавила:

— Не спекулирую, не краду. А что студенту угол сдаю, так за это налог плачу. Могу квитанции предъявить.

— Я не за этим пришел, — объяснил Андрей. — В этом доме до войны жила некая Новинская. Вы мне про нее ничего не можете рассказать?

— Про Александру Сергеевну? — Тютькина удивленно взметнула вверх брови. — Душа человек была. Она ведь меня и в санитарки определила, все учиться заставляла. Глядишь, сейчас бы профессором была...

Екатерина Ивановна гулко засмеялась, потом нахмурилась, покосилась на буфет и, махнув рукой, направилась к нему:

— Разбередил ты меня.

Снова послышалось бульканье. Тютькина умиротворенно села напротив Андрея.

— В блокаду наша больница госпиталем стала. Мы там так и жили постоянно. Но Александра Сергеевна все домой бегала, весточки от мужа ждала. Однажды пошла и не вернулась, под артналет попала...

Екатерина Ивановна скорбно замолчала.

— А муж ее, Решетников?

Тютькина подняла голову:

— Григорий Никитович! Большой был военный на-

чальник. Две шпалы имел. Это как теперь майор. На черной «эмке» ездил. А вот как уехал перед самой войной на границу, так больше не вернулся...

— Может, жив, но знает, что жена погибла, и решил сюда не возвращаться? — предположил Андрей.

— Навряд, — не согласилась Екатерина Ивановна. — Он так ее любил! Обязательно бы вернулся на старое место...

— Случайно не знаете, Екатерина Ивановна, — осторожно спросил Андрей, — в их квартире никаких документов или писем не осталось?

Тютькина покачала головой:

— Как же, были. Бумаги какие-то. Книги.

— И где они?

— Соседи пожгли. Ведь топиться нечем было. Я из госпиталя как-то зашла, а у них пусто. Единственное, что нашла, — фотографию. Если хочешь, дам.

Андрей поблагодарил Тютькину и отправился на вокзал. Форма снова помогла, ему удалось взять билет, и утром он уже был в Москве. Вечером доложил о результатах поездки ребятам и Максиму Ивановичу.

Они долго рассматривали фотографию, будто ожидая, что она заговорит.

— Неужели тупик окончательно? — запаниковал Игорь.

Борис и Лариса удрученно молчали, они тоже не видели пути к дальнейшему поиску. Но ребята вновь убедились, что Максима Ивановича трудно выбить из седла.

— Видишь, на фотографии Решетников действительно с двумя шпалами. Значит, был кадровым военным, — сказал он задумчиво. — Это кое-что.

— Что кое-что? — не выдержал Игорь.

— Тебе, историку-архивисту, надо бы это знать, — усмехнулся Максим Иванович.

— Что именно, Максим Иванович? — взмолилась Лариса. — Не томите душу!

— А то, — с прежней невозмутимой неторопливостью продолжал Максим Иванович, — что в Подольске есть архив Министерства обороны. И раз Решетников был кадровым военным, да еще две шпалы имел, значит, наверняка должно быть его личное дело. Попасть в этот архив непросто. Но если Игорь возьмет отно-

шение из своего института, возможно, поиски увенчаются успехом!

Андрей сидел подавленный.

— Ну что, Мегрэ! — похлопал его по плечу Максим Иванович. — Убедился, что в нашем деле одних навыков сыска еще маловато? Требуется знание истории. Ты, кстати, в прошлый раз нам ничего не доложил о своих изысканиях. Неужели ничего не сделал?

— Сделал! — Андрей поднял голову.

— И какую ты тему выбрал?

Андрей заулыбался:

— Я решил выбрать самые крупные уголовные дела 1912 года.

— Ну-ка, ну-ка, расскажи.

Андрей достал свою тетрадку с выписками, полистал ее, потом начал:

— Одним из самых нашумевших дел того времени было дело о банде «Черных воронов». Вот что о ней писалось в «Правде».

«Арест «Черных воронов».

Сообщаю следующие подробности задержания оперировавшей на юге России известной шайки грабителей под кличкой «Черные вороны». Шайка долгое время оставалась неуловимой и наводила панику на население Херсонской и соседних губерний, пока наконец к обнаружению ее привело неудачное нападение на квартиру Кохтера в Херсоне, совершенное при следующих обстоятельствах.

Поздно вечером, когда Кохтер со своей женой сидел на улице, у парадного хода, двое участников шайки пробрались со двора в квартиру и, спрятавшись в коридоре, поджидали возвращения Кохтера с улицы. Как только последний показался, бандиты, вооруженные кинжалами, выскочили из засады и под угрозой смерти потребовали денег. В этот момент вошла жена Кохтера, которая, увидев грабителей, подняла крик.

Разбойники испугались и, бросив ножи, убежали. Предпринятое энергичное расследование привело к обнаружению правильно организованной шайки, которая под страхом смерти и кровавой расправы дерзко вымогала у зажиточных жителей крупные суммы денег. Вскоре был задержан некто Швец, выдавший всех участников шайки. По его указанию арестовано несколько человек, преимущественно зеленой молодежи:

Речецкий, Кацов, Халецкий, Гельман и Роза Горелик. Один из участников не разыскан.

Все задержанные, за исключением Горелик, сознались в участии в шайке «Черные вороны», причем, между прочим, выяснилось, что в феврале членами ее было совершено нападение на херсонского купца Рабизановича. Узнав, что Рабизанович приготовил 5 тысяч рублей для выкупа товара, шайка потребовала выдачи тысячи рублей. Боясь быть убитым, Рабизанович вступил с грабителями в переговоры, не заявляя о требовании полиции. Но грабители, не соглашаясь на уменьшение суммы, ночью ворвались к Рабизановичу в квартиру и, угрожая револьверами, предъявили Рабизановичу ультиматум: или деньги, или смерть. У последнего оказалось только 40 руб., которые они забрали и ушли с тем, чтобы назавтра он положил 1000 руб. в водосточную трубу. Боясь мести, он положил туда 100 рублей, а через два дня еще 50 руб. Получив эти деньги, шайка ими не удовлетворилась и напомнила Рабизановичу о «долге», потребовав заплатить невыданные 850 рублей. Арест шайки «освободил» теперь Рабизановича от своеобразного «долга».

— Таких банд в царской России было немало, — продолжал Красовский. — Достаточно вспомнить хотя бы неуловимого Зелим-хана на Кавказе. Но самым ярким, самым показательным, рисующим царскую полицию с самой неприглядной стороны, было, конечно, дело Ющинского в Киеве. Я вам прочитаю опубликованную в «Правде» статью «Дело Ющинского.

Темные силы реакции всеми мерами стремятся затемнить народное сознание и направить народное недовольство по ложному пути, а излюбленным средством для этого у них является возбуждение национальной ненависти и травля так называемых инородцев, которые будто бы мешают жить русскому народу. Но, призывая к еврейским погромам, к разгрому Финляндии, обузданию поляков и проч. во имя будто бы блага русского народа, все эти истинно русские Марковы, Замысловские заботятся главным образом о том, чтобы согнуть в бараний рог этот самый возлюбленный ими русский народ.

Эта политика натравливания и разжигания зверских инстинктов особенно тяжело обрушивается на еврейский народ, который подвергается последние годы си-

стематическим бесчеловечным гонениям, преследованиям, издевательствам. Но нашим людоедам в союзе русского народа всего этого мало. Чем безнадежнее становится их дело в стране и в народе, тем сильнее чешутся у них руки устроить погром. С этой именно целью было создано ими так называемое «дело Ющинского» в Киеве.

Что такое, это дело Ющинского? Воровская шайка, желая избавиться от свидетеля, зверски убила мальчика Ющинского.

Этим делом темные силы воспользовались, чтобы пустить в ход мрачную средневековую легенду о религиозных убийствах и об употреблении евреями христианской крови, обвинили в убийстве Ющинского ни в чем не повинного еврея Бейлиса, который томится в тюрьме под тяжким обвинением, и подняли погромную агитацию. Ими были пущены в ход все силы, связи, влияния, чтобы добиться обвинения Бейлиса в ритуальном убийстве и не допустить раскрытия истины. Уже шли приготовления к суду. Черносотенцы спешили с этим делом и с нетерпением ждали, что будет осужден этот русский Дрейфус, а вместе с тем раздастся дикий призыв «бей жидов».

Не только в России, но во всей Европе и во всем цивилизованном мире дело это вызвало глубокое возмущение всех мыслящих людей, которые адресами и резолюциями протестовали против кровавого навета на еврейский народ, считая это оскорблением цивилизации.

Но гнусная выдумка их и обвинение невинного были так явны, все дело было шито такими белыми нитками, что истина должна была раскрыться.

Как ни старались «союзники», как ни усердствовал Замысловский, их адский план не удался».

— Какая жуткая история! — вздрогнула Лариса.

— Процесс над Бейлисом отнюдь не был случайностью, — пояснил Максим Иванович. — Подавить революционное движение любым способом — такую задачу ставили перед собой слуги самодержавия. С одной стороны — это жесточайшие репрессии против революционеров и особенно против социал-демократов, поскольку именно эта партия, опирающаяся на самые широкие народные массы, представляла наибольшую опасность для престола...

— Да, да, я вычитал в той же «Правде», — пере-

бил возбужденно Игорь, — что уже сама принадлежность к социал-демократии гарантировала как минимум три года каторги. Вы извините, Максим Иванович, но я прочитаю одну заметку из «Правды», чтобы было понятно, как это происходило:

«Дело членов социал-демократической партии.

Вчера в особом присутствии Спб. судебной палаты слушалось дело по обвинению Борисова, Бакаева и Белова в принадлежности к Российской социал-демократической рабочей партии и в хранении нелегальной литературы.

Интересно возникновение этого дела.

8 октября 1911 года агенты охранного отделения выслеживали в Александровском саду «подозрительного субъекта».

От чрезмерного усердия они потеряли его из виду.

Пошли по направлению к памятнику «Стерегущего» и там встретили своих товарищей, стали выслеживать вместе и выследили... но не того, а других: они обратили внимание, как один господин передавал другому большой сверток. Пошли по пятам, и по их указанию были задержаны подозреваемые.

При обыске у них оказались воззвания партии социал-демократии в количестве 300 у каждого и переписка.

14 октября независимо от этих арестов был задержан в Полюстровском лесу, где должна была, по сведениям охранного отделения, состояться сходка рабочих, Белов.

У него нашли переписку, изобличающую в принадлежности к партии социал-демократии, и пришили к делу Борисова, Бакаева.

Защищали: пр. пов. Яблонский и Уманский.

Судебная палата приговорила всех обвиняемых к 3 годам крепости каждого».

— К трем годам крепости! — повторил Андрей.

— Вот именно! — подтвердил Игорь. — И несмотря на такие репрессии, все больше и больше рабочих примыкали к революционному движению. Даже те, кого сначала полиции и хозяевам удавалось запугать, начинали понимать смысл классовой солидарности и, сломив свою покорность, испуг, уходили в лагерь революционеров. Хочу еще одну, очень характерную заметку из

«Правды» процитировать. Не заметка, а прямо-таки исповедь: «Товарищи! Меня зачислили в штрейкбрехеры за улемановскую забастовку и не дают теперь возможности встать на работу. Товарищи, не отталкивайте же меня от себя, я признаю, что я виновен, но сделал это бессознательно, к тому же было много причин, которые толкнули меня на такой поступок. Товарищи! Дайте возможность мне как товарищу защитить свое право быть членом рабочей семьи; я надеюсь, что товарищи не откажут в моей просьбе. Назначьте товарищеский суд, и я подчинюсь его решению. Адольф Герасимов».

— Да, так сказать, наглядный урок рабочей солидарности, — заметил Борис. — Другой прочитает и крепко подумает, с кем ему идти.

— Как же все это получалось, — спросил молчавший до того Андрей. — С одной стороны, чистые и светлые люди, жертвующие своей жизнью ради счастья людей, а с другой — черносотенцы, штрейкбрехеры?..

Максим Иванович покачал головой:

— Еще грязнее и страшнее была деятельность корпуса жандармов и его провокаторов. Взять, к примеру, того же Азефа...

— Расскажите, Максим Иванович! — воскликнула Лариса.

Максим Иванович сосредоточенно кивнул, вспоминая, и начал рассказ:

— Азеф родился в 1876 году в Ростове-на-Дону. Его родители, хотя и содержали лавку с красным товаром, были бедны, но тем не менее добились, чтобы их сын кончил курс наук в ростовской гимназии. Получив среднее образование, Азеф занялся мелкими комиссионными делами, одновременно вошел вместе с товарищами в революционный кружок, имевший связи с рабочими.

Весной 1892 года ростовские жандармские власти начали дознание о распространении в городе прокламаций, члены кружка всполошились, и Евно Азеф исчез из Ростова. Перед исчезновением Азеф совершил удачную комиссионную сделку: он продал по поручению за 800 рублей партию масла и деньги обратил в свою пользу. В том же, 1892 году Евно Азеф объявился в Карлсруэ. Он поступил в политехническую школу и учился здесь шесть лет. В 1899 году с дипломом инженера-электрика Азеф возвратился в Россию и получил

место во «Всеобщей компании электрического освещения» в Москве.

Молодой инженер играл видную роль в революционном подполье. Прибыв из-за границы с хорошими рекомендациями и связями, он принял самое близкое участие в организации партии социалистов-революционеров, явился одним из учредителей, а затем и руководителем обособленной, строго законспирированной группы по совершению политических убийств — «Боевой организации партии эсеров». По поручению ЦК эсеров Азеф блестяще организовал сначала убийства министра внутренних дел Плеве, а затем — генерал-губернатора Москвы, великого князя Сергея Александровича. Позднее Азеф организует еще ряд покушений — на великих князей Николая Николаевича и Владимира Александровича, генерала Трепова и адмирала Дубасова, готовит взрыв петербургского охранного отделения, и хотя все эти акции кончаются полным провалом и массовыми арестами, авторитет Азефа в партии эсеров все возрастает. Практически начиная с 1902 года он занимал главенствующее место в ЦК эсеров.

Но за всем этим бурлила еще одна, совсем иная жизнь. Уже в Карлсруэ Азеф по собственному почину стал оказывать услуги департаменту полиции, сообщая сведения о революционной деятельности своих товарищей по институту, за 50 рублей в месяц. Позднее его оклад постоянно повышался и дошел до 12 тысяч в год, кроме того, почти такую же сумму он получал в виде премиального вознаграждения за то, что сотнями отправлял революционеров в ссылки, тюрьмы, на каторгу и на виселицу.

Во всех трех сферах своей жизни — семейной, революционной и предательской — Азеф пользовался безграничным доверием, и никто — ни жена, ни ЦК эсеров, ни департамент полиции — и помыслить не мог, что Евно Филиппович (для быта), Иван Николаевич (для революции), Раскин и Виноградов (для жандармов) мог быть не тем, чем он казался. И это несмотря на отталкивающую внешность.

Максим Иванович взял с полки потрепанную книжку, раскрыл ее и прочитал:

«Толстый, сутуловатый, выше среднего роста, ноги и руки маленькие, шея толстая, короткая. Лицо круглое, одутловатое, желто-смуглое; череп кверху сужен-

ный, волосы прямые, жесткие, обыкновенно коротко подстриженные; темный шатен. Лоб низкий, брови темные, внутренние концы слегка приподняты; глаза карие, слегка навыкате. Нос большой, приплюснутый, скулы выдаются, одно ухо оттопыренное; губы очень толстые и выпяченные, чувственные; нижняя часть лица слегка выдающаяся. Бороду обычно брил, усы носил подстриженными».

В течение 16 лет служил Азеф департаменту полиции; 10 лет работал в партии эсеров и большую часть этого срока являлся членом Центрального комитета партии. Но вот разразилась катастрофа — редактор журнала «Былое» эсер Бурцев (после революции ставший махровым монархистом) обвинил Азефа в предательстве. И хотя эти обвинения были очень серьезно обоснованы, подкреплены авторитетными свидетельствами, никто им не поверил. Более того, ЦК партии эсеров решил предать Бурцева суду за подрыв авторитета партии.

Неизвестно, чем бы кончился этот суд, если бы в этот момент не дал свое интервью журналистам бывший директор департамента полиции Лопухин, подтвердивший, что Азеф в течение многих лет был секретным агентом полиции.

АРХИВ В ПОДОЛЬСКЕ

До Подольска электричка идет пятьдесят минут. На просторной площади — десятки автобусов. Игорь быстро нашел тот, что был ему нужен, и вскочил в него. Это был просторный, новенький «Икарус». Пассажиров набралось всего несколько человек.

— Город наш рабочий, — словоохотливо объяснил ему старичок, сидевший с внучкой на переднем сиденье. — Все сейчас на заводах, а вот к вечеру в автобус не втиснешься.

— Вон, видишь, слева большие ворота и забор кирпичный? Это завод швейных машин. Самый большой в стране. Почти двадцать тысяч народу работает. До революции американской компании «Зингер» принадлежал. Слыхал небось? А это памятник Владимиру Ильичу. Он был здесь в 1900 году. Вон там внизу, у реки, — его музей. Справа новое здание — горком партии. Дальше больница. Самая большая в области.

А вот погляди, видишь, пушка, а рядом памятник подольским курсантам. Из нержавеющей стали сами рабочие варили. В 1941 году немцы почти к Подольску подошли. Регулярных частей уже не было. Вот и пошли курсанты двух наших училищ. Пацаны, по восемнадцать-девятнадцать лет, а как бились! Насмерть стояли, пока подкрепление не подошло. А вот и архив. Видишь будочку? Тут пропускная! Давай, молодой человек. Удачи!

Солдат, сидевший в будочке, внимательно изучил студенческий билет Шапошникова и взялся за трубку телефонного аппарата:

— Здесь студент историко-архивного института, по фамилии Шапошников. С отношением, просит ознакомить с материалами. Есть!

Он подвел Игоря к противоположной двери, открыв ее, показал:

— Видишь вон то серое здание? Тебе туда. На второй этаж. К заместителю начальника архива по науке.

Девушка в приемной не сразу впустила Игоря в кабинет.

— Сначала заполните вот этот бланк.

Он вытащил шариковую ручку, начал писать — фамилия, имя, отчество разыскиваемого лица, род войск, звание. Далеко не на все вопросы он смог ответить, в чем честно признался девушке.

— Ну ладно, пройдите, — милостиво разрешила она.

Заместитель начальника был в штатском, очки в массивной оправе делали его совсем непохожим на военного. Он быстро прочитал написанное Игорем и поднял глаза:

— Трудновато будет искать, молодой человек. Много неясного. Ну, во-первых, две шпалы — это сейчас майор, так и надо было написать.

Он сразу поправил в бланке.

— Затем — кончил летную школу, видимо, летчик. Что ж, как говорится, становится теплее. Годы службы в армии — пишете «неизвестно».

— С начала войны он был в действующей армии, — ответил Игорь.

— А в какой?

Игорь пожал плечами.

— Знаю только, что от него с первых дней войны не было вестей.

— Посмотрим в Западном округе, — решил заместитель начальника. — Заезжайте к нам недельки через две.

— Так долго! — не смог скрыть своего разочарования Игорь.

— Думаете, легко будет найти? А потом вообще, что за спешка при научных изысканиях?

В который раз была изложена история подпольной организации из Зауральска. Игорь старался докладывать кратко, по-военному, только факты. Заместитель начальника выслушал его с интересом и, видимо, сжалившись, сказал:

— Запишите мой номер телефона и звоните.

Это был понедельник, а в среду Шапошников снова ехал в Подольск — дело Решетникова было найдено. Его провели в читальный зал, и строгая девушка вручила коричневую папку. Дрожащими от нетерпения руками он начал перелистывать листы. Так. Личный листок учета кадров. Большая фотография красивого сурового человека в форме. Анкета. Что он пишет?

«В 1911 году вступил в члены РСДРП(б). Был арестован в конце 1912 года вместе с другими подпольщиками. Был осужден на три года каторжной тюрьмы. После отбытия срока был направлен на фронт. Здесь вел агитацию среди солдат. В 1917-м был избран членом дивизионного солдатского комитета».

Приказы наркома. Награждение орденом боевого Красного Знамени за Перекоп, именным оружием. После гражданской войны окончил Гатчинскую летную школу. Служба. Второй орден боевого Красного Знамени за Испанию.

Вот коротенькая приписочка: «Погиб в июне 1941 года, приняв первый удар фашистской авиации. Лично сбил три самолета противника».

— Я вам советую посмотреть страницы с семнадцатой по двадцатую, — услышал Игорь голос сзади.

Обернувшись, он увидел заместителя начальника. На этот раз тот был в форме полковника.

— Сидите, сидите, — сказал он, мягко опустив руку Игорю на плечо. — Я, знаете, тоже полюбопытствовал. По-моему, здесь есть ключ к вашим поискам.

Он нашел искомую страницу, прочитал вслух: «Автобиография члена ВКП(б) с 1911 года Решетникова Г. Н.».

ПРЕДАТЕЛЬ НАЙДЕН

«...Я был привлечен к работе подпольной организации на железнодорожной станции Зауральска машинистом, старым партийцем тов. Новинским С. Г. Наша подпольная группа была небольшой — всего пять человек. Новинский не хотел расширять ее состав. Это вызывалось особыми конспиративными соображениями: группа имела очень важное задание по переправе беглых ссыльных в Центральную Россию. Мне лично была поручена покупка через подставных лиц готового платья. Лукин, водивший знакомство с писарем городской управы, доставал бланки документов. Сам Новинский, водивший поезда до Екатеринбурга, тайно доставлял туда подпольщиков. Оттуда, приобретая пассажирские билеты, они приезжали в Москву, на явочную квартиру, адрес которой знал только Новинский.

Осенью 1911 года к нам тайно приехал курьер МК. Он сообщил о подозрениях относительно хозяина явочной квартиры в Москве. Все товарищи, направленные нами в течение мая — августа 1911 года, были арестованы вроде бы «случайно» после того, как побывали на этой квартире. Решено было сменить явку и пароль. По новому каналу благополучно выехал целый ряд товарищей, бежавших из ссылки. В ноябре 1911 года нами была получена резолюция, принятая на шести собраниях подпольных организаций Москвы по поводу созыва общепартийной конференции РСДРП. В связи с этим был организован побег из ссылки нескольких руководителей, в том числе члена МК Ф. И. Голощекина, которому удалось в декабре 1911 года воссоздать Московский комитет РСДРП. Комитет успешно провел выборы делегатов на конференцию. Поехал в качестве делегата и сам Ф. И. Голощекин.

Летом 1912 года в нашу группу влились еще два человека — Гусев и Афанасьев. Афанасьева я знал раньше, действительная его фамилия — Симонов, он учился в Зауральской гимназии, был исключен за политическую неблагонадежность. Попали к нам они необычным путем — оба были арестованы в Москве и осуждены за принадлежность к социал-демократической партии. На пути следования в Сибирь им удалось по счастливой случайности сбежать ночью из арестантского вагона. Разбив кандалы (Гусев и Афанасьев были в паре), по-

шли пешком в сторону Зауральска, днем скрываясь в скирдах. Афанасьев, будучи ранее знаком с Новинским, появился у него. Новинский помог беглецам с документами, привлек к подпольной работе.

К Афанасьеву-Симонову я относился несколько настороженно, зная его прежние эсеровские убеждения. Однако вел он себя безупречно, выполнял все поручения. Ради справедливости следует сказать, что вообще с появлением новых подпольщиков дела нашей группы пошли лучше. Афанасьев обладал способностями художника, поэтому быстро научился в совершенстве подделывать любые документы. Гусев же, работая в железнодорожном пакгаузе, свел знакомство с какими-то дельцами, через которых доставал по недорогой цене одежду, обувь и прочее.

И все же я недолюбливал обоих «москвичей», то ли потому, что они были значительно образованнее меня, то ли потому, что они ухаживали за дочкой Новинского, в которую я тоже был влюблен давно и безнадежно. Впрочем, я честно старался побороть в себе эту неприязнь, считая ее недостойной революционера.

Арестованы мы были все одновременно, в одну ночь, что указывало либо на нашу неосторожность, либо на чей-то донос. Нас рассадили по одиночкам и на прогулки выводили порознь. Однако через других заключенных мы передавали свои соображения. Подозрение пало на Афанасьева-Симонова, как только мы узнали о том, что он случайно застрелил Гусева. Мы предположили, что Афанасьев, будучи допрошен «с пристрастием» жандармами, не выдержал и назвал всех членов группы. Об этом вроде бы говорил и тот факт, что единственной, кого не арестовали, была дочка Новинского, активно помогавшая в распространении нелегальной литературы. Как известно, Афанасьев был неравнодушен к ней и, видимо, хотел ее пощадить.

О том, что жандармам все известно о нашей подпольной работе, было ясно на допросах. Хотя все мы категорически отрицали какое-либо участие в социал-демократическом движении, по вопросам следователя чувствовалось, что он знает даже, кого мы переправили в последнее время за Урал, начиная с того момента, как в нашей группе появились Гусев и Афанасьев. Естественно, раз Гусев был убит, то наше подозрение в предательстве пало на Афанасьева. Это подозрение

укрепилось после того, как я случайно столкнулся с ним в тюремном коридоре, когда меня вели на допрос, а его, видимо, с допроса. Увидев меня, он рванулся вперед так, что охранник, шедший сзади, не успел его остановить, бросился ко мне и горячо зашептал:

— Гриня! Это я! Это я один во всем виноват! Будь проклят час...

В это время охранник грубо обхватил его сзади, сдавив шею так, что Афанасьев захрипел. Меня же мой охранник сильно толкнул в спину:

— Проходи живее!

О том, что Афанасьев — предатель, я хотел сообщить в подпольную организацию, работавшую в городе, но записку мою перехватили. Однако я был уверен, что Афанасьев стал предателем не по убеждению, а поддавшись страху. То, что он не был штатным агентом охранки, показал суд. Его, как и всех нас, приговорили к трем годам каторжной тюрьмы.

В арестантском вагоне нас доставили в Иркутск. Отсюда нам предстоял долгий путь к месту отбывания каторжных работ. Сначала нас погнали в Александровскую центральную пересыльную тюрьму, расположенную в 75 верстах от Иркутска.

Это расстояние партия должна была пройти в два дня, в первый — 35 верст, во второй — сорок. Пронзительная декабрьская стужа, тяжелые кандалы на ногах, крики конвойных, «подбадривавших» отставших с помощью ружейных прикладов, — все это было как кошмарный сон. Я шел рядом с Новинским, стараясь все время поддерживать его. Симонова-Афанасьева, шедшего сзади, я старался не замечать. Не то что говорить с ним, глядеть на него мне было омерзительно.

Когда наконец, обмороженные, измученные, с незаживающими ранами на ногах, мы достигли Александровского централа, оказалось, что мучения наши только начинаются. В карантинном бараке, куда нас загнали охранники, раздался грубый окрик старшего надзирателя: «Раздевайтесь все догола! Казенную — отдельно, свою — отдельно!» Затем по одному стали вызывать к столу помощника начальника тюрьмы, где под градом грязных насмешек производился осмотр примет. После этого арестанты поступили в распоряжение дядьки, швырявшего каждому под ноги какие-то лохмотья, называемые карантинной одеждой. В этом бараке на голых на-

рах, без матрацев и подушек, мы провели две недели. Хотя там и была печь, но сквозь щели со всех сторон на нас наступал холод, и ночью, когда печь остывала, приходилось бегать по бараку, чтобы не замерзнуть.

Многие из арестантов заболели, в том числе и Новинский. У него начался сильный жар, бил надрывный, мучительный кашель. Напрасно я попытался вызвать тюремного врача, нарвался лишь на грубость охранников.

Когда я сидел на нарах возле Новинского, не зная, как облегчить его страдания, к нам подошел Симонов. Его тоже мучил кашель, глаза были воспалены.

— Гриня, ты меня презираешь? — спросил он, присаживаясь рядом. — Молчи! Я знаю, конечно, что виноват кругом. Зачем только я привел его к Новинскому.

— Кого его? — не поняв, переспросил я.

— Его! —с нажимом повторил Симонов.

Мне показалось, что он бредит.

— Успокойся, — сказал я. — Чего теперь убиваться? Не каждый может устоять под пытками...

Симонов пристально посмотрел на меня.

— Что ты сказал? Уж не думаешь ли ты, что я... Боже мой! Значит, вы думаете, что это я предал? Так мне и надо...

Он глухо зарыдал, закрыв лицо исхудавшими руками.

— Погоди! — сказал я в изумлении. — Значит, не ты назвал нас? А кто же? Ведь не покойник же...

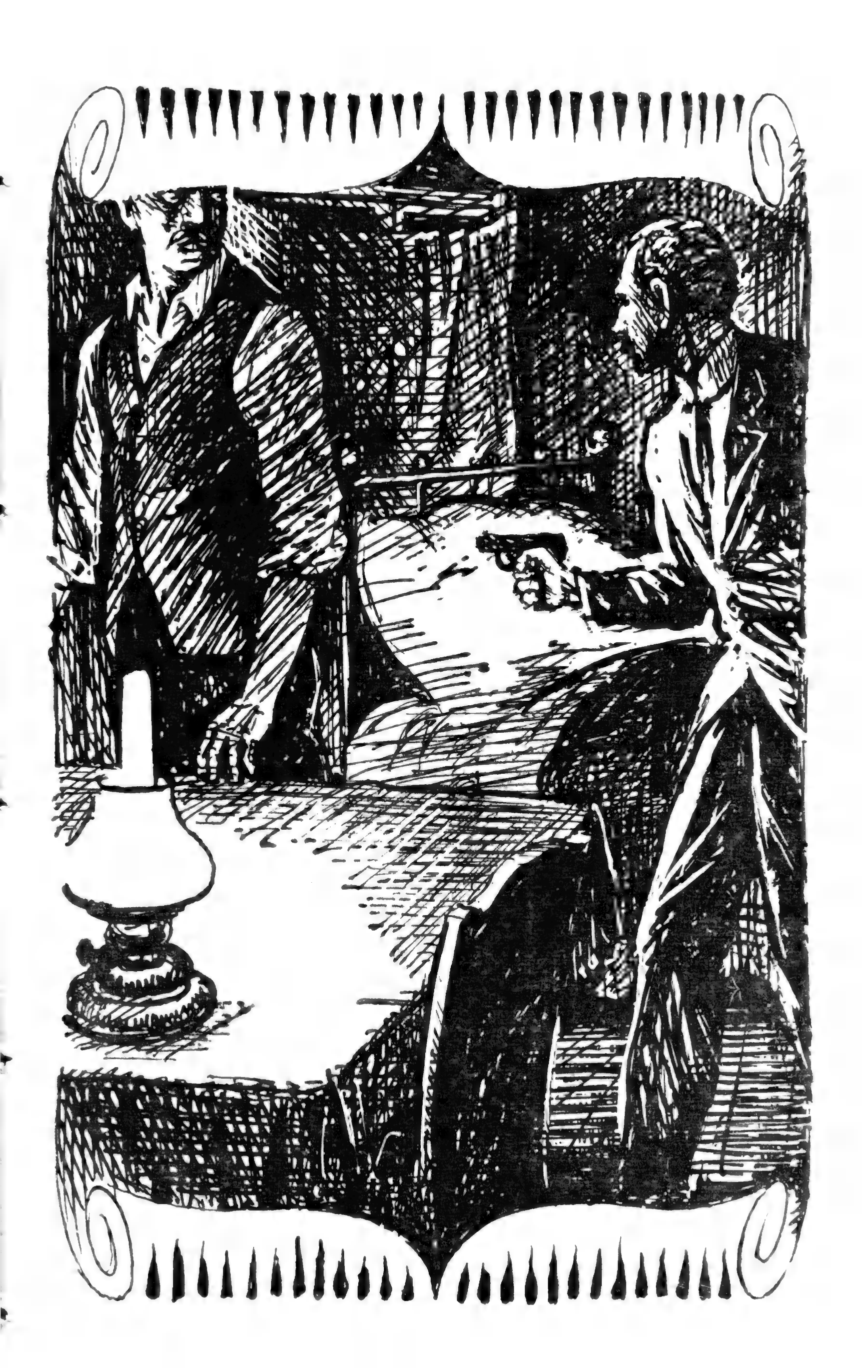
Симонов кивнул головой:

— Именно он, Гусев. Он оказался провокатором. К сожалению, я узнал об этом только перед тем, как...

Он запнулся и закусил губу. Видно, воспоминания для него были мучительными. Наконец через какое-то время Симонову удалось подавить волнение, и он начал рассказ:

— Гусев для меня был идеалом революционера. Даже когда Новинский буквально за несколько дней до... этого сказал о новых арестах в Москве и в том числе тех товарищей, которым мы помогли бежать, я и тогда ничего не заподозрил. Решил, что просто подвела неосторожность.

Ты знаешь, мы вдвоем с Гусевым снимали комнату. В этот вечер он ушел куда-то, сказав, что ненадолго. Он и до этого уходил, ссылаясь на дела. Но вдруг подо-

зрение закралось в мою душу. Я видел, что он проявляет знаки внимания к Саше, мне показалось, что и она к нему неравнодушна. Вдруг они обманывают меня и встречаются тайком?

Только Гусев вышел за калитку, я набросил пальто и крадучись последовал за ним. Он шел быстро, не оглядываясь. Миновал поворот, ведущий к Сашиному дому. Но, может, они договорились встретиться где-то в центре?

Выходя на освещенный проспект, Гусев неожиданно оглянулся, и я едва успел спрятаться за фонарный столб. Он прошел еще немного и свернул в переулок, где находилось жандармское управление. Я не поверил своим глазам. Гусев и жандармы? Нет, не может быть. Встав за угол соседнего дома, я терпеливо ждал. Вот на крыльце, тускло освещаемом лампочкой, показалась знакомая фигура. Вот она остановилась. Вспыхнула спичка, осветив лицо Гусева, прикуривающего папироску. Сомнений больше не было.

Еще с полчаса я ходил по улицам, ничего не видя и не слыша. Неужели Гусев — провокатор? В этот вечер мы получили задание от Новинского срочно подготовить паспорта и одежду для двух ссыльных. Видимо, Гусев передал об этом в жандармское управление. Значит, все наши действия им были известны? Значит, меня провели как легковерного дурачка еще там, в Бутырке?

...Когда я вошел в комнату, Гусев чистил свой пистолет. Я молча остановился, наблюдая. Гусев закончил сборку, зарядил пистолет и, положив его на стол, стал протирать руки ветошью. Я схватил пистолет.

«Сколько раз тебе говорить — это не игрушка», — недовольно проговорил Гусев.

«Скажи, — спросил я, задыхаясь от волнения и не опуская пистолет, — что ты делал сегодня в жандармском управлении?»

«Что за шутки?» — Гусев деланно рассмеялся.

«Нет, не шутки! — заявил я, не сдаваясь. — Объясни, что ты делал в гостях у жандармов?»

«Повторяю, тебе показалось», — снова сказал Гусев, не сводя глаз с пистолета.

«Провокатор! — закричал я. — Ты нас предал и должен умереть».

Гусев презрительно усмехнулся.

«Слюнтяй! Интеллигентский выродок! Ты и убить-то не посмеешь».

«Ах, так!»

Я попытался прицелиться, но почувствовал, что действительно не сумею выстрелить. Гусев злорадно улыбался.

«Положи пистолет и не балуй!»

Под его пристальным взглядом я начал послушно опускать дуло пистолета, но неожиданно раздался выстрел, курок, оказывается, не выдерживал даже легкого нажатия. Я почувствовал пронзительную боль в левой руке и увидел, как оседает, будто став ватным, Гусев.

— Но раз ты его убил, как же узнали о нас жандармы?

— Ты мне не веришь? — Симонов опустил голову. — Да, я виноват, что привел эту гадину в дом Сашеньки.

Он неожиданно вскочил, дико озираясь. Видно, на него нашло помутнение. Он бросился куда-то в темноту, в глубь барака. Я остался с Новинским.

Утром все проснулись от страшного крика:

— Покойник! Удавленник!

Я бросился на крик и увидел в рассветной мгле силуэт Симонова, висевшего на решетке окна.

Барак взорвался криками:

— Скоро мы все здесь удавимся! Начальника тюрьмы сюда! Бей охрану!

Неистовство охватило нас. Понадобилась сила всех охранников тюрьмы, чтобы утихомирить узников. Однако бунт не прошел даром — всех перевели из карантинного барака в общие камеры, находившиеся в каменном здании.

Только в апреле нас погнали дальше, к верховьям Лены. Мы с Новинским попали на разные прииски. Потом от товарищей я узнал, что он так и не оправился от болезни. Воспаление легких перешло в чахотку. Он вскоре скончался.

Я до сих пор не уверен в правдивости Симонова. Может быть, убив Гусева, он просто сошел с ума и в его исступленном мозгу родилась мысль о том, что тот являлся провокатором? Во всяком случае, оба они мертвы, и, наверное, нет необходимости допытываться, кто же из них нас предал».

ЕСТЬ ТАКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ!

Борис саркастически посмотрел на лицо Игоря, так и светившееся самодовольством.

— Значит, ты считаешь, что следствие закончено и можно ставить точку?

— Конечно! Какая, в конце концов, разница, кто — Гусев или Симонов — явился предателем! — Он обвел взглядом присутствующих, ища поддержки.

— По-моему, Игорь прав! — не выдержала Лариса. — Я тоже не вижу смысла в дальнейшем поиске...

— Как же вы не понимаете! — загорелся Борис. — Очень важно знать, явилось то предательство следствием случайной трусости или было результатом разлагающей деятельности охранки.

— Но у нас больше нет никаких свидетельств, — возразил Андрей, сохранявший до того нейтралитет.

— Неправда! — снова заспорил Борис. — У нас могут оказаться десятки новых свидетелей, если хорошенько поискать...

— Где? — удивился Андрей.

— В книгах, рассказывающих о том времени.

— А Борис прав! — поддержал его Максим Иванович. — Вспомните — у нас ведь есть еще одна ниточка...

— Какая? — недоверчиво спросил Андрей. — Мы вроде все возможности использовали.

— Показания полицейского, что якобы продала организацию некая Зинаида.

— Но мы уже знаем из воспоминаний, — горячо заспорила Лариса, — что в этой подпольной организации женщин, кроме Новинской, не было. А Саша никак не могла стать предательницей.

Максим Иванович скептически покачал головой.

— Лариса, извини, но ты рассуждаешь по-дилетантски.

— Как это?

— А так. Женская кличка вовсе не означает, что провокатор — женщина. Охранники в целях конспирации давали своим агентам самые неожиданные прозвища. Вот что, например, вы знаете о Блондинке?

— Блондинка? Какая еще Блондинка? — наперебой заговорили все.

— Вот видите, — торжествующе заметил Максим Иванович. — Первый раз слышите! А ведь Блондинка была, точнее был, одним из самых матерых и высокооплачиваемых агентов охранки. Только после свержения царизма, когда часть секретных архивов, которые не успели сжечь жандармы, попала в руки революционеров, выяснилось, что под кличкой «Блондинка» скрывался довольно известный журналист, сотрудник «Русского слова» Иван Яковлевич Дриллих. Он состоял секретным сотрудником московского охранного отделения с октября 1910 года, за что получал по 150 рублей ежемесячно.

Вот какова история его падения. В октябре 1910 года было перлюстрировано письмо (вскрытием частных писем охранка занималась постоянно, при каждом отделении были так называемые «черные кабинеты»), отправленное из Москвы в Киев некому А. К. Закржевскому, следующего содержания: «Вы удивитесь, когда узнаете, что произошло со мной за это время. Одессу я, к счастью, окончательно оставил и теперь пишу вам из Москвы, где нахожусь уже вторую неделю. Выбросила меня из Одессы несчастная (счастливая) случайность. За старые грехи у меня теперь очень сложные счеты с администрацией (подлежу ссылке в Томскую губернию). Если бы я не улизнул из Одессы вовремя, то теперь бы уже гулял по этапу в сии неприветливые страны. Выручил, однако, случай: как раз в тот момент, когда в Одессе пришли меня арестовывать, я был в Петербурге, и только потому теперь на свободе. Естественно, что у меня нет ни малейшего желания быть обывателем Томской губернии, а потому я и перешел на нелегальное положение. Думаю продержаться таким образом до тех пор, пока путем страшно сложных хлопот не удастся добиться отмены ссылки. Есть надежда, что это удастся. На первое время сохраняю связи с «Одесским листком», а там будет видно, что бог даст. Адресуйте мне так: Москва, 9 почт. отд., до востребования. Владимиру Павловичу Матвееву».

Это подозрительное письмо было доложено директору департамента полиции, а он наложил резолюцию: «Выяснить». Тотчас же полетели предложения найти автора письма начальникам московского, одесского и

с.-петебургского охранных отделений. Выяснение не потребовало больших трудов и усилий. 14 октября начальник московского отделения П. П. Заварзин доложил департаменту полиции, что «по документу на имя Владимира Павловича Матвеева проживал в Москве с 22 августа Иван Яковлев (Морищев) Дриллих, род. в 1879 году, журналист, лютеранин, который был обыскан и арестован».

На допросе Дриллих показал, что за газетную статью был присужден киевской судебной палатой к заключению в крепости на один месяц. На его несчастье, он был австрийским подданным и, как опороченный по суду иностранец, не имеющий связи с отечеством, по постановлению киевского, волынского и подольского генерал-губернатора был подвергнут ссылке в Томскую губернию. От ссылки он бежал и проживал по нелегальному паспорту. Полковник Заварзин поставил Дриллиху условие: или ссылка по этапу в Сибирь, или жизнь в Москве на положении секретного сотрудника. Дриллих выбрал последнее, и Заварзин сообщил департаменту, что «арестованный 14 октября Дриллих на основании чисто агентурных соображений 18 октября из-под стражы освобожден». Так Дриллих стал Блондинкой, превратившись из представителя самой независимой профессии в штатного осведомителя.

— Значит, вполне может быть, что кличку «Зинаида» носил Гусев? — предположил Борис.

— Возможно, — согласился Максим Иванович. — Но не исключено, что оказался завербованным и Симонов.

— Это нелогично! — заспорил Андрей. — Ведь Симонов покончил самоубийством...

— А ты не предполагаешь, — неожиданно вмешался Борис, — что Симонов решил бросить тень на Гусева, а когда увидел, что Решетников по-прежнему ему не доверяет, в припадке страха повесился?

— По-моему, вы все усложняете, — заявил Игорь. — В общем, будем считать, что Борис нас убедил в необходимости дальнейшего расследования, каковое мы ему и поручаем, как специалисту по литературе.

Все рассмеялись, но Борис не обиделся:

— Увидите, я докажу, что провокатором был Гусев.

Максим Иванович шутливо погрозил пальцем:

— Исследователь должен быть беспристрастным!

На следующий день Борис пришел в Государственную историческую библиотеку, расположенную в уютном Старосадском переулке. Уже первое знакомство с такими фундаментальными трудами, как «Очерки истории Московской организации КПСС», «Краткая история рабочего движения в России», монография профессора Г. А. Арутюнова «Рабочее движение в России в период нового революционного подъема 1910—1914 гг.» показало, что он находится на правильном пути. Действительно, охранке не раз с помощью провокаторов удавалось производить массовые аресты подпольщиков. Вот что, например, было написано в «Очерках»: «Крайне осложняло работу московских большевиков то обстоятельство, что в Московской организации продолжали действовать засланные охранным отделением опытные провокаторы, которые были осведомлены о делах организации и которых в течение длительного времени не удавалось разоблачить. ...Наиболее опасными из них являлись А. С. Романов, числившийся работником Областного бюро РСДРП, А. И. Лобов — студент Московского коммерческого института, входивший в состав Московского комитета, А. А. Поскребухин, входивший в состав Организационной комиссии по восстановлению МК и в состав МК, Ф. И. Попов, А. И. Николаев, С. И. Соколов. Позднее провокаторы были разоблачены и после победы Великой Октябрьской социалистической революции расстреляны по решению революционного трибунала».

Увидев, чем Борис интересуется, библиотекарь посоветовал ему пройти в библиографический отдел, где вдоль больших шкафов с бесчисленными ящиками, тихо, как тени, ходили люди в поисках «своей» книги. А вот и первая находка! Борис тщательно переписал с карточки название: «Террористы и охранка». Авторами книги оказались французские социалисты Жан Лонге и Георгий Зильбер, предисловие написал известный революционер Ж. Жорес. Издана была книга книгоиздательством «Прометей» в Москве в 1924 году. Однако получил он ее только на следующий день, в читальном зале.

Борис уселся за длинный стол, где уже сидели несколько человек, и углубился в чтение книги.

«Правительства всех стран и всех времен в их борь-

бе против революции никогда не останавливались ни перед какими средствами. Самым бессовестным, самым преступным из этих средств является, несомненно, пользование агентами-провокаторами. Сплошь и рядом в прошлом столетии правители Франции, Германии, Италии прибегали к этому бесчестному средству, чтобы раздавить революционное движение или воспрепятствовать успехам грозных заговоров...»

Российские самодержцы также использовали предателей для подрыва революционного движения. Еще в 1825 году в тайное общество декабристов проник некий Шервуд, который их подло предал, подав докладную записку Александру I. В вознаграждение за свою измену он получил право именоваться впредь, вероятно в насмешку, Шервудом-Верным. Характерно, что через несколько лет он был приговорен за мелкое мошенничество к тюремному заключению.

Любопытна история народовольца Сергея Дегаева. Он был рядовым членом партии, однако, обладая от природы безмерным честолюбием, мечтал о высшей руководящей роли. После убийства Александра II, когда наиболее видные члены погибли на виселицах либо оказались в тюрьмах, значение Дегаева выросло. Он предложил партии казнить жандармского подполковника Судейкина, проявившего наибольшее рвение в борьбе с террористами. Покушение не удалось, а вскоре сам Дегаев попал в одесскую тюрьму после ареста нелегальной типографии. Лично допрашивать его приехал из Петербурга сам Судейкин, предложивший при первой же встрече поступить к нему на службу. Дегаев дал согласие, и вскоре ему был организован мнимый побег. Очутившись на свободе, он сразу принимается за новую работу и организует с помощью своего «учителя» многочисленные западни, в которые попадают его товарищи.

Одним из самых страшных злодеяний Дегаева явилось предательство Веры Фигнер, остававшейся на свободе чуть ли не единственной из тех, кто участвовал в заговоре против Александра II. Бесстрашная молодая женщина имела неосторожность сообщить негодяю одно чрезвычайно важное сведение: единственный человек, который мог ее узнать и выдать, был предатель Меркулов. Дегаев решил немедленно воспользоваться этим сведением, которое давало ему такую легкую возмож-

ность устроить провал В. Фигнер, не навлекая при этом на себя никаких подозрений. Он точно разузнал, в какие часы выходит и возвращается она к себе, и все это сообщил Судейкину. Спустя несколько дней Вера Фигнер лицом к лицу столкнулась с Меркуловым и тотчас же была арестована. Дело было сделано «чисто». Ни Фигнер, ни ее друзья не сомневались, что арест этот был следствием несчастного случая.

Между тем у товарищей Дегаева начали возникать подозрения в его предательстве. От разоблачения его пока спасало только то, что все им преданные революционеры находились в тюрьмах. Однако чувствуя, что близится час расплаты, Дегаев попросил отпуск у Судейкина, выехал в Париж и там признался в своем предательстве старым членам партии. Те после долгих и шумных прений решили даровать ему жизнь ввиду искренности признаний, но при одном условии: Дегаев должен немедленно вернуться в Россию и лично организовать покушение на своего сообщника и покровителя Судейкина.

Убийство Судейкина было совершено на квартире Дегаева в декабре 1883 года. За голову Дегаева правительство назначило десять тысяч рублей. Однако ему удалось бежать сначала в Америку, затем в Австралию, где он и умер в довольно преклонном возрасте.

В книге подробно рассказывалось о провокационной роли в рабочем движении полковника Зубатова, попа Гапона, Азефа, по словам авторов — «самого крупного провокатора, какого когда-либо знала Россия и даже Западная Европа», и других.

...Читальный зал постепенно пустел. Пора было и Борису расставаться с увлекательной книжкой. Он шел не торопясь по темным, едва освещенным переулочкам к метро, и перед его мысленным взором вставали зловещие тени прошлого — провокаторы, их хозяева, главари охранки. Называвшие себя верными защитниками самодержавия, они не задумываясь посылали на виселицы людей, чтобы только шагнуть на следующую ступеньку служебной карьеры, убивали руками провокаторов мешавших им «коллег». Ведь практически с ведома и благословения охранки были убиты Плеве, князь Сергей, Столыпин, десятки более мелких государственных чиновников...

Уже более месяца Борис все вечера проводил в

«историчке», изучая многочисленную литературу, посвященную страшной деятельности царской жандармерии. Однажды вечером, когда он возвращался из библиотеки, у подъезда дома его встретил Игорь.

— Слушай, у тебя совесть есть? — воскликнул он возмущенно. — Уже целый час тебя жду.

— Ты же знаешь, я в библиотеке был...

— Знаю. И должен тебе сообщить, что терпение нашего кружка готово вот-вот лопнуть.

— Это почему же?

— Ты там чего-то накопал, а с нами не делишься. Это не по-товарищески. Мы тоже хотим знать.

— Но я еще не докопался до истины...

— Неважно! Может, мы чего подскажем. Имей в виду — завтра четверг. Ждем тебя у Максима. Договорились.

— Ладно, — согласился Борис.

На следующий вечер у Максима Ивановича его встречали как именинника. Усадили в лучшее кресло, Казимира Францевна первому ему дала чашку чая. Глядя на улыбки друзей, Борис почувствовал, что он тоже соскучился.

— Ну, книжный червь, — шутливо обратился к нему Максим Иванович, сидевший, как обычно, за необъемным старинным письменным столом, — ответствуй обществу, что ты там накопал!

Борис достал тетрадку, в которой вел записи:

— Боюсь, что доклад скучноватый получится. Но зато здесь полная картина того, чем и как занималась царская охранка.

— Давай, давай, не таи про себя, — подзадорил его Игорь.

— Ну, тогда наберитесь терпения и слушайте. Итак, к моменту свержения самодержавия отдельный корпус жандармов имел очень четкую сложившуюся структуру. Он состоял из главного управления и штаба корпуса, 75 губернских и областных управлений, 33 жандармских полицейских управлений железных дорог, имевших более 300 отделений. Входившие в состав корпуса офицеры допускались к занятию штатных должностей по прохождении особых подготовительных курсов в Петербурге, где будущим жандармам наряду с начальными знаниями государственного, уголовного, гражданского,

административного права читалась история русского революционного движения, давались подробные сведения о существовавших в России и на Западе политических партиях и преподавалась техника политического сыска...

Андрей даже присвистнул:

— Серьезная подготовочка, ничего не скажешь.

Борис кивнул:

— Да, на это денег не жалели. С профессиональными революционерами боролись профессионалы — умные, жестокие, беспринципные, не менее серьезно относились к подбору и нижних чинов. На эти должности принимались, как правило, фельдфебели, вахмистры и унтерофицеры строевых частей по окончании ими обязательной военной службы и с аттестатом об их безупречной службе. До мало-мальски ответственных и самостоятельных должностей вновь принятые допускались лишь после предварительного практического ознакомления с работой старших товарищей и изучения соответствующих инструкций, циркуляров и наставлений. Как известно, — сказал Борис, — главным содержанием деятельности всего корпуса жандармов была работа с секретной агентурой, являвшейся предметом неусыпных забот и попечений департамента полиции, куда входил отдельный корпус. Мне попалась на глаза, — продолжил он, — одна из многочисленных инструкций департамента полиции по организации и ведению политического розыска. Этот розыск велся методами как наружного, так и внутреннего наблюдения, причем наружное велось силами штатных сотрудников, так называемых филеров, и имело вспомогательное значение. Главное внимание уделялось внутреннему наблюдению, которое велось посредством секретной агентуры. Агенты внутреннего наблюдения делились на две категории — осведомителей и секретных сотрудников. Осведомителями являлись лица, которые не принимали активного участия в революционных организациях, а доносили о настроениях и действиях того или иного круга лиц или слоя населения, не образующего нелегального политического сообщества.

«Секретными сотрудниками» назывались агенты, входившие в какую-либо революционную организацию и ее «освещавшую», то есть те, кого мы и называем собственно провокаторами.

Скажу больше: департамент рекомендовал практиковать не только энергичное участие агентов во всех проявлениях революционной жизни, но и проведение определенной политической миссии, направленной на разрушение партии изнутри.

— Что же получается? — воскликнул Игорь. — Значит, различные движения типа отзовистов или ликвидаторов инспирировались охранкой?

— Вне всякого сомнения, — согласился Максим Иванович. — Поэтому большевики во главе с Лениным так страстно и беспощадно разоблачали эти течения. Прости, мы перебили тебя, Борис.

— Естественно, что я в своих поисках больше всего интересовался деятельностью московского охранного отделения, — продолжал Борис. — Ведь именно сюда вели следы Зинаиды, агента, провалившего зауральскую организацию. По журналам «Каторга и ссылка», сборникам воспоминаний старых большевиков я находил отдельные сведения о «работе» московских жандармов. Надо сказать, что московское отделение было на особом, привилегированном положении так же, как и петербургское. Еще со времен Зубатова оно имело параллельно с департаментом полиции своих собственных секретных сотрудников не только в других городах России, но и даже в революционных эмигрантских организациях, обосновавшихся в различных точках Европы.

— Даже за границей? — удивился Андрей. — Не может быть!

— Совершенно точно сказал Борис, — подтвердил Максим Иванович, — к сожалению, полковник Заварзин имел своего агента в Париже, побывали его люди и в Лонжюмо, и на острове Капри, у Горького, и даже в Поронине. Известно, что, когда Владимир Ильич послал Серго Орджоникидзе в Россию для подготовки всероссийской конференции, которая впоследствии собралась в Праге, Заварзин был заранее уведомлен о предстоящем визите Серго. Только благодаря удивительной ловкости и конспиративной опытности Орджоникидзе удалось уйти из расставленных ловушек... Так что московское охранное отделение было одним из сильнейших и опаснейших для революционного движения.

— Структурно оно состояло из трех основных частей, — продолжал рассказ Борис, — общая канцеля-

рия, отдел наружного наблюдения и агентурный отдел. Сердцевиной канцелярии был карточный алфавит, в который вносились все лица, так или иначе проходившие по делам охранного отделения. В алфавите находилось свыше 300 тысяч карточек!

— Триста тысяч! — ахнул Андрей. — В Москве в то время жило, если мне не изменяет память, около двух миллионов человек. Пусть половина — это дети и старики. Значит, практически каждый третий был на учете! Ничего не скажешь, действительно — масштаб!

— Но сердцем и мозгом охранного отделения, — вел свой рассказ дальше Борис, — был, конечно, агентурный отдел, или отдел внутреннего наблюдения, к которому примыкало секретное делопроизводство и где велась и разработка данных, получаемых путем перлюстрации писем в так называемом «черном кабинете» при почтамте. В агентурном отделе сосредоточивалась самая сущность работы отделения. Все остальное либо было вспомогательным аппаратом, либо разрабатывало и систематизировало данные, добытые внутренним наблюдением. На правильной организации и функционировании секретной агентуры были сосредоточены все помыслы начальника отделения и его сотрудников — жандармских офицеров.

Каждый из секретных сотрудников имел свою кличку, под которой фигурировал во всех секретных переписках, она же ставилась в заголовке его агентурных записок. Кстати, до 1910 года в отделении не составлялось агентурных записок по сведениям отдельных сотрудников, и каждый жандармский офицер держал имена своих агентов только в памяти.

Интересно строилась работа агентурного отдела. Каждый агент работал с определенным жандармским офицером. Только этот офицер знал его настоящую фамилию и другие «установочные данные». Кроме того, сведения о личностях всех работающих в отделении сотрудников имелись в письменной форме у начальника отделения и хранились в его кабинете. Кроме офицера-руководителя и начальника отделения, личность сотрудника открывалась только департаменту полиции, да и то не всегда.

Свидания секретных сотрудников с офицерами происходили на конспиративных квартирах охранного от-

деления, которых одновременно бывало в Москве четыре-пять. Квартиры эти содержались надежными лицами из числа надзирателей или канцелярских служащих охранного отделения. С иными сотрудниками офицер встречался чуть ли не ежедневно, с другими не чаще раза в месяц, а то и реже. Сведения сообщались устно, в беседе с офицером.

Иногда сотрудники представляли письменные донесения. А в обязанности некоторых осведомителей, в частности, таких, как Блондинка, входило представление более или менее обширных литературных обзоров тех или иных отраслей политического и общественного движения.

Все рассказанное сотрудником офицер, как правило, в течение суток оформлял в виде агентурной записки, где указывалась фамилия офицера, кличка агента, дата приема сведений и к какой партии или движению они относятся. Далее шло содержание сведений. На широких полях делались пометки о принятых мерах — обыски, аресты, «установка» лиц, упоминаемых в записке, и т. д. На основании агентурных записок составлялся карточный алфавит на всех упоминаемых лиц. Карточки были разных цветов: синие — у социал-демократов, красные — у эсеров, зеленые — у анархистов, белые — у кадетов, желтые — у студентов. Кроме общего алфавита агентурного отдела, содержащего 300 тысяч карточек, существовал специальный социал-демократический алфавит.

Сведения агентурного отдела передавались по необходимости в отдел наружного наблюдения. Каждый вечер филеры собирались в отделе, сдавали свои рапортички и получали новые задания. Их обязанностью было исключительно внешнее наблюдение, то есть представление о том, когда и куда ходил наблюдаемый, с кем встречался или беседовал, как был одет, какие у него наружные приметы (походка, облик, растительность и т. д.), что носил или возил с собою, где и как исчез из-под наблюдения и т. д.

При этом филерам предписывалось не приближаться к наблюдаемым, разговоров их не слушать, дабы «не провалить наблюдение». Охранное отделение давало им сведения о предстоящих собраниях, а филеры должны были провожать членов собрания до их домов и доносить, кто и куда вернулся.

Иногда филерам поручалась доставка в охранку кого-либо из наблюдаемых, которых они старались «взять» в безлюдном месте и приглашали следовать на извозчике.

Офицеры отделения часто поручали филерам наблюдать за своими сотрудниками в целях проверки их донесения. Филеры никогда не знали, наблюдают ли они за «своим», то есть за лицом, состоявшим секретным сотрудником охранки, или не за своим.

Пешим филерам помогали извозчики охранного отделения, обязанности которых заключались в том, что в означенное время надо было прибыть в определенное место или отвезти филеров или начальство, куда им было приказано.

Особых самостоятельных поручений по слежке конным филерам не давалось, даже воспрещалось подъезжать близко к наблюдаемой квартире, чтобы не «провалить наблюдение».

Отделу наружного наблюдения подчинялись также полицейские надзиратели участков. Они по требованию офицеров и чиновников отделения наводили формальные справки о лицах, интересовавших охранку в каком-либо отношении: делали выписки из домовых книг, расспрашивали иногда домовую или гостиничную администрацию о том, кто именно и по какому документу проживает, чем занимается, куда ходит, откуда приехал и т. д.

Кроме участковых, имелись еще вокзальные полицейские надзиратели. Они обязаны были присутствовать при отходах и приходах поездов для оказания содействия филерам.

— Отлаженная машина, что и говорить, — заметил Игорь. — Все, что ты нам рассказал, Боречка, конечно, очень полезно, но в поиске Зинаиды мало что прибавило. Согласен?

Борис пожал плечами:

— Конкретных секретных сотрудников мне действительно не удалось установить. Как известно, после свержения царя охранка в первую очередь сожгла свои архивы. Правда, один любопытный снимок я вам все же покажу. Он был опубликован в газете «Социал-демократ» за 1909 год. Мне разрешили сделать фотокопию.

Борис эффектным жестом бросил фотографию на

стол. Все по очереди внимательно начали ее рассматривать. На снимке был изображен худощавый мужчина, одетый довольно элегантно, в мягкой круглой шляпе, сидящий в вольной позе, нога на ногу, на садовой скамейке. Живое лицо украшено пышными усами. Под фотографией имелась подпись: «Рабочий Иван Федорович Петров (он же Иван Федоров, он же Гриша Петров), бывший член московской с.-д. организации и московского профессионального союза по металлу, объявляется провокатором.

Моск. ком. Р. С.-Д.Р.П.
О. Б. Центр. Пром. района».

— После такой публикации этому Грише Петрову, конечно, несдобровать! — заметил Андрей.

— Я думаю, — кивнул Борис.

— Все это здорово, — сказал Игорь, крутя в руках фотографию, — но где же наша Зинаида? Неужели мы так никогда и не узнаем?

Борис развел руками, демонстрируя свою беспомощность.

— Я не знаю, где еще искать. Повторяю — архив охранки был сожжен, и многим провокаторам, видимо, удалось уйти от справедливого возмездия.

— Думаю, что сдаваться рано, — улыбнулся Максим Иванович. — Был я на днях у своего учителя. Да, да, не удивляйтесь, — у вашего учителя есть свой учитель. Человек энциклопедических знаний и абсолютной памяти. Я ему рассказал о наших поисках и о Зинаиде в частности. Он задумался, потом говорит: «Что-то, мне кажется, встречал я об этой Зинаиде». Долго копался на полках и вдруг преподнес мне вот эту книжицу. На время, конечно.

Ребята бросились к Максиму Ивановичу.

— Но, но! — закричал он, шутливо отбиваясь. — Руками не трогать, она ветхая. Глядишь, еще рассыплется, мне потом перед учителем отвечать. Смотрите из моих рук!

«ЗИНАИДА» НАЙДЕНА!

Книжечка, лежавшая сейчас перед ребятами, была невелика по объему — всего 92 странички и называлась «Московская охранка и ее секретные сотрудники». Она была издана в 1919 году.

Максим Иванович вкратце познакомил ребят с историей ее создания:

— В марте 1917 года при исполнительном комитете московских общественных организаций была создана комиссия по обеспечению нового строя, в состав которой вошли представители социалистических партий и Московских Советов рабочих и солдатских депутатов — с одной стороны, и коллегии следователей-юристов — с другой. В тесном взаимодействии с комиссией политических архивов комиссия по обеспечению нового строя разбирала и систематизировала архивы охранного отделения и жандармских управлений.

К сожалению, большая часть архивов, в том числе все агентурные записки за 1916—1917 годы, как нам и рассказывал Борис, были сожжены жандармами сразу же после отречения Николая II. Тем не менее комиссия провела несколько сот допросов жандармских офицеров, секретных сотрудников, филеров, надзирателей, что дало довольно яркую картину работы охранки.

Комиссии, проводившей расследование, при выявлении истинных фамилий провокаторов пришлось столкнуться с немалыми трудностями. К счастью, в конце марта 1917 года из архива департамента полиции, находившегося, как известно, в Петрограде, был доставлен «Список секретной агентуры московского охранного отделения, бывшей в 1915 году и в январе 1916 года», содержавший и клички, и фамилии 91 секретного сотрудника. Этот список после проверки был опубликован в московских газетах, в результате чего большая часть провокаторов была арестована и подверглась допросам.

Работа комиссии неожиданно была приостановлена Временным правительством, которое издало 16 июля 1917 года Декрет о ликвидации несудебных арестов, запрещавший производить аресты сотрудников охранки. Из 50 агентов, находившихся под стражей, были освобождены три четверти. Такая «сердобольность» Временного правительства помогла многим предателям уйти от справедливого народного суда.

— Чем она, интересно, объясняется? — воскликнул Андрей.

— Думаю, что Временное правительство, видевшее в

социал-демократах злейших врагов, хотело сохранить кадры провокаторов на будущее, — ответил Максим Иванович. — Тем не менее мы все-таки имеем, пусть не полный, список тайных агентов московской охранки. Ну что, приступим?

Максим Иванович начал читать. Каждому провокатору или осведомителю посвящалось всего несколько строк, но сколько за этим лаконизмом скрывалось человеческой подлости и низости, предательства, сколько крови и жертв лучших людей России!

— «Абрамов... Агапов... Анохин... Байков...», так, интересно — «Букин Валентин Михайлович, печатник типографии Мамонова (кличка Воскресенский). С 1911-го по 1916 г. состоял в охр. отд. по рабочему движению в Москве. Отмечал все проявления организационной и агитационной деятельности партии с.-д. в рабочих кругах, попутно доносил и на с.-р. и анархистов. Называл целый ряд фамилий (между прочим, донес на своего родного брата Илью Букина и многих других). Был арестован». А вот и первый агент с женской кличкой! — воскликнул Максим Иванович. —«Брейдтбурт Иосиф Самойлович, студент коммерческого института (кличка Соня), давал сведения о студенческом движении. Был арестован». К нашей Зинаиде явно отношения не имеет. Читаем дальше: «Волков... Воронов... Вязков... Гааке Сергей Викторович, статистик Северного страхового о-ва (кличка Петербургский).

Доносил на многих партийных лиц, указывая адреса, паспорта, состав групп, способы межгрупповых сношений. Умер».

Этот ушел от возмездия, — заметил Максим Иванович. — Зато понесли заслуженную кару вот эти: «Лобов Алексей Иванович, бывш. студент Моск. коммерческого института (кличка Мэк). По собственным указаниям был в Москве представителем Центрального Комитета Российской с.-д. р. п. Входил в состав Моск. комитета партии. Находился, по данным документов за 1912 г., в непосредственных деловых сношениях с заграничными верхами партии, являлся одним из наиболее серьезных и законспирированных руководителей партийной работы в деле восстановления подпольных учреждений партии в Москве. В 1914 г. давал подробнейшие сведения о деятельности областного бюро Центрально-промышлен-

ного района, о работе партийных кругов. Выдал участников так называемого ленинского совещания (принимая участие в нем и сам). Один из наиболее крупных провокаторов. Был арестован. Расстрелян по приговору Верховного революционного трибунала от 30 июня 1918 г.».

«Поляков Андрей Александрович, в партийных кругах известен под псевдонимом «Кац[illegible]л» (охр. кличка Сидор). Бывший член областного комитета партии с.-д. Давнишний партийный работник в Одессе и Москве. Делегат на конференции с.-д. в Вене. Один из наиболее крупных осведомителей. Был арестован. Расстрелян по приговору Верховного революционного трибунала от 30 июня 1918 г.».

«Поскребухин Алексей Алексеевич (кличка Евгений). В июле 1915 г. сообщил о предполагаемой общегородской конференции с.-д. Участники были арестованы за несколько дней до конференции. Был арестован. Расстрелян по приговору Верховного революционного трибунала от 30 июня 1918 года».

Этот внушительный список можно было продолжать. Но Максим Иванович не забывал о поиске провокатора с женской кличкой. Таких кличек оказалось немало: Лиза (Козлов Василий Александрович), Наташа (Кураев Павел Иванович), Зоя (Леонов Василий Константинович), рядовой 19-го запасного полка, работал в охранном отделении с января 1910 года, осведомлял по партии с.-р.), Саша (Панин Матвей Ефимович, столяр, с.-д., большевик), Раиса (Шварц Вячеслав Карлович, бывший студент московского технического училища. Работал в охранном отделении не менее 6 лет. Официально получал 40 рублей в месяц).

Данные этих провокаторов не совпадали с искомыми.

Находились и женщины-агенты, носившие мужские имена. Например, под кличкой Иван Иванович скрывалась некая Рейзнек (урожденная Невер-Неверовская) Софья Филипповна, по первому браку Андреева, дававшая сведения о настроении и политической деятельности слушателей университета Шаневского. Страшную по своей гнусности работу вела Грузинка — дворянка Зинаида Романовна Зарайская, принадлежавшая к числу так называемых тюремных агентов. Она доносила на

тюремных служащих Бутырской тюрьмы, доставляла переписку политических заключенных.

Но вот наконец их поиск увенчался успехом. Еще и еще раз внимательно Максим Иванович пробегал глазами мелко набранные строчки:

«Курбский Станислав Петрович, кличка — Зинаида. Сотрудничал в варшавском охр. отд. Указал на участников убийства директора фабрики Зильберштейна, вследствие чего были казнены 8 лиц. В конце 1907 г. по его доносу был арестован состав лодзенского комитета фракции п. п. с. в количестве 11 человек. Осведомлял также о деятельности «революционеров-мстителей». В 1908—1910 гг. состоял секр. сотр. в Одессе. В Москве работал в охр. отд. с июня 1911 г. Освещал партию с.-д. В 1912 г. был сослан в Зауральск. Выдал нескольких бежавших из ссылки (Серебряков, с.-д., арестован) и высланных административным порядком (напр., Ануфриев, арест.), проживавших в Москве по паспортам на чужое имя...»

Но что это? Максим Иванович не поверил своим глазам, прочитав продолжение:

«...В 1914 г. поступил во всероссийский земский союз и был заведующим починочно-сапожной мастерской на фронте...»

Значит, Симонов не убил его? Так, теперь ясно, откуда был так осводомлен следователь. Просто, чтобы скрыть следы провокатора, жандармы объявили его погибшим. А оборотень снова появился, теперь на фронте, выдавал революционно настроенных солдат.

Но как веревочке ни виться... С удовлетворением Максим Иванович прочитал концовку: «Один из осведомителей исключительной важности. Был арестован. Расстрелян по приговору Верх. революц. трибунала от 30 июня 1918 г.».

Он поглядел на торжествующих ребят.

— Смерть предателю! — махая рукой, выкрикнула Лариса.

— Мы нашли, нашли его, — стискивая по очереди то Андрея, то Игоря, восклицал Борис.

— У меня есть предложение, — сказал Максим Иванович. — Теперь, когда мы знаем все, давайте попробуем бережно реконструировать, как это происходило...

ИМЕНЕМ РЕВОЛЮЦИИ

В небольшом особняке по Малому Гнездниковскому переулку, несмотря на утренний час, уже кипела напряженная, хотя и мало заметная для постороннего глаза жизнь. Впрочем, посторонних лиц в охранном отделении почти не бывало. Разве что какой-нибудь озверелый лавочник из «Союза русского народа» приедет с доносом на своего соседа. Но таких дальше приемной на первом этаже не пускали. Дежурный надзиратель терпеливо записывал показания и отправлял доносителя восвояси.

Ровно в десять, звонко отстукав копытами по брусчатой мостовой, у подъезда замер серый в яблоках рысак, доставив элегантный экипаж с полковником Заварзиным. Полковник, еще не старый, подтянутый, с гвардейской выправкой, быстро прошел в свой кабинет, бросив на ходу дежурному:

— Пригласите ко мне ротмистра Ганько.

Ганько, ждавший приглашения, вошел почти следом, застав полковника у открытого сейфа. Тот, слегка кивнув на приветствие, достал из сейфа тоненькую папочку, аккуратно прикрыл его, сухо щелкнув замком. Не торопясь сел в кресло, устроился поудобнее, положил папочку перед собой и только после этого в упор воззрился на стоящего у двери ротмистра. Если бы не офицерский мундир, Ганько вполне можно было бы принять за приказчика — черные прилизанные волосы на пробор, густо набриолиненные щеголеватые усики. Только что вот глаза — цепкие, хитрые, безусловно говорили об уме их владельца. Вот и сейчас было видно, что ротмистр уже догадался о причине столь раннего вызова. Поэтому полковник начал без предисловий:

— Как же мы упустили Голощекина? Если верить донесению Портного, — полковник кинул на папочку, лежавшую перед ним, — сей «ветеран» беспрепятственно бежал из ссылки, спокойно разгуливал по Москве, восстановил разгромленный было нами окончательно Московский комитет большевиков, а затем спокойненько отправился в Прагу на Всероссийскую конференцию. И если бы Портной, по воле случая ставший вторым делегатом от Москвы, не сообщил нам, мы бы до сих пор ходили бы в неведении? Хотелось бы услышать ваши соображения по сему поводу.

Ганько будто поперхнулся, но ответил без заминки:

— Почему-то не сработала наша ловушка.

— А почему? — прищурился Заварзин.

Ганько вздохнул:

— Видимо, большевики стали догадываться, что явочная квартира, куда направлялись бежавшие из ссылки, «засвечена».

— Но вы сами говорили, что хозяин — вне подозрений у большевиков!

— Думаю, что он и сейчас вне подозрений. Но факты есть факты, все, кто побывал на этой квартире, рано или поздно проваливались. Хотя мы и обставляли эти аресты как случайное стечение обстоятельств, однако большевики не дураки!

Заварзин поморщился:

— Тоньше надо работать, ротмистр! Слежку необходимо вести незаметно.

Ганько покраснел:

— Увы, наших филеров за версту видно по их пропойным рожам. Где их только берут?

— Вы отлично знаете, ротмистр, что человек порядочный в филеры не пойдет... Так что довольствуйтесь тем, что имеется. Впрочем, мы отвлеклись от главного. Что мы будем делать, изложите ваши предложения.

Ганько покачал головой:

— Думаю, что этой квартирой больше никто не воспользуется. Вижу только один способ добраться до нового канала, по которому переправляют беглецов.

— Ну-ну, — поощрил его Заварзин. — Как именно?

— А именно так, — ротмистр повернул голову в сторону полковника и с расстановкой произнес: — Пустить по этому каналу нашего секретного сотрудника.

— Долгая песня, — вздохнул Заварзин. — Арест, следствие, суд, ссылка — это же несколько лет может пройти...

— Ну, в наших силах несколько ускорить этот процесс, — усмехнулся Ганько. — Иного пути не вижу. Отсюда нам не подобраться, а уповать на случай...

— Хорошо, — кивнул Заварзин. — Кого конкретно предлагаете?

— Зинаиду, — не моргнув глазом, заявил Ганько.

Полковник вздохнул и задумался. Зинаида был его любимым агентом, и Ганько, конечно, знал об этом.

— Ну, ладно, — буркнул полковник, — на когда у вас с ним назначена встреча?

— На сегодня.

Полковник кивнул:

— Пожалуй, вот что: пойду на свидание я сам.

Ротмистр вспыхнул:

— Не доверяете?

— Нет, не в том суть! — покачал головой полковник. — Задание слишком серьезное, да и Зинаиду я давно не видел. Надо бы прощупать, чем дышит сия «барышня»...

Одетый в партикулярное платье и ставший похожим на практикующего врача, полковник вышел из коляски за квартал до нужного ему дома. Незаметно оглядевшись у двери, не смотрит ли кто, полковник быстро поднялся на второй этаж, позвонил.

Войдя в просторную гостиную и плотно прикрыв за собой дверь, Заварзин приблизился к столу, за которым сидел худощавый молодой человек в куцем пиджачке и высоких сапогах, читавший книжку.

— Ну, здорово, крестник! Все приключениями сыщика Пинкертона балуешься?

— Здравствуйте, господин полковник! Рабочему человеку Леонида Андреева читать как-то не с руки. Мистика — для нас вещь непонятная!

— Ну, ну, не юродствуй. И полковником называть меня ни к чему. Три года у нас работаешь, а правила сыска не соблюдаешь.

Лицо молодого человека передернулось. Заварзин, откинувшись на спинку стула и потирая замерзшие руки, продолжал пристально его рассматривать.

— Пистолет все с собой носишь? — спросил он неожиданно.

Молодой человек ухмыльнулся:

— С ним как-то спокойнее. Хотя «товарищи» не одобряют. Считают анархистским загибом. Дескать, сам завалишься, да и других с собой потянешь.

— Правильно говорят, — кивнул полковник. — Кста-

ти, должен тебя предупредить, «товарищи», как ты их называешь, сильно начали в тебе провокатора подозревать...

Молодой человек вновь передернулся, будто от удара хлыстом.

— Я вот все думаю, — раздумчиво растягивая фразу, продолжал Заварзин, — не появляется ли у тебя порой желание послать пулю и в меня?

Глаза молодого человека сверкнули, и он поспешил отвести их в сторону.

— Ну, ну! — Полковник погрозил пальцем. — Я шучу, конечно. Рад тебя видеть, соскучился, вот и шучу. Понимаешь?

— Шутки эти могилой попахивают, — угрюмо заметил собеседник.

— Ну, ладно ворчать, братец, — оборвал его Заварзин уже холодным, деловым тоном. — Рассказывай, что новенького слышно.

— В среду в Хамовниках районное собрание. Ожидается вроде кто-то с докладом из промышленного центра...

— В среду, говоришь? — оживился полковник. — Что ж, это нам на руку. Будешь на этом собрании сам!

— Значит, арестов не будет? — разочарованно протянул агент. — А ведь редкий случай представляется...

— Аресты будут! — кивнул полковник.

— Не понимаю... А как же я?

— Тебя арестуют в первую голову.

Молодой человек снова вскочил:

— Что вам за охота меня все время вышучивать!

Полковник покачал головой:

— Я не шучу. Нам надо тебя арестовать. Только не вздумай с собой пистолет притащить! Ввиду твоей пассивной роли в организации получишь пару лет ссылки. Оттуда сбежишь. Таким образом, убьем двух зайцев — пошатнувшееся к тебе доверие «товарищей» вернется, а самое главное — узнаешь канал, по которому эти канальи, — полковник хохотнул по поводу удачного каламбура, — к нам сюда возвращаются. Узнаешь все — явки, пароли, имена. Сойдет все хорошо, обещаю тебе

долговременный отпуск в Париж за счет отделения. Ты знаешь, я умею держать свое слово.

Зинаида угрюмо помолчал, потом сказал:

— Есть одна весьма неприятная вероятность, господин полковник...

— Что именно? — встрепенулся Заварзин.

— Там, в ссылке, могут встретиться мои «крестники», те, что помнят меня по Одессе или Ростову. Большой конфуз может произойти.

— М-да, — помрачнел и полковник, — тогда весь наш план провалится. Что ж, постараемся, чтобы «крестники» твои тебе по пути не попадались. Ну, иди. Хвоста, надеюсь, за собой не имеешь?

Зинаида усмехнулся:

— Да нет, только ваш филер за мной все топает. Не доверяете?

— Доверяй, да проверяй, — хмыкнул Заварзин. — Иди, иди.

В среду поздним вечером ротмистр Ганько докладывал полковнику о блестящем завершении операции по аресту большой группы подпольщиков. Заварзин слушал и с удовлетворением кивал головой. Потом спросил:

— А как там... э... наша «барышня»? Пристойно вела себя?

— В глазах «товарищей» показала себя героем!

— Как это? — насторожился полковник.

— Трахнул околоточного табуретом так, что у бедняги вот такая шишка вскочила! Так что и «барышне» бока помяли...

— Я же просил — без эксцессов, — поморщился полковник. — Запишут в вожаки, лишний срок получит. Не тяните с судом.

— Так точно! — вытянулся Ганько.

— «Барышню» денька через три привезите ко мне на допрос. А чтоб не было подозрений, вызывайте по очереди остальных. Только их сами будете допрашивать. Мне некогда с ними особенно возиться...

...Через три дня Зинаида сидел перед письменным столом полковника в его кабинете. Заварзин с явным неудовольствием уставился на огромный синяк, украшавший глаз арестованного.

— Я же ведь просил тихо себя вести, — произнес он ворчливо. — Вот и доигрался.

— Между прочим, с «товарищами» мне сидеть, а не вам, — парировал агент. — Бой, конечно, не обошелся без некоторого урона с моей стороны, зато теперь купаюсь в лучах уважения и славы...

— Славы ему недостает, ишь ты, — мрачно заметил полковник. — А что, если за эту славу тебе еще годика три каторжных работ накинут? Или прикажешь мне сходить к господину судье и объявить ему, что ты мой агент? Соображаешь?

— Я думаю, сколько мне дадут, не имеет особого значения, — вызывающе сказал арестованный.

— Как это не имеет? — удивленно спросил Заварзин.

— Родилась у меня, пока сидел на нарах, одна идейка...

— Ну-ка, ну-ка! — оживился полковник.

— Среди всякой мелюзги, арестованной со мной, попался один юнец. Смотрит на меня влюбленным взором и не отходит. Юнец, в общем-то, малоинтересный, такие быстро ломаются, но есть одно любопытное обстоятельство... Отрок сей, по фамилии Симонов, родом из Зауральска.

— Погоди, ведь, насколько мы знаем, именно из Зауральска идет переправка нелегалов, — оживился Заварзин.

— Вот именно, — кивнул Зинаида. — Юнец учился в тамошней гимназии, за болтовню исключен с «волчьим билетом», но нашелся добрый дядя, какой-то машинист с железнодорожной станции, который пожалел мальчика и помог перебраться ему в Москву якобы для продолжения учебы. Однако юнец, которому не давали спокойно спать лавры Робеспьера, снова увяз в подполье, и как следствие — сидит по соседству со мной на нарах.

— Это удача, видит бог! — суеверно перекрестился полковник.

— Скорей, видит дьявол, — усмехнулся агент.

— Богохульник! — сурово одернул его полковник. — Ну и что ты предлагаешь?

— Бежать вместе с ним с этапа. Он пряменько наведет меня на организацию.

— Ладно, мы все обдумаем. А пока пройди в соседнюю комнату, там для тебя обед из «Балчуга» принесли.

Через полчаса полковник зашел в соседнюю комнату. Зинаида сидел, откинувшись на стуле, и со смаком курил дорогую папиросу.

— Пока ты обедал, мы продумали детали, — сказал полковник. — Запоминай. Перед тем как вас будут этапировать из Бутырки, к тебе подойдет одна сослуживица, черная такая. Это ни у кого не вызовет подозрений, поскольку все будут совать ей записки. Можешь и ты, кстати, черкнуть мне пару слов. Мне будет приятно. А в обмен дама незаметно всучит тебе в карман пилочку. Пока будете ехать в поезде, займетесь с твоим протеже делом, вы с ним будете скованы. Когда минуете Екатеринбург, ровно в полночь, снимите кандалы, слегка пристукните стражника, только я прошу — слегка, а то околоточный до сих пор не очухался, и в дверь. Поезд в это время будет идти в гору, медленно. Убедишь напарника, что бежать надо не назад, к Екатеринбургу, а наоборот, вперед, к Зауральску. Через неделю после побега на сквере возле железнодорожной станции в вечерние часы будет прохаживаться мужчина со стеком. Подойдешь, он тебя узнает. Все ясно?

Зинаида сосредоточенно слушал, потом спросил:

— А если кто-нибудь за нами еще увяжется?

— «Если» не будет, — сухо заметил Заварзин. — В случае, если кто-то попытается подняться, стражник с противоположного конца вагона, притворяющийся спящим, будет сразу стрелять без предупреждения.

— Хорошо, — кивнул агент. — Есть одна просьба, не сочтите за сентиментальность...

— Ну, ну, — ободрил его полковник, — говори.

— В кобуре у стражника должен лежать мой браунинг. Привык я к нему как к родному. Я без него будто нагишом. А стражника успокойте — запеленаю как родного. Ни одной царапины не будет.

...Побег удался блестяще. Наручники подпилили еще накануне, ночью. Пилка шла по металлу легко, будто по маслу. Особенно старался Симонов. Его глаза горели, он просто упивался романтикой происходящего. И вот назначенный час настал. После полуночи перестук колес замедлился, пламя в лампе мерцало еле-еле.

С нар раздавался храп и глухие стоны спящих арестантов.

Зинаида ловкими движениями, стараясь не звякнуть, сломал подпиленные кольца сначала на руках, затем на ногах, помог Симонову.

— Сиди неподвижно, — шепнул он напарнику, — когда подам знак, подползешь.

По-пластунски он прополз под нарами, приближаясь к стражнику. Тот вроде бы спал крепким сном. Однако, связывая его, Зинаида почувствовал, как напряглись руки стражника. Он привязал его к скамейке, засунул кляп в рот. Полез в кобуру и усмехнулся: полковник не забыл просьбу — на ладони покоился его родной браунинг. Осторожно сняв с пояса стражника связку ключей, он махнул рукой Симонову. Дверь вагона, хорошо смазанная, не скрипнула. В лицо ударил тугой весенний воздух. Глубоко вздохнув, Зинаида прыгнул, задом против хода поезда, пробежал несколько шагов и скатился по ту сторону насыпи. Впереди мелькнула фигура Симонова. Когда мимо пролетел последний вагон, не сговариваясь, они поднялись и бросились бегом в сторону от дороги. К утру нашли скирду прошлогодней соломы и залегли в ней. Вечером пошли в сторону Зауральска. На окраине города нашли заброшенный шалаш огородника, где временно и обосновались. Страшно хотелось есть, поскольку сухари, запасенные в вагоне, кончились.

— Пойду в город! — сказал Симонов, когда начало смеркаться. — Жратвы принесу и кое-что разузнаю...

— К кому пойдешь? — сурово спросил Зинаида.

— К родителям...

— С ума сошел. Родители вообще не должны знать, что ты в городе. Есть еще какие знакомые?

Симонов потупился:

— Есть одна девушка...

— Час от часу не легче.

— Да я не то хотел сказать, — поправился Симонов. — У нее отец машинист на железной дороге. Очень надежный человек. Когда меня исключили из гимназии, он помог переехать в Москву и дал адрес...

— Это похоже на дело, — кивнул Зинаида. — Ступай только огородами.

Через час Симонов вернулся с Новинским. Новин-

ский, крепко пожав руку и вглядываясь в лицо незнакомца, представился.

— Свою фамилию не называю, — усмехнулся Зинаида, — поскольку она фигурирует в полицейских протоколах. Все равно придумывать новую...

Новинский предложил идти за ним. Скоро они оказались во флигелечке в саду Новинского.

— Поживите здесь, пока не оформим документы, — сказал он.

Новинский собственноручно изготовил фотонегативы с помощью хранившейся здесь же камеры и ушел. Через день он появился вновь с паспортами и новой одеждой.

— Вы теперь Гусев, — сказал Новинский Зинаиде, — идите оформляться конторщиком в пакгауз, я договорился. А ты отныне Афанасьев, — повернулся он к Симонову. — Будешь смазчиком колес. Работа грязная, но оно и к лучшему. В чумазом рабочем труднее разглядеть бывшего гимназиста. В город ходить запрещаю категорически. Комнату снимите здесь, в вокзальном поселке. Если же, паче чаяния, около станции столкнешься с кем-нибудь из знакомых, играй опустившегося человека, бродягу. Ведь в городе о твоей революционной работе никто не знает. Поверят, что после исключения из гимназии сломался и опустился на дно. Понятно?

В конце недели Гусев-Зинаида, одетый с иголочки, как и положено молодому конторщику, встретился в пристанционном сквере с господином со стеком в правой руке.

— Вижу, устроились неплохо, — сказал тот агенту.

— Вы здешний? — коротко спросил его Зинаида.

— Нет, специально из-за вашей милости прислан из Киева.

— Это хорошо. Разрешите представиться — Гусев, конторщик станционного пакгауза. Связываться удобно, будете периодически заглядывать, интересоваться какими-нибудь грузами. Новинский, конечно, главарь местной организации. К работе нас пока не подпускает, осторожничает. Но, видать по всему, людей у него маловато, так что никуда не денется. Адью!

Новинский действительно довольно долго приглядывался к новичкам. Гусев вызывал смутное подозрение, хотя из Москвы проверенные товарищи подтвердили историю с его арестом и побегом. Но эта непонятная его

страсть всегда носить оружие... Уж не из бывших ли эсеров? Однако Гусев твердо отвергал террор как средство борьбы, хорошо разбирался в теоретических вопросах, был ловок. В конце концов Новинский поручил ему приобретение и переделку готового платья.

Симонову, обладавшему красивым каллиграфическим почерком, Новинский поручил заполнение паспортов. Тот проделывал эту работу поздно ночью в комнате, которую снимали вместе с Гусевым. Афанасьев-Симонов простодушно хвастался перед другом каждым новым заполненным паспортом. Запомнить фамилию опытному агенту не составляло труда.

Неожиданно в дружбе друзей появилась трещинка. Причиной тому была Сашенька Новинская. Гусев вдруг понял, что не на шутку увлекся девушкой. Почувствовал это и чуткий, как все влюбленные, Симонов. Однако Сашенька была ровна в отношениях с ними, никому не отдавая предпочтения.

Прошло лето, началась затяжная, сырая осень. Господин, периодически появлявшийся в пакгаузе, передавал Гусеву благодарности за хорошую службу и приветы от полковника Заварзина. Но случилось непредвиденное — однажды Афанасьев-Симонов, вроде невзначай зайдя в пакгауз, шепнул Гусеву:

— Новинский велел срочно готовить одежду и документы для...

Он назвал имя, и Гусев невольно похолодел — этого человека арестовали по его доносу в Ростове-на-Дону. Встреча с ним, а ее никак не избежать, означала неминуемое разоблачение. До позднего вечера он лихорадочно обдумывал, как поступить. Оставалось одно — немедленно, пренебрегая конспирацией, идти в жандармское управление, предупредить о скором появлении беглеца, чтобы его схватили до того, как он проберется на квартиру к Новинскому. Все, казалось, было сделано как надо, и тут нелепая случайность. Этот влюбленный юнец все испортил...

...Знать бы, что он осмелится нажать на спусковой крючок! Обычно столь осторожный агент дал себя провести как мальчишка! Он скрежетал зубами от бессильной ярости, крутясь на больничной койке. Рана оказалась нетяжелой. Врач обещал скорую поправку. Но раненый никак не мог успокоиться, дожидаясь жандармского ротмистра.

— Надо арестовать. Всех! — захрипел он, когда наконец в палату вошел офицер. — Не медлите, иначе этот мальчишка расскажет, что я предатель, и они разбегутся, поминай, как звали... Адреса вы их знаете. Хотя погодите...

Раненый скривился от боли, потом сказал:

— Дочку Новинского не трогайте.

Ротмистр ухмыльнулся:

— Понимаю — амур!

Лицо Гусева, и без того бледное, побелело еще больше:

— При чем тут амур? Если дочка останется на свободе, то подпольщики из города подумают, что именно она стала предательницей. Ясно?

Ротмистр уважительно покачал головой, не случайно с этим агентом носятся как с писаной торбой. Надо же такое придумать!

— Главное, изолируйте полностью мальчишку! — хриплым шепотом продолжал агент. — Устройте ему допрос с пристрастием! И во время допроса «случайно» проговоритесь, что я, мол, скончался в тюремной больнице. Ясно? Умоляю вас, не медлите!

...Через несколько дней под покровом ночи его тайно погрузили в поезд. Все дни пути возле его купе стоял жандарм. В Москве в частной больнице его навестил полковник Заварзин.

Зинаида сидел в глубоком кресле-качалке и вновь читал о приключениях Пинкертона.

— Рад видеть, что дело идет на поправку! — хмыкнул полковник. — Конечно, если бы не эта нелепая случайность... Во всяком случае, цепочка порвана надолго. Ну а свое обещание я помню хорошо. Как поправитесь, отправляйтесь в Париж проматывать свой накопленный капиталец. Когда понадобитесь, вызовем.

...На следующий день после убийства австрийского эрцгерцога в Сараеве его нашел в одном из кабачков Монмартра бесцветный господин в глухом сюртуке.

— Вам немедленно следует ехать домой, пока не перекрыта граница.

И снова встреча с Заварзиным.

— Вам нужно записаться добровольцем в земское ополчение, — проинструктировал полковник. — Сейчас, когда стригут под гребенку всю революционную не-

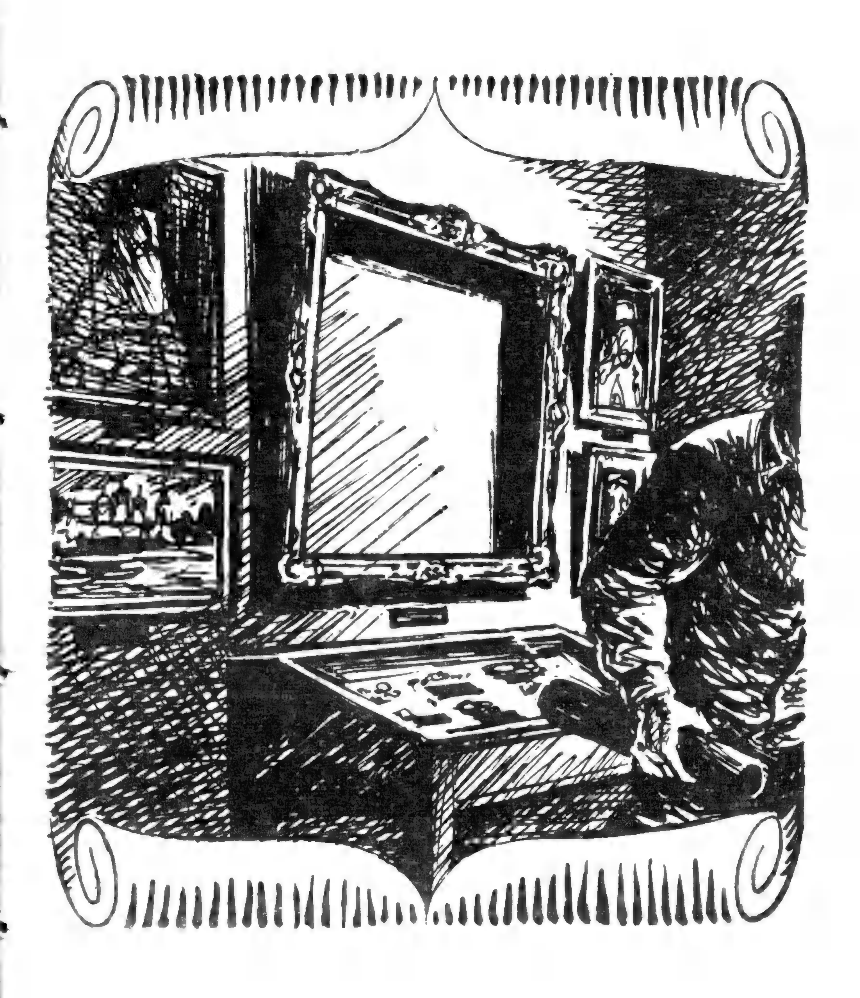
чисть, работы в армии хватит. Ваша первая специальность, если мне память не изменяет, — сапожник? Вот и будете заведующим сапожной мастерской. В таких местах у солдат языки развязываются, сами понимаете...

Еще три года продолжалась гнусная деятельность провокатора. Для многих честных людей встреча с ним вела к трибуналу. Но вот вспыхнула революция. И однажды в мастерскую вошли несколько солдат с красными лентами на папахах. Один из них сурово произнес:

— Курбский Станислав Петрович, вы обвиняетесь в многолетнем тайном сотрудничестве с царской охранкой. Именем революции вы арестованы!

ШУЙСКИЙ ПРОТИВ ШУЙСКОГО

Повесть

По стародавнему обычаю рождение царского сына было объявлено «государскою всемирною радостью». Уже мчатся многочисленные вестники от царя, провозглашая повсюду, по всем городам и селам государеву радость. Со своей стороны, и духовная власть также спешит разослать богомольные грамоты в монастыри, городские соборы, посадские и сельские церкви с наказом, чтобы для всемирной радости пели молебны со звоном.

Засуетились бояре в заботах о дарах для новорожденного дитяти, кто с радостью, а больше со страхом — не зря дано царю Ивану прозвище Грозный. Он даже, когда шутит, страшен. Хорошо, если просто напоит бояр да велит писцам записывать их пьяные бредни, а наутро зачитает для всеобщего посмешища. Иногда его зловещие шутки идут поистине от дьявола. Велел, сказывают, своего лекаря, иноземца Бромлея, живьем зажарить на вертеле. А другого слугу, сбежавшего от него в монастырь, приказал посадить на бочку с порохом и поджечь: дескать, стремился побыстрей к богу, так мы поможем!

Трясущейся рукой крестится боярин, оглядываясь, не подслушал ли кто его крамольные мысли. Господи, помилуй! А как решить, что послать в дар новорожденному? И так земля оскудела от орды опричников. Села выжжены, поля не засеяны... и сам царевич-то может ли быть царевичем? Брак с седьмой по счету женой Марией Нагой, даже свершенный по церковному обряду, не может быть законным. Но кто из церковников осмелится спорить с Иваном после того, как новгородского архиепископа Леонида повелел одеть в медвежью шкуру и натравить собак? «Лихое время», — бормочет боярин и вытаскивает из сундучка последнюю казну. Охоч, сказывают, царь до драгоценных камней. Подарить его сыну рубин, который очищает кровь, или алмаз, удерживающий человека от ярости и сластолюбия? А может, бирюзу, предсказывающую смерть? Господи, помилуй...

...В черном монашеском одеянии, с высоким клобу-

ком на бритой голове стремительно вошел царь Иван в мыльню, где после сотворения молитвы и наречения младенца ждали его духовник, молодая царица с новорожденным и многочисленные няньки.

С душевным трепетом взглянула царица Мария на своего господина — высокого, широкоплечего, почти тучного, с густой рыже-седой бородой. Пронзительный взгляд его больших глаз живо перебегал с одного лица на другое. «О чем он думает?» — пытается угадать мысли царя Мария и вдруг в испуге вспоминает, как царь поступил всего несколько месяцев назад со своим старшим сыном, наследником Иваном. После смерти его стал тих и благостен, не снимает монашеского одеяния, в раскаянье решил посмертно «простить» всех опальных бояр — «изменников», казненных по его приказу. За души четырех тысяч убиенных опричниками день и ночь молятся монахи в монастырях. Но кто знает, не вспыхнет ли вновь в нем безудержная ярость и против ее сына?

«Наречен царевич Дмитрием», — бормочет, кланяясь, духовник. «Дмитрий?» — вздрагивает царь. Ведь так звали его первенца, рожденного любимейшей женой Настасьей... Не уберегли младенца. Когда везли его, шестимесячного, с богомолья из Кириллова монастыря, сходни, что вели на царский струг, опрокинулись, и нянька с младенцем на руках упала в воду. Когда достали его, он был мертв. Нелепая случайность. Только случайность ли? Уж не боярские ли то были козни? Ведь они отравили его Анастасию!

Чувствует царь, как мутный гнев обволакивает ему душу. Никогда не верил и не верит он боярам. И тем, кто уцелел от опричников и близко сейчас стоит к его трону, — Шуйским да Мстиславским. Не зря сослал молодого Ваську Шуйского. Ведь только ждут его смерти, чтобы посадить на трон вместо слабоумного Федора. Не верит и низкородным Нагим да Годуновым, что приблизились благодаря доносам и казням.

Душно. Страшно. И эта «пошлая девица» — королева английская Елизавета тянет с ответом. Держит несколько месяцев у себя его посланца Писемского, не показывает свою сродственницу Марию Гастингс, на которой царь хочет жениться. Если удастся задуманное, уедет он с семейством и казной в Англию. Косит глазом Иван на молодую царицу. Ждет ее тогда развод, мо-

настырь, несладкая участь уготовлена и новорожденному...

А если брак с англичанкой не удастся? Участь младшего сына царя тоже будет нелегка. Редко кто из удельных князей на Руси помирал собственной смертью.

— Повелеваю, — хрипло сказал Иван, — царевичу Дмитрию дать в удел град Углич со всем уездом и доходами...

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

Андрей вырулил свою «ласточку» с Мытищинской автозаправочной станции на просторное полотно Ярославского шоссе, Игорь взглянул на часы.

— Сколько? — спросил Андрей.

— Без пяти шесть, — ответил Игорь.

— В одиннадцать будем, — уверенно заметил сидевший сзади Борис.

— Ой, не говори «гоп», — пробормотал Максим Иванович, с трудом умащиваясь между ним и Ларисой.

— Вам тесно? — участливо осведомилась она и двинулась еще больше к левой стенке «Запорожца», хотя и так занимала ничтожно мало места.

— Не в тесноте дело, — проворчал Максим Иванович, — просто в дальней дороге надо разместиться поудобнее, чтобы ни руки, ни ноги не затекли.

Он обнял правой рукой плечи Бориса и облегченно вытянул вперед ноги.

— По-моему, хорошо! — сказал он с удовольствием. — Ларочка, придвигайся поплотнее ко мне, не жмись, а то устанешь, двести сорок верст — не шутка.

— Двести сорок или двести восемьдесят? — переспросил Андрей. — Как поедем?

Игорь взглянул на разложенный у него на коленях атлас автомобильных дорог. Уже было достаточно светло, чтобы различить карту.

— Через Калязин вроде прямее, даже на глазок видно...

— Что значит «на глазок», — загорячилась Лариса, — когда я с циркулем считала — на сорок два километра короче!

— Но с другой стороны, — возразил Игорь, — на Ростов идет автотрасса, как указано в атласе, общегосударственного значения, а на Калязин и далее — рес-

публиканского, то есть, видимо, не столь просторная и удобная. По-моему, это имеет существенное значение, особенно если учесть возраст нашей «ласточки»!

Тут вскипел Андрей, не терпевший выпадов против своей машины.

— Если хочешь знать, — прокричал он, так резко нажав на педаль газа, что голова Игоря откинулась назад, — «Запорожец» по проходимости любой другой машине сто очков вперед даст. Даже «Ниве».

— Ну уж не загибай! — солидно заметил Борис. — С «Нивой» тягаться трудно.

Между ними начался горячий спор, густо пересыпаемый терминами «карбюратор», «тромблер», «мост», «мультипликатор» и т. д. Остальные не вмешивались.

«Заболели» машиной Андрей и Борис где-то еще в марте. Родители Андрея являлись счастливыми обладателями старенького «Запорожца». Лет десять эта трудолюбивая букашка работала исправно, а потом сломалась, да так, что ни одна мастерская не бралась за ее ремонт. Умельцы-частники, в свою очередь, брались, но заламывали такие суммы, что было ясно — дешевле купить новую машину. Поэтому отец Андрея загнал ее в гараж, накрыл тентом и махнул рукой. Было это года три назад.

И вдруг в марте, когда Андрею исполнилось восемнадцать лет и в милицейской школе ему выдали автомобильные права, родители торжественно заявили, что машина теперь переходит к нему.

— «Ласточка» теперь моя! — гордо прокричал он, вбегая к Игорю, чтобы поделиться новостью.

— Какая ласточка? — удивился тот.

— Ну «Запорожец»! Родители подарили!

— А почему тогда — «ласточка»? — продолжал настаивать Игорь.

— Фу, бестолковый. Так назвали!

— Но все же — почему?

— Почему, почему. Шутка, понимаешь? Есть автомашина «Чайка», слышал небось?

— Ну?

— А это классом пониже, вот и назвали «ласточкой». Понял? Пошли в гараж, сейчас туда Борька придет и Лариса.

— Зачем?

— Чинить будем!

— Так ты же сам говорил, что ни одна мастерская не берется.

— Ерунда! — отмахнулся самонадеянно Андрей. — Ты последнюю выставку самоделок по телевизору видел? Ребята из ничего собирают и ездят, между прочим...

Игорь пожал плечами, однако надел куртку и послушно пошел за Андреем. У гаража их действительно ждали Борис Воскобойников и Лариса. Андрей с гордым видом владельца извлек из кармана огромный ключ, не без труда отомкнул проржавевший амбарный замок. Дверь с визгом отворилась.

— Прошу! — Андрей сделал приглашающий жест.

В гараже было холодно. Но Андрея и Бориса, который, похоже, проникся не меньшим энтузиазмом, чем новый хозяин, это не смутило. Они сорвали тент с машины, надели какие-то промасленные халаты и с ключами в руках заползли под машину.

Игорь с Ларисой осторожно присели на край пропыленного дивана, изучая ботинки Андрея и Бориса, торчащие из-под машины. Доносились какие-то сдавленные междометия и глухие стоны, когда кто-нибудь из них стукался об острую деталь. На несколько минут возня прекратилась — умельцы отдыхали. Послышался голос Андрея:

— Борь, я все понимаю, а вот зачем эта штуковина?

— Я тоже на нее давно смотрю, — ответил Борис философски-раздумчиво. — Действительно, и зачем эта штуковина?

— Ну-ка, посвети сюда, на каталог, сейчас узнаем, — сказал Андрей.

Игорь с Ларисой переглянулись.

— Слушай, в «Алмазе» новый фильм крутят, — сказал Игорь.

Глаза Ларисы загорелись:

— Ой, хорошо бы? А эти не обидятся?

Он хмыкнул:

— Ты думаешь, они заметят?

Они снова уставились на ботинки. Под машиной начинался жаркий спор.

— Пожалуй, не заметят, — согласилась Лариса.

И они побежали в кино. Через два часа, когда они вернулись, картина не изменилась. Правда, в банке с бензином мокли какие-то черного цвета детали. Пока-

залось чумазое лицо Бориса. Он бросил в банку еще одну гайку и приготовился нырнуть снова под машину, откуда слышалось кряхтение Андрея.

— Борь, постой, — окликнул его Игорь. — Вы там еще надолго?

— Не-а, — тряхнул головой Борис. — Думаю, недели за две справимся.

Игорь подмигнул Ларисе, и они удалились...

Через два месяца под окнами квартиры Игоря Шапошникова раздался могучий рокот самосвала, потом послышался сиплый автомобильный гудок. Он выглянул в окно и не поверил глазам — страшное рычание исходило от маленького «Запорожца». За рулем сидел Андрей, а рядом — Борис, счастливо улыбающиеся.

Игорь выскочил на улицу.

— Само ездит? — спросил он недоверчиво и пнул зачем-то «ласточку» в колесо.

— Осторожнее! — прокричали друзья. — Мы тут еще не все закрепили. Мотор проверяем, слышишь, как все цилиндры работают?

— А почему так громко? — робко полюбопытствовал Игорь.

Его дилетантский вопрос своей наивностью восхитил умельцев.

— «Так громко»! — передразнил его Борис. — Ты что, не видишь? У нас же глушитель отвалился!

— Насовсем?

Умельцы хохотали до слез.

— Ах ты, архивная крыса! — наконец произнес Андрей. — Приварим, конечно. Будет работать бесшумно, как «мерседес». Правда, Боря?

Борис кивнул и вдруг насторожился:

— Третий стучит!

Андрей тоже прислушался:

— Нет, четвертый!

— Третий!

— Четвертый!

Оба, не сговариваясь, выскочили из машины и бросились назад, где обычно находится багажник. Нырнув туда головами, они снова горячо заспорили.

Неожиданно прервав спор, Андрей поднял голову и уставился на Игоря ясными, незамутненными чувством ревности глазами:

— Слушай, что я хотел спросить. Ты Ларису давно не видел? Она не в отъезде?

Игорь слегка покраснел. Дело в том, что природа не любит пустоты. И поскольку два месяца Андрей в основном либо учился в милицейской школе, либо лежал под машиной, отношения Игоря с Ларисой улучшались с каждым днем. Она и раньше была неравнодушна к его стихам, а уж теперь... Созданный им цикл «Весенние мотивы» она считала по уровню где-то близким раннему Есенину. Игорь ежедневно занимался с ней историей, и это благосклонно воспринималось ее родителями.

— Вчера видел, — ответил Игорь воинственно, — и сегодня, кстати, увижу!

— Да?! — просиял Андрей. — Так передавай ей привет, скоро можно будет кататься на «ласточке».

И машина с грохотом умчалась вдаль.

В это время вернулся из долгой, полуторамесячной командировки в Среднюю Азию Максим Иванович и вновь собрал ребят исторического кружка под свои знамена. По-летнему загоревший, он два часа без передышки изливал на них впечатления от Самарканда и Хорезма. Иссякнув наконец, Максим Иванович поинтересовался, как они тут жили. Одобрительно выслушав рассказ Ларисы о том, как Игорь помогал ей готовиться к новому штурму института, он перевел испытующий взор на Андрея и Бориса, от которых, несмотря на все их старания, попахивало бензином и машинным маслом.

Андрей начал увлеченно говорить о достоинствах «ласточки», непрестанно подталкивая локтем сидящего рядом Бориса. Максим Иванович сокрушенно вздохнул:

— Увы мне! Я вижу, дыхание века техники угасило в вас робкие светильники знания истории!

— Ну, вовсе и не угасило! — запальчиво отвечал Андрей. — Наоборот, машина нам поможет в новых поисках.

— Я не ослышался? — иронически поднял бровь Максим Иванович. — Кажется, вместо «Запорожца» вам удалось наконец осуществить долгожданную мечту всех фантастов, а именно собрать машину времени?

Игорь с Ларисой прыснули, Андрей побагровел и вновь ткнул локтем Бориса. Тот не растерялся:

— Максим Иванович! Такое могучее транспортное средство, как «ласточка», мигом доставит наш кружок

в любую точку. Мы теперь не зависим ни от капризов погоды, ни от железной дороги. Скажем, придет снова какое-нибудь таинственное письмо, мы фьюить — и на месте!

Максим Иванович сбычил голову.

— Так, говорите, в любую точку? Без поломок?

— Гарантируем! — заверили умельцы.

— Значит, договорились. 15 мая, в пять тридцать утра, сбор здесь, у моего дома, и в путь!

— Куда? Максим Иванович, расскажите! Есть какая-нибудь таинственная записка?

Ребята возбужденно повскакивали с мест, чуть не сбив входившую с подносом Казимиру Францевну, приготовившую зеленый чай.

— Записка? — усмехнулся Максим Иванович. — Конечно, была и записка. Точнее грамота, извещавшая царя Федора Иоанновича об убиении царевича Димитрия Иоанновича. Правда, написана она каких-то четыреста лет назад...

— Значит, едем в Углич? — первым догадался Игорь.

— Точно! — похвалил его Максим Иванович за сообразительность.

— А что там загадочного? — удивилась Лариса. — Еще в школе учили — «и мальчики кровавые в глазах».

— Любое убийство всегда загадка! — не сказал, а произнес Борис.

Со знанием дела вступил Игорь:

— Действительно, до последнего времени самые авторитетные историки считали, что царевич был убит, но сейчас вновь появилась версия, что Дмитрий погиб, потому что в припадке сам покололся ножом. Так что вновь возникает вопрос: убили царевича или нет?

Вот почему друзья оказались в такую рань на Ярославском шоссе.

— «Тарасовка», «Ивантеевка», «Пушкино», — читал Игорь вслух пролетающие мимо указатели.

— Ой, смотрите, слева какой теремок! — воскликнула Лариса.

— Ресторан «Сказка», — ответил Андрей, успевший прочитать название.

Вел он машину хорошо, ровно, без толчков, будто заправский шофер. Вот и въезд в Загорск, с горки видны золотые купола Троице-Сергиевой лавры. Андрей при-

тормозил около грузовика, резво выскочил из машины, о чем-то потолковал с водителем, возвратился и включил зажигание.

— Что он сказал? — поинтересовался Игорь.

— После четвертого светофора — налево, — пояснил Андрей, — там прямая дорога на Калязин.

При выезде из Загорска у поста ГАИ он вновь остановил машину. Солидной походкой пересек шоссе, поздоровался за руку с капитаном милиции. Оба задумчиво посмотрели вдаль. Затем снова пожали друг другу руки, и Андрей неторопливо направился к машине.

— Ну что, правильно едем? — спросила Лариса.

— Говорит, что через Калязин ближе. И намного, — ответил Андрей почему-то со вздохом.

— Вот видите, я правильно подсчитала, — воскликнула Лариса. — Гожусь я в Пржевальские?

— Годишься, годишься, — пробормотал Андрей, плавно трогая машину и подозрительно поглядывая на небо.

— Думаешь, дождь собирается? — спросил Игорь.

— Только этого нам не хватало! — крикнул сзади Борис.

Проснулся задремавший было Максим Иванович.

— Поглядите, какие места, какие краски! — восторженно воскликнул он. — Лес фиолетово-свинцовый, поля синевато-коричневые. Прямо-таки живопись Глазунова! Отсюда начинается исконная северная Русь, которую побаивались и татары. Потомки тверских и ростово-суздальских князей постоянно претендовали на главенство в Российском государстве, угрожали потомкам Ивана Калиты на московском престоле. Пожалуй, только Иван Грозный окончательно уничтожил это соперничество. Ведь не случайно главный удар придуманной им опричнины был направлен именно сюда. Ростово-суздальские князья были лишены своих родовых поместий, получив взамен земли недавно завоеванного Казанского царства...

Ровная лента шоссе. Максим Иванович продолжал:

— Представьте, четыреста лет назад по этой дороге мчались всадники на взмыленных конях. Они везли горестную весть в Москву о гибели Димитрия...

— По асфальту? — фыркнул Андрей.

— Ах, Андрей, Андрей, — вздохнул Максим Ивано-

вич, — для историка у тебя слишком конкретное мышление...

— Сыщику абстрактное мышление будет только мешать, — не сдавался Андрей.

— Ну, не скажи, — вмешался Борис, — у твоего любимого Мегрэ, например, по-моему, было явно развито поэтическое воображение...

— Конечно, асфальта не было, — добавил Игорь, — но дорога на Углич пролегала всегда здесь, ведь так?

— Вряд ли, — упрямо мотнул головой Андрей. — Взгляни на карту — прямая линия от Углича на Москву проходит значительно правее. Я думаю, что предки, имея лишь гужевой транспорт, предпочитали более короткий путь.

— И все-таки Игорь прав, — вмешался Максим Иванович. — Дело в том, что дорога и раньше пролегала от одного населенного пункта к другому. Тот же Калязин, Нерль да и вот эти деревушки, что мы проезжаем, были практически на том же месте, что и сейчас. Ехать по дремучему лесу было опасно, везде орудовали шайки разбойников. Кроме того, по деревням были расположены подставы лошадей. Иначе как бы гонцы сумели преодолеть расстояние почти в триста верст за сутки?

Неожиданно машина резко сбавила скорость.

— Напророчили! — сердито бросил Андрей.

— Что такое? — вскинулся Максим Иванович.

— Асфальт кончился.

— Может, ремонтируют? — предположила Лариса.

— Знаков никаких не было, — мрачно ответил бравый водитель. — Игорь, погляди на карте.

— Дорога везде изображена одинаково, — ответил тот, разглядывая атлас. — Правда, есть одно обстоятельство...

— Какое?

— Здесь граница Московской и Калининской областей.

— Ну и что?

— А то, что для калининцев центр — Калинин, а это окраина. Вероятно, заасфальтировать руки не дошли.

На спидометре стрелка прыгала между двадцатью и тридцатью километрами. Они обогнали стайку ребят на велосипедах, видно, спешащих в школу. Андрей притормозил и крикнул им:

— Такая дорога все время будет до Калязина?

— Нет! — ответил один из пацанов. — От Нерли асфальт идет.

Действительно, через десяток километров им пришлось объехать мощные асфальтовые катки, а за ними тянулась лента еще совсем черного асфальта. Несколько раз дорога пересекала причудливо изгибающуюся реку Нерль.

— Вот где, наверное, рыбалка! — вздохнул Игорь, глядя на песчаные плесы.

Вопреки опасениям Андрея облачность становилась все выше и разорванней, и, когда они подъехали к Калязину, небо стало ярко-голубым. В сам город они не въехали — указатель «на Углич» показывал, что им пора сворачивать вправо. Выехали на длинный мост, переброшенный по краю Угличского водохранилища.

— Ой, ребята, взгляните, какая красота! — закричала Лариса.

Все высыпали из машины. Действительно, зрелище было изумительное! На фоне просторной водной глади высилась белоснежная колокольня.

— Наверное, вокруг дома были, — предположил Андрей, — когда плотину сделали, их затопило, а колокольня осталась.

Игорь извлек фотоаппарат и сфотографировал. Потом стали пить из термоса кофе. Настроение у всех было праздничное. Улыбались, перекидывались шутками.

— А что, машина — это вещь! — сказал Игорь. — На теплоходе сколько бы тащились!

— Который час? — спросил Андрей, не скрывая самодовольства.

— Половина десятого, — ответил Игорь.

— Вон указатель: «До Углича 63 км». Шестьдесят километров для нашей «ласточки» — это меньше часа. Так что будем даже раньше одиннадцати. Ну, по машинам! — скомандовал Андрей. — До Углича не будем разнеживаться.

«Запорожец» бойко проскочил мост, свернул вправо, проследовал вдоль какой-то узкоколейки. Свернули влево, проехали метров сто... и асфальт исчез вновь. Причем теперь под колесами была не грейдерная дорога, которая шла перед Калязином, а брусчатка. Машину начало трясти как вибратор, а стрелка на спидометре вновь вернулась к 20.

— Какой лес красивый! — заметила Лариса. — Чистый, как парк! А вон березки...

Тут машину резко подбросило, и Лариса коротким междометием «ой» оборвала фразу. Игорь стал вслух производить несложные арифметические действия:

— Шестьдесят делим на двадцать. Получается три часа. Значит, приедем не в одиннадцать, как мечтали, а только в половине первого!

Все уныло молчали. Местами дорога улучшалась, и тут же начинало улучшаться настроение экипажа. Спидометр подскакивал порой к цифре 40. Потом тряска снова усиливалась.

— Сорок километров проехали, Семендяево! — вслух прочитала указатель Лариса. — Значит, осталось двадцать три...

Подъезд к селу был основательно разбит тракторами. Видно, здесь была расположена центральная усадьба совхоза и размещался весь автопарк.

Андрей нахмурился и что-то пробормотал.

— Что ты сказал? — переспросил Игорь.

— Короче — это не значит быстрее! — зло ответил Андрей.

Даже не оглядываясь, Игорь почувствовал, как вспыхнула Лариса — камешек был явно в ее огород. Но ответить она не решилась. Андрей остановил машину и вышел. За ним Игорь.

— Вот это да!

Оказывается, всю дорогу перекрыла лужа размером чуть ли не с водохранилище. Андрей оглянулся по сторонам, нашел суковатую палку длиной метра в полтора и, осторожно подойдя к краю лужи, начал ее промеривать. Местами палка уходила в воду почти целиком.

— По-моему, «ласточка», при всем моем к ней уважении, пока еще не подводная лодка! — съязвил Игорь.

Андрей бросил на него ревнивый взгляд и решительно пошел обратно к машине:

— Проскочим!

— Я не сяду! В моряки не записывался! — бросил Игорь.

Начали волноваться остальные пассажиры.

— Может, нам тоже выйти? — робко спросил Максим Иванович.

— Сидите, — свирепо ответил Андрей. — Тяжелая, она лучше пройдет.

Он резко взял с места и буквально ворвался в лужу. Сзади летели водяные струи, как от глиссера. Машина проскочила, юля задом, почти до конца лужи, Игорь уже приготовился поднять в приветствии руки, но вдруг она неожиданно начала сползать вправо и встала боком к дороге. Мотор заглох, Андрей и остальные выскочили из машины в какие-то доли секунды. Глядя на их лица и испачканные брюки, Игорь засмеялся.

Андрей зло повернулся к нему, и тот покорно, без промедления начал разуваться и засучивать до колен джинсы. Борис проделал то же самое. Максим Иванович предпринял было попытку последовать их примеру, но натолкнулся на дружный отпор ребят. Втроем, поеживаясь, они вошли осторожно в воду и провалились чуть ли не по колени. Теперь уже терять было нечего! Ухватив за низ «ласточку», они вынесли ее задние колеса на сухое место. Потом то же самое проделали и с передней частью машины. Андрей с Борисом озабоченно полезли в мотор, что-то там протерли, и Андрей вновь сел в машину. После нескольких судорожных чиханий она завелась. Теперь, двигаясь, пожалуй, уж очень осторожно, он достиг границы новой лужи. Перспектива была мрачной — их ждала лужа еще больших размеров, а дальше поблескивали блюдца еще и еще!

Сзади послышалось тарахтение мощного мотора. В их сторону, бойко переваливаясь с боку на бок, двигался трактор. Он спокойно прошел лужу прямо посредине и остановился около «Запорожца». Из высокой кабины выскочил голубоглазый парень в телогрейке и с веселым любопытством уставился на ребят.

— Как вы сюда добрались?

— Молча, — так же угрюмо ответил Андрей.

— До Углича далеко, молодой человек? — вежливо осведомился Максим Иванович.

Парень аж взвился от восторга.

— До Углича! Всего ничего! Четыре километра до шоссейки. Однако вам не проехать. Даже трактора застревают. Тут можно только летом проскочить! — охотно пояснил парень.

— И что же нам делать?

— Разворачивайтесь! — сообщил тракторист. — Чудо, что вы сюда доползли. За деревней увидите съезд.

По краю поля если проскочите, то попадете на дорогу. По ней до шоссейки пятнадцать кэмэ.

Разворачиваться пришлось тем же способом — машину несли чуть ли не на руках. Возвратились к тому месту, которое тракторист назвал съездом. Это была полоса грязи шириной метров в сто.

— Ну, была не была! — сказал Андрей и один остался в машине. «Ласточка» с ревом устремилась вперед, ее кидало из одной колеи в другую, но вот она уже вынеслась на сухое место.

— Гляди, проскочил! — с искренним изумлением воскликнул Борис.

— Лезьте! — скомандовал Андрей. Все вернулись в машину. На первой скорости она поползла по краю засеянного поля к деревне. У первого же дома затормозили, потому что улица тут была похожа на натуру для съемки боевого сражения: каждая колея представляла собой окоп в полный человеческий рост. Сидящий на скамеечке у дома старик их успокоил:

— Раз уже до нас добрались, дальше проедете!

— Как же у вас тут молодежь гуляет? — вздохнула Лариса.

— Какая молодежь?

— Гармонист и девушки? — сказала Лариса, неуверенно вспоминая известную песню.

— Все в городе!

— В Угличе? — спросила Лариса.

— Да нет, подале. Углич — вот он, поле проедете, потом лесом, и будет шоссейка. А зачем вам в его?

— Музей хотим посмотреть, — ответил Борис.

— Какой музей?

— Как какой? — удивился Борис. — Ну, где царевича Димитрия убили.

— Так из-за этого вы в такую даль поперли?

Максим Иванович строго посмотрел на местного жителя:

— А вы что, ни разу там не были?

— А зачем? — И тот затянулся сигаретой «Опал».

Лариса спросила:

— Значит, отечественная история вас не волнует?

— Чего?

Андрей махнул рукой. И они отправились дальше.

— Не понимаю, — сказал Максим Иванович, — такого равнодушия просто не понимаю. Помню, был в

Болгарии. Так в Тырнове каждый мальчишка рассказывал мне о старой столице...

— Не расстраивайтесь, — весело сказал Борис. — Что, этот старик отвечает за весь народ? Нетипичное явление!

— Ты думаешь? — с надеждой спросил Максим Иванович.

ЭКСКУРСИЯ

К Угличу подъехали около двух часов. Андрей остановился у колонки, чтобы помыть машину, превратившуюся за время пути из светло-желтой в темно-коричневую с черными потеками. Борис стал ему помогать, поливал из резинового ведра. Остальные сами более или менее почистились, чтобы выглядеть «в центре удельного княжества» цивилизованными. Через полчаса двинулись дальше.

На круглой центральной площади, к которой примыкал местный кремль, стояли экскурсионные автобусы. Андрей поставил машину рядом с ними, все вышли, озираясь вокруг и потирая отсиженные бока. Площадь была пустынной. Жизнь кипела лишь у торговых рядов, расположенных с противоположной стороны площади.

Не торопясь москвичи направились к музею. Кремль опоясывал ров, через который был переброшен каменный мост. Справа от него виднелся залив, сплошь забитый моторными лодками и катерами. За заливчиком виднелась пристань, где стояло несколько больших теплоходов.

Они прибавили шаг и у входа в кремль догнали группу экскурсантов. Вместе с ними миновали мостик, ворота. Остановились у здания, весело, затейливо изукрашенного.

— Отсюда я начну свой рассказ, — сказала экскурсовод. — Во второй половине пятнадцатого столетия Угличем владел князь Андрей Васильевич, известный в истории под именем Большого. Он ни в чем не хотел уступать своему старшему брату, великому князю московскому Ивану Третьему, поэтому задумал построить у себя в Угличе теремной дворец, который бы не уступал княжескому дворцу в Московском Кремле.

Отношения между братьями постоянно были напряженными. Несмотря на обещание служить старшему

брату, Андрей Большой не раз пытался затеять смуту, подбивал на восстание то новгородцев, то псковичей, то вступал в тайные отношения с панами литовскими. Все это ускорило трагическую развязку. В мае 1491 года Иван Третий, узнав, что на союзника его, крымского хана Менгли-Гирея, идут татары с востока, выслал свои полки к нему на помощь; велел и брату послать своих воевод, на что имел полное право по договорным грамотам, однако Андрей не послушался.

В сентябре Андрей Большой приехал в Москву и был встречен вечером старшим братом очень почетно и ласково. На другой день к нему прибыл посол с приглашением на обед к великому князю.

Иван принял его в комнате, а сам вышел, приказав Андрею подождать, а его боярам идти в столовую гридню. Как только бояре вошли туда, они немедленно были схвачены и разведены по разным местам. В комнату-западню к Андрею вошел князь Семен Ряполовский в сопровождении бояр и, обливаясь слезами, если верить летописцу, промолвил:

«Государь князь Андрей Васильевич! Пойман ты богом да государем великим князем Иваном Васильевичем всея Руси, братом твоим старшим».

Андрей встал и якобы ответил так:

«Волен бог, да государь, брат мой старший, князь великий Иван Васильевич; а суд мне с ним перед богом, что берет меня невинно».

Его свели на казенный двор и поставили стражу из многих князей и бояр. Видно, что Иван опасался восстания. Он послал в Углич схватить сыновей Андрея — Ивана и Дмитрия, которых посадили в железах в Переяславле. Умер Андрей в заточении спустя три года, в некоторых летописях указывалось, что он был удавлен. Многие годы просидели в оковах и его сыновья. Дмитрий был выпущен на свободу лишь пятьдесят лет спустя. Вот как расправился Иван с угличскими князьями! — закончила свой рассказ экскурсовод. — И много лет здесь правили потом наместники князя московского.

Экскурсовод провела гостей по палатам, сначала внизу, где экспонировались образцы древнего оружия, изделия ремесленников, предметы быта. Затем по деревянной широкой лестнице они поднялись в верхние палаты.

— По преданию, на этой лестнице и был зарезан царевич Дмитрий! — торжественно произнесла женщина-экскурсовод.

— Так лестница же новая! — сказал Борис, недоверчиво поглаживая перила.

— Ну, конечно, лестница была восстановлена значительно позднее, — смутилась экскурсовод, — но вид у нее был точно такой же...

Они вошли в просторный зал, уставленный по стенам стеклянными витринами с серебряной и позолоченной, украшенной красивым орнаментом посудой и образцами великолепных тканей — парчи, атласа и прочими.

— Хочу обратить ваше внимание на эту палату. Сейчас здесь находится выставка русского прикладного искусства шестнадцатого века. Когда-то это была палата царевича Дмитрия. Спустя почти сто лет после гибели Андрея Большого, а именно в 1584 году, сюда прибыл новый удельный князь Дмитрий Иванович, сын Ивана Грозного, со своей матерью и ее братьями Нагими. С ними приехали более 200 дворян и многочисленная дворня. Жизнь двора недолго была привольной. Борис Годунов прислал своего соглядатая — дьяка Данилу Битяговского в качестве наместника. Он стал ограничивать доходы царицы и ее сына, ввел новые налоги, все это вызвало его постоянные ссоры с Нагими. Последний скандал разразился утром 15 мая 1591 года в приказной избе, куда явился дядя царевича, Михаил Нагой, с требованием денег для двора. А в двенадцать часов уже царевича Дмитрия не стало. Впрочем, подробно я расскажу об этом в церкви Дмитрия «на крови», — прервала свой рассказ экскурсовод. — Пройдемте туда, товарищи.

Туристы спустились по деревянному крыльцу и подошли к храму. Относительно небольшой, он радовал соразмерностью всех частей. Они обошли его вокруг.

— Вот этот белый столбик перед храмом, — сказала экскурсовод, поправляя очки, — обозначает, что здесь, по преданию, был убит царевич Дмитрий. На этом месте была воздвигнута часовенка, затем небольшая деревянная церковь, куда дважды приезжал на богомолье царь Алексей Михайлович. По его повелению в 1692 году и был построен храм.

Экскурсанты поднялись по крутой лестнице в церковь, миновали трапезную, по стенкам которой блеклые

краски рассказывали о житиях святых, и вошли в так называемый «летний храм», где располагались царские ворота. Противоположную стену занимала огромная фреска, рассказывающая об угличском деле. Вот зловещие убийцы с ножами встречают на крыльце царевича Дмитрия. Далее посадские люди каменьями побивают убийцу. А вот уже мчатся гонцы в Москву с горестным известием...

— Как же так? — удивился Борис. — Вы нам только что показывали столбик, где убит царевич, а если верить фреске, его убили прямо на крыльце. Не стыкуется!

— Церковь расписывалась примерно двести лет спустя, — будто оправдываясь, сказала экскурсовод. — Детали происходившего обрастали новыми, более эффектными подробностями. Вы знаете, что историки до сих пор спорят о том, что же произошло в поздних летописях.

Экскурсовод вполоборота встала к фреске:

— «...сначала хотели отравить Дмитрия: давали ему яд в пище и питье, но понапрасну. Тогда Борис призвал родственников своих, Годуновых, людей близких, окольничего Клешнина и других, и объявил им, что отравой действовать нельзя, надо употребить другие средства. Один из Годуновых, Григорий Васильевич, не хотел дать согласия на злое дело, и его больше не призывали на совет и чуждались.

Другие советники Борисовы выбрали двух людей, по их мнению, способных на дело, — Владимира Загряжского и Никифора Чепчюгова, но эти отреклись, Борис был в большом горе, что дело не удается; его утешил Клешнин.

«Не печалься, — говорил он ему, — у меня много родных и друзей, желание твое будет исполнено».

И точно, Клешнин отыскал человека, который взялся исполнить дело, то был дьяк Михайла Битяговский. С Битяговским отправили в Углич сына его Данилу, племянника Никиту Качалова, сына мамки Дмитриевой, Осипа Волохова; этим людям поручено было заведовать всем в городе.

Царица Мария заметила враждебные замыслы Битяговского с товарищами и стала беречь царевича, никуда от себя из хором не отпускала.

Но 15 мая, в полдень, она почему-то осталась в хо-

ромах, и мамка Волохова, бывшая в заговоре, повела ребенка на двор, куда сошла за ними и кормилица, напрасно уговаривавшая мамку не водить ребенка.

На крыльце уже дожидались убийцы. Осип Волохов, взявши Дмитрия за руку, сказал: «Это у тебя, государь, новое ожерельице?»

Ребенок поднял голову и отвечал:

«Нет, старое».

В эту минуту сверкнул нож, но убийца кольнул только в шею и убежал; Дмитрий упал, кормилица пала на него, чтоб защитить, и начала кричать; тогда Данила Битяговский с Качаловым, избивши ее до полусмерти, отняли у нее ребенка и зарезали.

Тут выбежала мать и начала кричать. На дворе не было никого, все родственники ее разошлись по домам; но соборный пономарь, видевший с колокольни убийство, заперся и начал бить в колокол; народ сбежался во двор и, узнавши о преступлении, умертвил старого Битяговского и троих убийц; всего погибло 12 человек.

Тело Дмитрия положили в гроб и вынесли в соборную церковь Преображения, а к царю послали гонца с вестью об убийстве брата. Гонца привели Борису; тот велел взять у него грамоту, а сам написал другую, что Дмитрий сам зарезался по небрежению Нагих, и велел эту грамоту подать царю; Федор долго плакал.

Для сыску про дело и для погребения Дмитрия были посланы в Углич князь Василий Иванович Шуйский, окольничий Андрей Клешнин, дьяк Елизар Вылузгин и крутицкий митрополит Геласий. Посланные осмотрели тело, погребли его и стали расспрашивать угличан, как по небрежению Нагих закололся царевич?

Угличане отвечали, что царевич был убит Битяговскими с товарищами по приказанию Бориса Годунова и его советников. Но, приехавши в Москву, Шуйский с товарищами сказали царю, что Дмитрий закололся сам. Нагих привезли в Москву и пытали крепко; у пытки был сам Годунов с боярами и Клешниным; но с пыток Нагие говорили, что царевич убит.

Царицу Марию постригли в монахини и заточили в Выксинский Никольский монастырь на Белоозеро; Нагих всех разослали по городам, по тюрьмам; угличан — одних казнили смертию, иным резали языки, рассылали по тюрьмам, много людей свели в Сибирь и населили ими город Пелым, и с того времени Углич запустел.

У мятежного же колокола вырвали медный дерзкий язык, коим тот колокол призывал народ к мятежу. А затем поставили колокол на телегу, надели на него позорный рогожный балахон и повезли под крепкой стражей в Сибирь, в ссылку.

Вот он, этот колокол, — показала экскурсовод. — Он вернулся сюда из ссылки спустя триста лет.

Колокол был закреплен на деревянной раме. Экскурсовод потянула за веревку, привязанную к его языку, и храм наполнился удивительно густым, мелодичным, тревожным звуком.

— Я думаю, что загадка кроется именно в колоколе, — негромко сказал, наклонясь к ребятам, Максим Иванович.

— Почему вы так думаете? — встрепенулись те.

— Тс-с, — он приложил руку к губам. — Не перебивайте нашего гида.

Экскурсовод перешла к следующему экспонату. Это были крытые деревянные носилки, чем-то напоминающие кибитку в миниатюре.

— На этих носилках, — объяснила она, — гроб с останками царевича Дмитрия был перенесен на руках в Москву. Это произошло в 1606 году, когда на царство венчался Василий Шуйский и царевич Дмитрий был объявлен святым...

...Москвичи попрощались с экскурсоводом и пошли к выходу.

На улице ребята наперебой начали высказывать свои соображения.

— Легенда не выдерживает никакой критики! — запальчиво заявил Борис.

— Почему ты так думаешь? — с любопытством спросил Максим Иванович.

— Ну, посудите сами! Оттащить кричащую няньку от ребенка, избить ее, как было сказано, до полусмерти, потом снова пустить в ход ножи — это ведь за несколько секунд не сделаешь. Ты, криминалист, скажи!

Андрей хмыкнул и неопределенно покачал головой:

— Не надо спешить с выводами! Мы мало знаем.

— Тут действительно, видать, правда густо смешана с вымыслом! — вступил в разговор Игорь. — Наиболее достоверны, на мой взгляд, протоколы допросов, которые проводили в Угличе. Нам в институте на лекции говорили, что это так называемое «судное дело» является

наиболее ранним источником о происшедшем событии. А летописи уже писались позднее. Правильно, Максим Иванович?

— Совершенно верно, — подтвердил учитель. — Но в какой степени достоверно само судное дело?

— А я все-таки верю поэту! — с пафосом сказала Лариса. — «И мальчики кровавые в глазах!»

— А ты знаешь, — поддразнил ее Борис, — что однажды поэтическая интуиция Пушкина уже подвела!

— Не может быть! — возмущенно ответила Лариса.

— А вот так и подвела! Вспомни Моцарта и Сальери!

— Ну и что! — загорелась она. — Ведь установлено, что в теле Моцарта был мышьяк!

— И тем не менее Сальери не травил Моцарта и вообще был высоко порядочным человеком. Сейчас в Австрии его имя восстановлено и его произведения вновь исполняются на театральных подмостках! — спокойно ответил Борис.

— Да? — растерянно переспросила Лариса и тут же схватила Бориса за руку: — Ой, смотрите — киоск с сувенирами. Идемте что-нибудь купим на память!

ПОГОНЯ

Пока они рассматривали сувениры и открытки, мимо них по мосту из музея быстро прошагал молодой человек, державший в правой руке черный круглый пенал, в котором обычно студенты носят чертежи. Никто не обратил на него внимания, пока неожиданно не выкатилась толпа, возбужденная, кричащая:

— Держите! Он украл картину! Грабитель!

Молодой человек побежал, но куда? Прямо? Там люди. Вправо? Там машины. Вдруг из-за угла со страшным тарахтением выехал грузовик. Молодой человек сориентировался, в несколько прыжков догнал автомобиль, перекинул пенал, а потом, ухватившись за борт, вскочил в кузов. Машина удалялась очень быстро.

Медлить было нельзя, Андрей бегом бросился к своей машине. За ним Игорь. Андрей нажал на газ что было силы. Маленькие деревянные домики остались позади, однако грузовика не было видно.

— Может, свернул? — предположил Игорь, оглядываясь по сторонам.

— Да вроде некуда! — бросил в ответ Андрей, продолжая жать на газ.

Но вот за поворотом мелькнул грузовик. Они начали быстро его настигать. Андрей обошел его, показав рукой, что просит остановиться. Грузовик замедлил ход. Андрей с Игорем, ничего еще не объясняя водителю, заглянули в кузов, но там уже никого не было.

Справа был кустарник.

— Он там!

Ребята бросились бегом.

— Стой! — крикнул Андрей, заметив спину убегающего парня.

Тот отбросил резко в сторону пенал и припустил еще быстрее. Андрей тоже прибавил в скорости и почти догнал его. Услышав дыхание за спиной, тот резко обернулся, и, выхватив из кармана нож, выкинул вперед руку с ножом. Андрей резко ударил правой ему под локоть и левой — в челюсть. Нож отлетел далеко в сторону, а парень повалился как подкошенный.

— Вяжи ему руки! — крикнул Андрей подбежавшему Игорю. — Чем-чем! Ремень сними с него и закрути сзади, пока не очухался.

Андрей подобрал нож, оказавшийся обычным кухонным, потом они вместе приподняли парня и заставили его идти вперед. Андрей похлопал на всякий случай по карманам его куртки и обнаружил нечто любопытное — миниатюрный передатчик явно не нашего производства. Подходя к шоссе, подобрали черный пенал. Около машины стоял растерянный водитель грузовика.

— Что же это, братцы? Неужели шпиона поймали?

— Шпион — не шпион, а грабитель точно! — сказал Андрей, впихивая парня на заднее сиденье. — Игорь, садись рядом, будешь придерживать, чтобы не буянил.

— А как же я? — взволновался водитель грузовика. — Меня же на ферме ждут.

— Поезжайте, — великодушно разрешил Андрей. — Номер ваш мы зафиксировали, когда понадобитесь как свидетель, вызовем.

Тронулись, уже не торопясь, в обратный путь. Парень начал извергать всякие словеса.

— Заткнись, — сказал Андрей спокойно. — Иначе кляп воткнем.

Парень умолк, навстречу им проскочил элегантный «мерседес».

— Ишь куда иностранцы заскакивают! — заметил Игорь.

— Да нет, номер частный, московский, — возразил Андрей.

Неожиданно «мерседес» развернулся и легко догнал «ласточку». Какое-то время машины шли параллельно. Пассажиров «Запорожца» пристально рассматривали из «мерседеса». Потом машина обошла их и стала тормозить перед самым носом. Андрей посмотрел в зеркало на сидящего сзади парня и уловил злорадную ухмылку. «Все ясно — сообщники!» — мелькнуло в голове. Он сделал попытку прорваться, но каждый раз почти наталкивался на зад «мерседеса». Наконец, загнанный в тупик, он затормозил, но зажигание не выключил. Из «мерседеса» выскочили три парня, один из них держал в руках тяжелый гаечный ключ.

Андрей подождал, когда парни подошли вплотную, и когда один взялся за ручку, то газанул что было силы. Все разлетелись в разные стороны, а «Запорожец» устремился вперед. Но... вскоре они вновь настигли наших путешественников. Водитель изменил тактику: догнав «Запорожец», он стал не обгонять, а бить в бок так, чтобы они упали в кювет. Удар! Андрей еле оправился, вывернулся. Еще удар! Чудом ему удалось сохранить равновесие. Сейчас последует еще один удар, и они пойдут кувырком...

Но тут пронзительно завизжали тормоза идущей рядом машины, и Андрей увидел: из-за поворота шел милицейский «Жигуленок» с синей мигалкой наверху. «Мерседес» с визгом подался назад, развернулся и стал уходить. Андрей затормозил машину и вылез. Остановилась и милицейская машина.

— Курсант школы милиции Красовский! — представился Андрей коренастому капитану. — Разрешите доложить — преступник задержан!

Капитан внимательно поглядел на лицо сразу заскучавшего пассажира, спросил:

— А что это за «мерседес» здесь крутился?

— Сообщники! Пытались нас опрокинуть в кювет.

— Номер запомнили?

— Конечно!

— Ну, далеко не уйдут.

Он передал по рации на посты ГАИ данные «мерседеса», затем задержанного пересадили в милицейскую машину, и они повернули в Углич. Около часа заняло оформление протокола. Когда Андрей с Игорем вышли из отделения, на стрелках часов уже было восемь вечера.

Около машины стояли Максим Иванович, Лариса и Борис.

— Как вы тут без нас, не скучали? — шутливо спросил Андрей. —

— Что же вы нас не подождали? — обиженно сказал Борис.

— Когда было! Разве в такой ситуации можно медлить? — ответил Андрей. Из отделения милиции выскочил молодой милиционер.

— Сержант Свитко! — отрапортовал он. — Вы будете ночевать в Угличе?

— Конечно! — ответил Максим Иванович за старшего. — Куда же ехать на ночь глядя?

— Тогда есть предложение — препроводить вас в гостиницу.

— Спасибо, обойдемся! — хлопнул сержанта по плечу Андрей. — У нас есть палатка!

Усевшись в свою родную «ласточку», они выехали за город и остановились на высоком берегу Волги. Ребята быстро взялись за дело: Андрей с Борисом ставили палатку, Игорь пытался разжечь костер. Ветки, однако, были сырыми, и вместо пламени стелился белый едкий дым. Лариса и Максим Иванович резали бутерброды.

— Плесни бензинчику, сразу разгорится! — посоветовал Андрей, видя, как Игорь никак не может разжечь сырые ветки.

Игорь взял стеклянную банку из-под рисовой каши с маслом, которую уже переложили в котелок, и с помощью резинового шланга нацедил бензин из бака. Потом присел за бугорок и оттуда выплеснул целиком всю банку на костер. Эффект превзошел все ожидания: последовал взрыв, и пламя выплеснулось на полнеба!

Борис с Андреем от неожиданности шлепнулись на землю вместе с палаткой.

— Сдурел? — заорал Андрей, тут же вскакивая.

— Так ты же сам посоветовал!

— Осторожненько надо было и чуть-чуть. Так недолго и машину сжечь!

— Это что за фейерверк? — спросил Максим Иванович, поднявшийся от реки с ведром воды.

— Инициатива Андрея, помноженная на смекалку Игоря, — насмешливо прокомментировала Лариса.

— Шутки шутками, а костер-то горит, — радостно удивился Игорь.

— С вашими фокусами мы до утра палатку не поставим, — проворчал Борис.

Ужин у костра под светлым даже ночью небом проходил весело, с шутками, обсуждением происшедшего.

Лариса смотрела на Андрея и думала: «Вот так, наверное, когда-то сидел перед костром юный славянский витязь, готовящийся к своей первой битве». За два прошедших месяца они почти не виделись, зато каждый вечер к ней приходил Игорь. Ей приятна была его влюбленность. Вот и сейчас он сел так, чтобы наблюдать за Ларисой. Краем глаза она видела, что он хмурится, ловя ее пристальный взгляд в сторону Андрея.

Она продолжала смотреть на Андрея, называя про себя «чурбан бесчувственный!». «Чурбан» неожиданно почувствовал ее взгляд и беспокойно обернулся.

— Что смотришь, испачкался? Где?

Он провел перемазанной в саже рукой по лицу и действительно оставил черные полосы. Лариса рассмеялась.

— Где? Тут?

Он еще раз провел по лицу и напачкался еще больше. Лариса достала из брюк платок.

— Давай вытру. Повернись к огню, а то плохо видно.

Игорь тем временем перевел разговор на другое:

— Максим Иванович! А почему вы говорили в храме, что загадка таится именно в колоколе?

Максим Иванович сидел несколько поодаль, на бревнышке, задумчиво опершись подбородком на руку. Отблески пламени делали его лицо старым-старым. «Ему бы бороду — типичный Нестор-летописец получится. «Еще одно последнее сказанье», — подумала Лариса.

— Не кажется ли вам, что то, что произошло на заднем дворе Угличского кремля 15 мая 1591 года, крутится именно вокруг колокола и колокольни? Кто ударил в колокол? По чьему приказу? Что он видел или не видел?

— Так в легенде сказано, что пономарь...

— В том-то и дело, что нет! На допросе он показал, что сам прибежал на звон колокола.

— Кто же звонил?

— Якобы сторож. Но сторожа никто не допрашивал. Видимо, Шуйский сознательно не стал его допрашивать...

— Максим Иванович! — взмолился Борис, казалось, до этого дремавший. — Давайте расскажите по порядку. Я же почти ничего про это не знаю. Историки уж сколько лет ищут истину...

ШУЙСКИЙ ПРОТИВ ШУЙСКОГО

— Существуют три версии того, что произошло в Угличе в тот день около четырехсот лет назад, — начал Максим Иванович, оглядев свою немногочисленную аудиторию и убедившись, что все внимательно слушают. — И все три версии связаны с именем Шуйского, «лукавого царедворца», как назвал его Пушкин. Помните его разговор с Воротынским в трагедии «Борис Годунов»? Получается очень любопытный психологический портрет этого князя, состоявшего в прямом родстве с правящей династией — «Рюриковым домом», в связи с чем иностранные свидетели называли его «принцем крови». Вспомните, Воротынский спрашивает у Шуйского: «Ужасное злодейство? Полно, точно ль царевича сгубил Борис?» На что «лукавый царедворец» отвечает, — Максим Иванович привстал, поднял воротник плащ-палатки, как высокий воротник боярской шубы, и продекламировал голосом трагика из дореволюционного театра:

А кто же?
Кто подкупал напрасно Чепчугова?
Кто подослал обоих Битяговских
С Качаловым? Я в Углич послан был
Исследовать на месте это дело:
Наехал я на свежие следы;
Весь город был свидетель злодеянья;
Все граждане согласно показали;
И, возвратясь, я мог единым словом
Изобличить сокрытого злодея.

И дальше Пушкин великолепно рисует его характер, — продолжил Максим Иванович. — На вопрос Во-

ротынского: «Зачем же ты его не уничтожил?» — Шуйский отвечает:

...А что мне было делать?
Все объявить Федору? Но царь
На все глядел очами Годунова,
Всему внимал ушами Годунова;
Пускай его б уверил я во всем,
Борис тотчас его бы разуверил,
А там меня ж сослали б в заточенье,
Да в добрый час, как дядю моего,
В глухой тюрьме тихонько б задавили,
Не хвастаюсь, а в случае, конечно,
Никая казнь меня не устрашит.
Я сам не трус, но также не глупец
И в петлю лезть не соглашуся даром.

— Не трус, но и не глупец! — задумчиво повторил Игорь. — А действительно, здорово!

— Шуйский был очень значительной фигурой на политическом небосклоне России почти полвека, — продолжил Максим Иванович, — и не только в силу знатности, позволявшей ему претендовать на престол, но, главным образом, благодаря недюжинному уму, хитрости и беспринципности. Его опасался еще царь Иван. Вспомните 1581 год. Грозный в припадке ярости избивает сына-наследника Ивана посохом, казалось бы, по ничтожному поводу. Войдя в одну из жарко натопленных палат, царь застает беременную жену царевича в одной рубахе. По понятиям того времени это было верхом неприличия, необходимо как минимум носить три платья. Будучи ярым ревнителем нравственности, хотя отнюдь не подавал в этом пример сам, царь набросился на нее с бранью, а возможно, что и слегка «поучил» еще посохом.

На крики выбежал царевич Иван и попытался защитить супругу. Грозный впал в ярость, поскольку стычки происходили не раз и внутреннее сопротивление сына, умело подогреваемое боярами, постоянно росло. Царь нанес несколько ударов по голове царевичу. Эти удары, а также крайняя вспыльчивость царевича привели его к нервному потрясению, затем горячке, и через две недели наследника не стало.

Горе и раскаянье отца не поддаются описанию, именно в это время Грозный велел поминать по всем монастырям им уничтоженных людей. Благодаря этому поминальнику мы теперь точно знаем цифру казненных

по его указу — четыре тысячи человек. Но убивался царь не очень долго — надо было решать вопрос с престолонаследником. У него остался только один сын — Федор, слабоумный и глубоко религиозный, преданно любящий свою жену Ирину, сестру Бориса Годунова.

Иван, естественно, боялся, что при воцарении слабоумного и слабовольного Федора боярская партия вновь поднимет голову. Как заранее лишить ее лидера? Царь Иван пускается на хитрость, собрав бояр, он говорит им о том, что сын его Федор ввиду слабости здоровья не способен руководить государством, поэтому он, царь, просит бояр назвать имя достойного преемника. Боярам, хорошо знавшим коварный характер Ивана, было нетрудно угадать, что царь хитрит. Поэтому они начали дружно заверять государя в своей неизменной преданности царскому дому и восхвалять наследника.

Царь не уступал, бояре тоже. Тогда, рассердившись, Иван сам назвал имя наиболее вероятного претендента на престол — двадцатилетнего Василия Шуйского, выделявшегося не только своей родовитостью, но и недюжинным умом и энергией. А назвав, тут же подверг «принца крови» опале, сослав его в одну из отдаленных деревень.

Через год царь умирает, и Василий Шуйский вновь оказывается в ближайшем окружении трона. Его дядя, герой псковской обороны, спасший Россию от вражеского нашествия и полного разгрома в конце Ливонской войны, Иван Петрович Шуйский вместе с удельным князем Иваном Мстиславским и боярами Никитой Романовым-Юрьевым и Богданом Бельским вошел в состав регентского совета, назначенного Иваном Грозным при будущем царе Федоре Иоанновиче. В течение последующих четырех лет Шуйские, по существу, диктовали свою волю слабоумному царю. Однако оставшемуся как бы в тени Борису Годунову удается постепенно уничтожить боярскую коалицию. Сначала, воспользовавшись болезнью Никиты Романова, Годунов становится его преемником в совете, затем, распустив слух, что Мстиславский будто бы хотел заманить его в дом и убить во время пира, Борис добивается его отставки и добровольного пострижения в Кириллов монастырь. Наступает черед Шуйских, причем в тот момент, когда их влияние, казалось бы, велико, как никогда: кроме Ивана Петровича Шуйского, члена регентского совета, в боярской думе

заседают Андрей, Василий и Дмитрий Иванович Шуйские, а также боярин Василий Федорович Скопин-Шуйский. Шуйские попытались поднять восстание в Москве, но Годунову удалось нанести ответный удар, обвинив Шуйских в сговоре с Нагими с целью передачи власти царевичу Дмитрию. В ноябре 1589 года князь Иван Петрович Шуйский под усиленным конвоем был отправлен в Кирилло-Белозерский монастырь, насильственно пострижен в монахи, а затем отравлен угарным газом. Младшие Шуйские, разосланные вначале по своим деревням, также подверглись гонениям. Их взяли под стражу и отправили в тюрьму. Андрея заточили в Буйгороде, Василия — в Галиче, двух братьев оставили в селе Шуе. В июне 1589 года стало известно, что князь Андрей умерщвлен в тюрьме. А Василий? Василий вскоре неожиданно снова оказывается при дворе.

— Невольно напрашивается вопрос, — Максим Иванович внимательно обвел взглядом притихших ребят, — какой ценой князь Василий Шуйский вернул себе доверие правителя Бориса Годунова?

— Прощения попросил? — вырвалось у Ларисы.

Все засмеялись, а Игорь, которому, видно, хотелось поддержать Ларису, покачал головой:

— Вряд ли это помогло бы. Помнишь пословицу — «Москва слезам не верит»? Подозрительного Бориса слезами пронять было невозможно. Слишком много он их повидал...

— Значит, — вырвалось у Андрея, — значит, предательство?

— Несомненно, — согласился Максим Иванович, — только ценой предательства Шуйский мог вернуться ко двору. Кто знает, не ускорил ли он кончину своего брата Андрея?

— Во всяком случае, Шуйский был у Годунова, — сказал Андрей, — как теперь говорят следователи, «на крючке». Именно поэтому выбор Годунова пал на Шуйского, когда потребовалось направить правительственную комиссию в Углич.

— Видимо, так, — согласился Максим Иванович. — Подбор остальных членов комиссии тоже не был случаен. Дьяк Андрей Клешнин был, по преданию, одним из организаторов убийства. Относительно же митрополита Геласия... Даже если сей духовный пастырь и не был горячим сторонником правителя, боялся он его смер-

тельно, поскольку в памяти всех была свежа расправа Бориса с митрополитом Дионисием и архиепископом Варлаамом Пушкиным, заточенными по его приказу в новгородские монастыри за попытку развести царя Федора с супругой Ириной по причине ее бездетности.

Столь достойных членов комиссии меньше всего интересовала истинная причина гибели царевича, главной их задачей было снискать благоволение Годунова. Поэтому так рьяно они взялись за разработку версии, будто Дмитрий, играя в ножичек, покололся сам. Эта версия полностью снимала все подозрения с Бориса.

— А вы, Максим Иванович, вы являетесь сторонником версии, что Дмитрий убит? — спросил разочарованно Игорь.

Максим Иванович засмеялся:

— Не делайте поспешных выводов, мой юный коллега. Отнюдь! Просто я говорю о том, что меньше всего в данной ситуации я поверил бы Шуйскому. Однако вполне могло случиться так, что объективная истина вполне подходила для членов комиссии. Очень даже может быть, что Дмитрия никто не убивал, что Годунову, как думают многие историки, убийство царевича в тот момент не только не нужно было, но и могло существенно покачнуть его и без того достаточно зыбкое положение.

Так или иначе, мы знаем, что первое свидетельство Шуйского, возглавлявшего правительственную комиссию по делу в Угличе, было однозначным — царевич покололся сам, а все, что утверждают Нагие, — напраслина.

Прошло семь лет. После смерти Федора на престол избирается Борис Годунов. И по-прежнему самое высокое положение в боярской думе занимает Василий Шуйский.

Неспокойным было царствование Бориса. Уже на следующий день после кончины Федора Иоанновича по Москве поползли неясные слухи, будто бы царевич Дмитрий жив и что в Угличе был зарезан другой младенец. Борису было ясно, что слухи распространялись боярами, пытающимися помешать его избранию на престол. Им были приняты самые жестокие меры по пресечению этих слухов. Однако через три года образ чудом спасшегося царевича стал приобретать реальные очертания. Из Польши стали поступать подлинные гра-

моты от новоявленного Дмитрия Углицкого, обвинявшего Бориса в незаконном присвоении престола. Проведенное следствие показало, что под личиной самозванца кроется не кто иной, как беглый монах Григорий, носивший до пострижения имя Юрия Богданова сына Отрепьева. Хотя доказательства были, казалось бы, бесспорны, царь Борис смутился, он вновь и вновь допытывался у Шуйского, затем даже вызвал в Москву Марфу, в миру Марию Нагую, чтоб спросить, доподлинно ли, что в Угличе похоронен царевич Дмитрий, а не какой-то другой младенец.

Чтобы развеять слухи, князь Василий Иванович Шуйский торжественно с Лобного места свидетельствовал перед московским народом, что истинный царевич умер и погребен им, Шуйским. Однако все напрасно: стоило самозванцу перейти границу, как тысячи людей, в том числе и бояре, становятся под его знамена. Доверяя Шуйскому, Борис посылает его на подмогу предводителю царского войска раненому князю Мстиславскому. Впрочем, хитрый царедворец в ратном деле не преуспел и вскоре вернулся в Москву. В апреле от апоплексического удара царь Борис скончался. Трон без особой борьбы перешел к его малолетнему сыну Федору. Князь Шуйский почувствовал, что, кажется, его момент настал, и решился на новый тактический ход.

Первого июня под Москвой появились посланцы Лжедмитрия Наум Плещеев и Гаврила Пушкин с грамотой на имя бояр Мстиславского, Василия и Дмитрия Шуйских и других, окольничих и граждан московских. В ней самозванец, вновь рассказав о своем чудесном спасении, обещал награды всем в случае его признания. Народ взволновался, стрельцы, испугавшись, не сопротивлялись, бояре доложили патриарху Иову о мятеже, тот заклинал их выйти к народу и образумить его.

И вновь на Лобном месте стоит боярин Василий Шуйский. Народ просит его объявить правду, точно ли он похоронил царевича Дмитрия в Угличе? Шуйский без колебаний отвечает, что царевич спасся от убийц, а вместо него убит и похоронен попов сын.

Шуйского поддержал бывший член регентского совета, назначенного Грозным, Богдан Бельский, только что возвратившийся из ссылки. Он всенародно поклялся, что сам спас сына Грозного, и его слова явились решающими — народ ворвался в Кремль, ворота которого

оказались незапертыми, схватили царя Федора с матерью и сестрой и вывели их в прежний боярский дом Годунова.

Но самозванец, зная о том, что Бельский — брат царицы Ирины Годуновой, особо не доверяет ему. В Москву прибывает его посланец, князь Василий Голицын, по его приказу был схвачен патриарх Иов и отправлен в Старицкий монастырь, затем сам Голицын в сопровождении стрельцов врывается в дом Годуновых, умертвляет мать и сына, объявив народу, что они отравились. Царевна Ксения осталась в живых. Тело царя Бориса выкопали в Архангельском соборе, положили в простой гроб и вместе с женой и сыном погребли в бедном Варсонофьевском монастыре на Сретенке. Позднее, уже при Романовых, Годуновы были перезахоронены в Троице-Сергиевом монастыре. Таковы были последствия второго свидетельства Шуйского о событиях в Угличе.

— А что, было и третье его свидетельство? — спросил Борис заинтересованно.

— Конечно, — ответил Максим Иванович. — Уже через несколько дней после того, как он клятвенно заверил народ, что вместо царевича был убит другой, Шуйский начал повторять свое прежнее свидетельство. Увидев, что Лжедмитрий в Кремле находится лишь с небольшой горсткой поляков, ловкий интриган решил воспользоваться этим и через верных людей стал разглашать в народе, что новый царь — самозванец. 23 июня по доносу Петра Басманова, который вначале отличился в битве с самозванцем, а затем перешел на его сторону и стремился сделать столь же блистательную карьеру, как и отец его при Грозном, Шуйский был схвачен и по решению нового царя отдан на суд собору, где, кроме духовенства и членов думы, были и простые люди. Собор приговорил Шуйского к казни. 25 июня князь был выведен на плаху, ему прочитали приговор, он простился с народом, объявив, что умирает за правду, за веру и народ христианский, как вдруг прискакал гонец с объявлением помилования. На царя, видимо, повлияли бояре и особенно родственники Василия Шуйского, так как вскоре его племяннику, впоследствии знаменитому полководцу Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому, предстояло выполнить важнейшую миссию для окончательного утверждения Лжедмитрия на престоле. Получивший

незнаемое до того на Руси звание «великого мечника», двадцатилетний Скопин-Шуйский был послан за матерью угличского царевича Марфою и привез ее в Москву 18 июля. Царь встретил ее в селе Тайнинском, имел с ней свидание наедине в шатре, раскинутом близ большой дороги.

Говорят, Марфа очень искусно представляла нежную мать. Народ плакал, видя, как почтительный сын шел пешком подле ее кареты. 30 июля Лжедмитрий венчался на царство по известному обряду. А что же князь Василий Шуйский? Прощенный, он вновь приблизился к царю и даже выпросил у него разрешения жениться на молоденькой княжне Буйносовой-Ростовской. Одновременно он не прекращал плести паутину заговора против доверчивого царя. К нему примыкают князья Голицын и Куракин. Шуйскому удалось привлечь на свою сторону восемнадцатитысячный отряд псковцев и новгородцев, стоявший под Москвой и готовящийся к походу в Крым. По Москве поползли зловещие слухи, что, мол, царь и царица еретики. Лжедмитрия не раз предупреждал Петр Басманов, что затевается мятеж, но тот только отмахивался.

В ночь с шестнадцатого на семнадцатое мая в Москву вошел отряд, привлеченный на сторону заговорщиков, и, заняв все двенадцать ворот, никого не пускал ни в Кремль, ни из Кремля. Шуйский, не дожидаясь, пока народ соберется на площади, в сопровождении одних приближенных въехал в Кремль через Спасские ворота, держа в одной руке крест, в другой — меч. Подъехав к Успенскому собору, он сошел с лошади, приложился к образу Владимирской богородицы и сказал окружающим: «Во имя божие идите на злого еретика».

Толпа бросилась ко дворцу, после короткой схватки был убит Басманов, а затем Лжедмитрий. Обнаженные трупы вытащили на Красную площадь, где они лежали в течение трех дней. Лжедмитрий на столе — в маске, с дудкою и волынкою, Басманов — на скамье у его ног.

Девятнадцатого мая на Красной площади вновь собралась толпа, которая выкрикнула царем Василия Ивановича Шуйского. Первого июня 1606 года он венчался на царство — по свидетельству современников, маленький старик, очень некрасивый, с подслеповатыми глазами, очень умный и очень скупой, любивший только

тех, кто шептал ему доносы, и сильно веривший в чародейство.

Однако не успел он венчаться на царство, как уже поползли слухи о воскрешении Дмитрия. Известный авантюрист, князь Григорий Петрович Шаховской, во время смуты во дворце утащил государственную печать самозванца. В городах появились «подметные» письма, скрепленные этой печатью. В них говорилось, что Дмитрий жив и снова собирает войско, чтобы покарать изменников.

Как разоблачить нового самозванца? И Шуйский выдвигает третью версию случившегося в Угличе. Забыв начисто о том, что пятнадцать лет назад он торжественно объявил царю Федору о самоубийстве царевича в припадке падучей болезни, новый царь теперь во всех грамотах заявляет, что царевича зарезали по указу Годунова. Его поддержали отцы церкви, изобразив Дмитрия неповинно убиенным мучеником. С большим торжеством гроб с мощами царевича был перенесен из Углича в Москву. Шуйский даже решился сам нести через всю Москву до Архангельского собора носилки с гробом.

Чтобы окончательно отвести прежнюю версию о том, что царевич случайно покололся ножиком во время игры в тычку, Шуйский торжественно заявил народу следующее:

«Сказывают, что коли он, царевич, играл, тешился орехами и ел, и в ту пору его убили и орехи кровью налились, и того для тые орехи ему в горсти положили и тые орехи целы!»

Действительно, когда мощи Дмитрия выставили в церкви для всеобщего обозрения, в гробу лежали орешки. Нашлись даже свидетели, успевшие разглядеть кровь...

— Ну, уж с орешками — явный перебор! — не выдержал Андрей. — За такой срок они должны были превратиться в прах! Вот что значит не знать криминалистики!

— Откуда же им знать, — насмешливо откликнулся Игорь. — Просто Шуйский действовал тем же методом, что за пятнадцать лет до него — Нагие. Те ножи, измазанные в куриной крови, на тела убитых бросили, а Шуйский — орешки. Дескать, лишние вещественные доказательства не помешают. Ну, какие еще подробности убийства стали известны, Максим Иванович?

— Первые подробности появились в житии нового святого — царевича Дмитрия, — ответил учитель. — Сначала просто сообщалось, что на Дмитрия напали злочестивые юноши, один извлек нож и перерезал ему горло. Позже появился тот рассказ, о котором поведала нам экскурсовод в музее. Причем летописцы не жалели красок: «Как ехидна злая, вскочил на лестницу дьяк Мишка Битяговский, ухватил царевича сквозь лестницы за ноги, сын Мишки схватил за честную его главу, Качалов перерезал горло».

— Та-ак, — задумчиво протянул Борис. — что же получается, люди добрые? Выходит, и на этот раз Шуйский врал?

— Несомненно, — согласился Максим Иванович.

— Значит, врал, выдвигая все три версии? — уточнил он.

— Несомненно, — снова с улыбкой подтвердил учитель.

— Максим Иванович! — Возбужденный Андрей вскочил даже на ноги. — Но ведь четвертого варианта не может быть!

— Как так?

Ребята с интересом уставились на юного следователя.

— Давайте рассуждать логически! — уже успокоившись, продолжил Андрей.

— Давай, — согласился Игорь.

— Может быть только два положения — либо Дмитрий погиб пятнадцатого мая 1591 года в Угличе, либо остался жив. Так?

— Так, — подтвердил кто-то из ребят.

— Ну вот. А если Дмитрий погиб, то возможно опять-таки только два варианта — либо он зарезался сам, либо его убили. Правильно? Вот и получается три версии, причем каждая из них поочередно выдвигалась Шуйским. А вы говорите, Максим Иванович, что он все время врал!

Учитель усмехнулся:

— Ну, если говорить точнее, Шуйский каждый раз говорил то, что ему выгодно, а не то, что было на самом деле. Другое дело, что одно из показаний Шуйского должно действительно совпасть с объективной истиной. Только вот вопрос, какое именно?

— Получается, Шуйский против Шуйского, — хмык-

нул Борис. — Но пословица говорит — победителей не судят. А ведь Шуйский добился-таки своего — стал царем, а, Максим Иванович?

Он повернулся к нему в поисках поддержки. Максим Иванович покачал головой:

— Он был плохим царем, Боря. Еще одно доказательство того, что критиковать легче, чем делать. Его четырехлетнее правление было поистине бесславным. Вскоре новый Лжедмитрий, вошедший в историю как «тушинский вор», осадил Москву, началась польская интервенция. Судьба, казалось, улыбнулась Шуйскому в самом конце царствования — его племянник Скопин-Шуйский с помощью новгородцев и шведов под командованием Делагарди освободил север России от интервентов и с триумфом вошел в Москву. Однако его неожиданная скоропостижная смерть унесла последние надежды престарелого царя. Вскоре он был свергнут заговорщиками и насильно пострижен в монахи.

— Ну а все-таки, Максим Иванович! — не унималась Лариса. — Что думают сегодня ученые по этому вопросу?

— Ученые, Ларочка, и сейчас, и в прошлом думали об этом очень по-разному, — ответил учитель. — Мы с вами подробно разберемся в спорах историков, длящихся почти двести лет, когда вернемся в Москву. А сейчас ныряй в машину, а мы с ребятами — в палатку. Завтра дальняя дорога. Надеюсь, на этот раз поедем через Ростов?

Но и забравшись в палатку, ребята никак не могли угомониться, гадая, что же произошло на этой земле четыреста лет назад. Лариса из машины прислушивалась к голосам вспыльчивого Андрея, рассудительного Бориса, тихого Игоря. Потом незаметно под мерный плеск воды она уснула...

КАК НАГУЛИВАЮТ АППЕТИТ

Утром, собрав палатку, они подъехали к отделению милиции. Здесь уже ждали:

— Красовский, Шапошников! Проходите. Инспектор уголовного розыска специально из Москвы приехал.

«Герои дня», заважничав, прошли и даже не поглядели на оставшихся в машине. Борис даже скрипнул

зубами: «Ладно, все вам припомню!» Он на ребят вчера здорово обиделся. Когда тот парень с картиной пробегал по площади, Борис стоял у сувенирного киоска, разглядывал шариковую деревянную ручку с затейливой росписью, размышляя, взять или не взять на память. Представил себе, как он сидит за письменным столом и творит нечто вечное. Решил — надо брать! На парня он, по московской привычке, и внимания не обратил — мало ли кто куда бежит: может, спешит человек на троллейбус или в кино!

Обернулся Борис лишь когда взревел мотор «ласточки», поскольку этот звук мог определить среди сотни других — как-никак, его руками двигатель был собран. Он рванулся было за ней, размахивая руками, но Андрей, лихо развернувшись, нажал на полный газ.

Из-за этого поимка преступника, встреча с бандой из «мерседеса», едва не кончившаяся трагически, прошли без его участия. А ведь ему очень было бы полезно поближе познакомиться с этими типами, выявить психологические мотивы, толкнувшие их на преступление. Какой можно было детектив написать! Или хотя бы очерк!

Вот так всегда — что-то становится на пути его к творчеству. Честно говоря, он с зимы не брался за ручку. Ремонт машины с Андреем отнимал все время. Хотя об этом он не жалел, тем более что собирался за лето права получить, в армии пригодятся. Ведь через месяц уже выпускные экзамены, потом после короткого отдыха на станцию техобслуживания до ноября. А там — ту-ту-ту! Труба зовет!

Его размышления прервал Максим Иванович:

— Вернутся они, наверное, не скоро!

Тут Бориса осенила идея:

— А что мы, собственно, сидим? Пойдемте снова в музей!

— Но ведь там нам уже все рассказали! — возразила Лариса.

— А мы не будем экскурсоводов слушать, просто походим. Давайте, а?

Максим Иванович с легким кряхтением вылез из машины — видно, спанье на полу палатки было для него не слишком удобным. Выкарабкалась, потягиваясь, Лариса.

— Ты-то чего? — улыбнулся Борис. — Вроде спала на мягком.

— Да, сам бы попробовал, — протянула она, — спать, свернувшись калачиком.

Втроем они не торопясь отправились в кремль. Светило яркое утреннее солнце, трава и листва были нежно-зеленые, вдалеке голубела Волга. Сверкала веселыми яркими красками тронная палата княжеского дворца.

Борис внимательно осмотрел еще раз крыльцо, потом не поленился сосчитать, сколько шагов от него до того белого столбика, где, по преданию, погиб Дмитрий.

— Ты чего меряешь? — спросила Лариса.

— Вспоминаю вчерашний рассказ и пытаюсь представить, что же было на самом деле.

Максим Иванович поглядел на него прищурившись:

— Это, пожалуй, тебе, а не Андрею надо было идти в сыщики.

Потом он взглянул на часы и предложил:

— Давайте полюбуемся еще на одно чудо русской архитектуры.

— Какое чудо? — спросила Лариса.

— Церковь, которую в народе так и назвали — «Дивная».

Уже издали церковь восхищала строгими изящными пропорциями.

— Когда она построена? — спросил Борис. — При царевиче Дмитрии?

— Нет, позднее, в 1628 году, — ответил Максим Иванович. — Город ведь очень пострадал во время польской интервенции. Угличане проявили стойкость и мужество в борьбе с захватчиками. Поляки долгое время вели безуспешную осаду города и, когда ворвались в него, сожгли и разрушили все, что могли.

— О, вон и Андрей! — увидела глазастая Лариса.

Действительно, по аллее, едва не сталкиваясь со встречными, торопливо шагал Андрей.

— Прохлаждаетесь! — крикнул он издалека. — Давно ехать пора, а мы не знаем, где вас искать. Игорь к магазинам кинулся, а я сюда. Есть все-таки у меня чутье!

— А мы не хотели вам мешать, — сказал Борис невинным голосом. — Вы народ занятой, не то что мы — туристы.

— Ах, так это твоя затея, — Андрей погрозил кулаком.

— Зато мы чудесно прогулялись и теперь готовы в дорогу! — заметил Максим Иванович.

— Да, и, между прочим, осмотрели «Дивную» церковь, — поддразнил друга Борис.

Андрей покосил на него глазом, продолжать спор не стал. Игорь, стоявший у машины, выглядел еще более разозленным.

— Что мы, мальчишки, за вами бегать!

— Боялись, что нас украдут бандиты? — лукаво спросила Лариса.

Игорь мгновенно растаял.

— Ну, бандиты — не бандиты, — помялся он, а потом выпалил: — Мы такое узнали!..

— Максим Иванович! Как вы думаете, надворные постройки находились в той стороне, где теперь стоит церковь, или с противоположной? —делая вид, что не заметил реплики Игоря, спросил Борис.

Максим Иванович все понял и, только улыбнувшись, ответил:

— Точно сказать нельзя. Плана, к сожалению, не сохранилось, а археологические раскопки не велись. Но я лично думаю, что все-таки с противоположной...

Игорь открыл было рот, чтобы что-то сказать, но Андрей его перебил.

— Ладно, по машинам! Дорога длинная!

— Какое-то время ехали молча, все делали вид, что разглядывают мелькавшие по сторонам живописные виды.

Первым не выдержал Максим Иванович. Борис давно заметил, что он, несмотря на возраст, самый любопытный из них. Наверное, поэтому и выбрал профессию историка-исследователя.

— Так, говорите, поймали остальных? — спросил Максим Иванович.

— Поймали, — словно нехотя процедил Игорь, на большее его не хватило, и он затараторил: — У Ростова задержали. И у них такая же рация, как и у нашего. Понимаете? А он отпирается. Кричит, что это Андрей ему подсунул. И вообще, что он подает на него в суд за применение физического воздействия. Раз, дескать, Андрей — самбист, то это приравнивается к применению холодного оружия. Во гусь!

— Я ничего не понял, — сказал Максим Иванович. — Не тарахти!

— Ну и пожалуйста, — обиделся Игорь.

— Андрей, давай-ка ты и по порядку, — потребовал Максим Иванович.

Андрей самодовольно усмехнулся, поудобнее устроился на сиденье и, чуть сбавив скорость, начал рассказывать:

— Значит, пришли мы в отделение...

— А без «значит» нельзя? — перебила Лариса.

Теперь вспыхнул Андрей:

— Я так не могу! Максим Иванович, скажите вы ей!

— Ладно, ладно, утихомирьтесь, — сказал Максим Иванович. — Продолжай, Андрюша, пожалуйста!

— Нас привели в комнату начальника отделения там находился следователь из Москвы. В штатском. Правда, я тут же узнал, что он — капитан по званию. Только вошли в кабинет, я вытянулся и отрапортовал по всей форме: «Курсант школы милиции Красовский».

Ну, ему ничего другого не оставалось, как тоже представиться: «Инспектор МУРа капитан Шерстнев!»

— Ух, чувствуется, мужик! — не вытерпел, вставил словечко Игорь. — «Спасибо, — говорит, — хлопцы, очень вы нам помогли выйти на след. Дело в том, — говорит, — что за последние полгода было несколько дерзких похищений икон из церквей. Мы никак не могли напасть на след, преступники очень осторожны. Правда, один раз они чуть не попались — идет по шоссе наша патрульная машина, и вдруг слышим по рации: «Дьяк, рви когти. Кто-то едет. Ждем ровно минуту, не успеешь, уйдем без тебя!» Патрульные догадались повернуть к церкви, а там никого уже нет. Осмотрели церковь и видят — с колокольни нейлоновая веревка спускается. К счастью, тогда преступники не успели ничего взять. А теперь, задержали вы этого типа, а у него в кармане — рация коротковолновая. И у тех, что в «мерседесе» уйти пытались, — вторая рация. Улавливаете связь?

— Эту связь еще надо доказать, — вмешался Андрей. — Привели к нам вчерашнего знакомого, мы подробно следователю рассказали, как было дело, а парень этот только нагло усмехается: «Про рацию ничего не знаю, мне ее подсунули, ни с кем в сговоре не был. А картину взял из-за любви к красоте. Хотел ее дома над кроваткой повесить!»

— Ну а вообще какой он? — спросил Борис. — Этот тип, как вы его называете. Производит впечатление закоренелого преступника?

— Ты знаешь, пожалуй, нет! — вместо Андрея ответил Игорь. — Парень как парень. Постарше нас года на два. Пострижен и одет нормально. Никаких наколочек на руках нет. Такого на улице встретишь и не обернешься...

— Сказал, что рабочим сцены в театре работает. Дескать, пошел не из-за заработка, а потому что искусство любит. Это он, значит, под свою кражу, так сказать, психологическую базу подводит. Но глаза мутные какие-то. Я помню, как он на меня вчера с ножом пошел. Думаю, что не пугал — сумел бы, пырнул, точно! Это ведь чувствуется, когда понарошке, а когда — всерьез!

— Понять бы, как такие фрукты получаются, — сказал Борис.

— Вопрос и в самом деле очень непростой — раздумчиво заметил Максим Иванович. — Каковы причины, в самом деле? Все живут приблизительно в равном достатке, учатся по одинаковым программам, прочие равные условия, а вот один — нормальный человек, а другой рядом вдруг оказывается преступником.

— Максим Иванович, уж не являетесь ли вы последователем теории Ломброзо о преступной наследственности? — спросил Андрей.

— Наследственность, конечно, есть, — парировал Максим Иванович. — Передаются по наследству физические и умственные качества, но толкает на преступный путь определенная, конкретная обстановка — окружение в семье или на улице, а иногда и на работе. Тебе-то как будущему следователю пора бы это знать!

— Да я пошутил, Максим Иванович, — попробовал оправдаться Андрей.

К счастью для него, асфальт кончился, началась снова шоссейка, вызвавшая у всех единодушное негодование.

— А на атласе никаких пометок нет! — возмущенно прокомментировал Игорь. — Ведь здесь же автобусы ходят.

— Да, в следующий раз в Углич я лично отправлюсь только на теплоходе, — заявила Лариса.

— Может, это небольшой кусочек? — с надеждой спросил Борис.

— Около тридцати километров, — уверенно заявил Андрей.

— Откуда ты знаешь?

— В милиции навел справки. Но эта шоссейка не чета той, что от Калязина. Прорвемся.

На «прорыв» ушло почти полтора часа. Всех слегка укачало, поэтому говорили мало. Но вот наконец выкатились на Ярославское шоссе. Все сразу повеселели.

— Может, споем что-нибудь? — прокашлявшись, сказал Максим Иванович. — А то сидим как сычи.

— Из-за острова на стрежень! — заорал Борис что было мочи.

Все рассмеялись. Потом Лариса приятным голоском запела «Все стало вокруг голубым и зеленым». Ребята с учителем, как умели, подтягивали. Вдали показались главы соборов Ростова Великого. Андрей, не оборачиваясь назад, спросил:

— Максим Иванович, как?

— Нет, нет, Андрюша. Хорошенького помаленьку. Искусством, как и сладким, можно объесться. На минуточку у Борисоглебского монастыря остановимся и дальше.

«Минуточка» продлилась почти два часа. Максим Иванович без устали рассказывал ребятам о соборе Бориса и Глеба, построенном в 1524 году замечательным русским зодчим Борисовым, им же созданной церковью Благовещенья. Ребята обошли могучие крепостные стены с башнями, побывали в кельях, забрались на звонницу, откуда открывался великолепный вид на гору. Потом, передохнув у озера Неро и еще раз полюбовавшись видами, двинули дальше. В Переяславле не выдержали, свернули вправо, к берегу Плещеева озера, чтобы взглянуть на ботик Петра. Еще час езды, и они подъехали к Загорску.

— Ура! Колечко замкнулось! — прокомментировал Игорь.

— И сколько же километров в этом колечке? — спросил Максим Иванович.

Андрей посмотрел на спидометр, что-то прикинул в уме и сказал:

— Пятьсот с гаком.

— Ого! Как до Ленинграда или до Киева! — заметила Лариса.

Был уже вечер, когда основательно запыленная «ласточка» остановилась у подъезда дома на старом Арбате, где жил Максим Иванович. Все высыпали из машины.

— Ну что, будем прощаться? — сказал Андрей полуутвердительно, хотя чувствовал, что расставаться никому не хочется.

— Ни в коем случае! — категорически заявил Максим Иванович и вдруг поднял лицо вверх, смешно повел носом. — Вы чувствуете?

Все тоже начали крутить носами.

— Ну, ну! — нетерпеливо подгонял ребят Максим Иванович. — Где ваше чутье, разведчики прошлого!

— Кажется, пахнем жареным, — сказал Андрей несвойственным ему нерешительным тоном.

— Браво, Мегрэ! — просиял Максим Иванович. — Попал в самую точку — няня жарит мои любимые пирожки — с зеленым луком и яйцами. Вперед, на штурм!

Второй раз повторять было не надо — все дружно бросились к подъезду. Еще бы! Все вдруг почувствовали зверский аппетит.

ЧТО ГОВОРЯТ ИСТОРИКИ

Няня, кажется, превзошла самое себя. Таких пирожков даже Максим Иванович не едал, а уж что говорить о ребятах! Сделав большой глоток сладкого чая, Борис сказал:

— Максим Иванович! А вы ведь обещали рассказать о дискуссии историков по поводу угличского дела.

Учитель был рад, что поездка зацепила ребят за живое, однако ответил:

— Ну, разговор об этой дискуссии долгий, а вы, я думаю, утомились...

Все ребята дружно замотали головами.

— Ну, смотрите, тогда держитесь!

Максим Иванович подошел к книжным стеллажам, отбирая нужные книги — Татищев, Карамзин, Соловьев, Покровский...

— Итак, что же говорят историки? — Он сделал многозначительную паузу и обвел глазами своих учени-

ков. — Первое описание гибели Дмитрия мы встречаем, как я уже говорил, в церковных трудах, описывающих житие нового святого. Далее я бы выделил «Сказание Авраамия Палицына». Это одно из наиболее известных и красочных исторических повествований о событиях Смутного времени, охватывающее период от смерти Ивана Грозного до воцарения новой династии Романовых. Автор сказания — келарь Троице-Сергиева монастыря с 1608 по 1619 год Авраамий Палицын. Этот человек знал о многих событиях Смутного времени не понаслышке. В миру его звали Аверкием Ивановичем Палицыным. В 1588 году, еще в царствование Федора Иоанновича, он подвергся опале как приближенный к князьям Шуйским. Имение его было отобрано в казну, сам он сослан и пострижен в монахи. В 1600 году Годунов снял опалу с Палицына, как и с многих других, но он по-прежнему оставался в удалении. И только с воцарением Шуйского Авраамий получает важное назначение: он становится келарем Троице-Сергиева монастыря, первого монастыря в государстве. По отзывам современников, Авраамий Палицын был человеком очень ловким, деловым, уклончивым, начитанным, по тогдашним понятиям достаточно красноречивым. Близость его к Шуйскому дает основание думать, что он был хорошо осводомлен об угличском деле. Вот что Палицын написал в своем «Сказании»:

«Великаго убо царя Федора брата Дмитрия Ивановича, не единаматерьня, отделиша всех началнейших велмож росийских советом на Углечь, да в своем пронстранствии с материю си пребывает. Сему же царевичю Димитрею естеством возрастающу, и братне царьство и величество слышащу, и от ближних си смущаему за еже не вкупе пребывания з братом, и часто в детьских глумлениих глаголет и действует нелепо о ближнейших брата си, паче же о сем Борисе. А врази суше и ласкатели, великим бедам замышленицы, в десятерицу лжи составляюще, с сими подходят велмож, пача же сего Бориса, и от многия смуты ко греху низводят, его же, краснейшего юношу, отсылают, нехотяща, в вечный покой...»

— Это уже новая трактовка, — воскликнул Борис. — Получается, что Дмитрий пал жертвой клеветы, и мой тезка не хотел, но был вынужден дать команду прирезать царевича.

— Я думаю, такая трактовка объясняется довольно просто, — вступил в разговор Игорь. — Ведь сказание написано уже после воцарения Романовых, а Годунов, хоть и из худородных, все равно помазанник божий. Вот Авраамий его и выгораживает: дескать, обстоятельства заставили.

— Вероятно, так, — согласился Максим Иванович. — Зато выдающийся историк следующего столетия, Василий Никитович Татищев, автор «Истории Российской с древнейших времен», рисует Годунова истинным злодеем. К сожалению, четвертая часть истории, где описывались события царствования Федора Иоанновича, не была закончена Татищевым и увидела свет лишь в середине девятнадцатого столетия, позднее «Истории...», написанной Карамзиным. Однако доподлинно известно, что Карамзин знакомился с незаконченной работой Татищева в оригинале и, в общем-то, повторяет его точку зрения на угличские события. Я вам просто зачитаю несколько отрывков из рукописи Татищева. Думаю, что это любопытно. Вот как он начинает описания начала царствования Федора:

«7092(1584). Зимою видена была комета. Того же года марта 19 числа преставился царь Иоанн Васильевич. Пред смертию бо, постригшись в иноческий чин, завеща большему сыну своему Феодору быть царем всея Руссии, а меньшему Димитрию с матерью царицею Мариею Федоровною во владение город Углич и другие городы с принадлежащностьми; и приказал иметь смотрение и правление болярам князю Ивану Петровичу Шуйскому, князю Ивану Федоровичу Мстиславскому и Никите Романовичу Юрьеву, он же Романов. И того ж дня царю Федору Ивановичу целовали крест. Борис же Годунов, видя Нагих, бывших при государе в силе, взвел на них измену с своими советники и той же ночи их и других, кои были в милости царя Ивана Васильевича, переловя, разослал в разные города по тюрьмам, а имения их обрал и роздал в роздачу. Вскоре по преставлении государя отпустили царевича Димитрия на Углич с матерью его царицею Марьей Федоровною и братьев ея Федора, Михаила и прочих, и мамку его Марью с сыном Данилою Волохову, да Микиту Качалова. Маиа I короновался царь Федор Иванович, к которому созваны были лучшие люди со всех городов...»

— Действительно, если верить Татищеву, Борис на-

чал интриговать с первого же дня воцарения Федора! — воскликнул Игорь.

— А вот как описывается борьба Годунова с боярами, когда он после смерти Никиты Романова становится правителем:

«Бояре, видя Годунова лукавые и злые поступки, что определенным от царя Иоанна боярам власть всю отнял и сам все без совета делал, князь Иван Федорович Мстиславский, с ним Шуйские, Воротынские, Головины, Колычевы, к ним же пристали гости, многое шляхство и купчество, стали государю явно доносить, что Годунова поступки во вред и к разорению государства. Годунов же, совокуплялся с другими боляры, дьяками и стрельцов деньгами к себе обретя, Мстиславского поимав, тайно сослав в Кириллов монастырь и там его постриг, а потом и других многих порознь разослал по разным городам, в темницы. В котороем ему тогда многие, льстя, не токмо молчали, но и погибели оных, забыв вред отечества и свою должность, радовались. Другие же зря такие насилия и неправды, хотя сердечно соболезновали, но видя оных льстящих Годунову множество и силу онаго и свое безсилие, не смели о том и говорить. И тем как оные, так и сии все самих себя и все государство в крайнее разорение привели...»

— «Крайнее разорение»? — переспросил Игорь. — Но позвольте, я читал, что Годунов, напротив, проявил себя талантливым государственным деятелем.

— Татищев, видимо, оказался в плену собственной версии, — предположил Борис. — Раз уж Годунов злодей, так, значит, все у него плохо!

— Мы никак до Углича не дойдем, — нетерпеливо прервала разговор Лариса. — Что он про убийство пишет?

— Извольте, сударыня, — сказал Максим Иванович столь любезным голосом, что Лариса покраснела.

— Извините, Максим Иванович.

— Ничего, ничего, мы действительно несколько отвлеклись. Так разрешите, процитирую этот отрывочек:

«7099 (1591)

Маиа 15 числа по научению Бориса Годунова убит на Угличе царевич Димитрий Иванович от Кочалова, Битяговского и Волохова. В том же совете с Годуновым был и Битяговского, научa, отправил Андрей Клешнин. Годунов, получа сию ведомость, закрывая свое воров-

ство, с великою печалию донес государю и советывал о том разыскивать. Для которого послал князя Василья Ивановича Шуйского да с ним сообщника своему воровству, окольничего Андрея Клешнина. Оные же приехав на Угличе, Шуйской, не убояся страшного суда божия и забыв свое государю в верности крестное целование, угождая Годунову, не токмо сущее воровство закрыл, но сверх того много верных царевичевых перепытали и казнили безвинно. Возвратяся же в Москву, донести государю, якобы царевич, быв болен, сам себя зарезал небрежением матери его и ся родственников Нагих. По которому брата ея Михаила и других Нагих, в Москву взяв, жестоко пытали и, обрав все имение, разослали в ссылки. Мать же царевичеву царицу Марию, постригши, нарекли Марфою и сослали в Пусто-озеро, а город Углич за то, что убили убийцев царевичевых, велели разорить. А оставшим убийцам, мамке и убитых наследником, яко верным слугам, даны деревни. Годунов, видя, что весь народ стал про убиение царевича на него говорить, и хотя в оных словах некоторые браны, пытаны и кажнены, однако ж он, опасаясь бунта, в иуне велел Москву в разных местах зажечь, и едва не вся выгорела, от которого многие люди вконец разорились. Годунов же, хотя к себе народ склонить, многим давал из казны на строение деньги».

— А вы знаете, это звучит убедительно! — воскликнул Андрей, рассеянно трогая пальцем свои щеголеватые черные усики, которые он отпустил сравнительно недавно и к которым, видно, еще не привык.

— Что именно? — осведомился Максим Иванович.

— То, что Годунов, организуя убийство, преследовал двоякую цель: с одной стороны, убрать претендента на престол, а с другой — скомпрометировать Нагих, которые составляли сильную оппозиционную партию. Вы же сами нам рассказывали вчера, что за два года до этого Годунов расправился с Шуйскими под тем предлогом, что они вступили в союз с Нагими против него. Нагих он тогда не тронул, наверное, мешал царевич. А тут решил проблему одним махом. Нет, это серьезное предположение, гораздо серьезнее того, что мы слышали в храме. Есть, во всяком случае, мотивация преступления...

— Ишь ты — «мотивация», — поддразнила его Лариса. — Слова какие мудреные знаешь...

— Так что я за Татищева, — решительно заявил Андрей.

— Тогда скорей не за Татищева, а за Карамзина, написавшего «Историю государства Российского», в которой он использовал материал Татищева. Этот фундаментальный труд был встречен с восторгом всей читающей Россией.

— Ну и как Карамзин излагает сии события? — спросил Борис.

— Я думаю, цитировать его не имеет смысла, поскольку все мы с детства знакомы с гениальным пересказом этой версии Пушкиным в его драме «Борис Годунов». Великий поэт был в числе тех, кто безоговорочно принял факты, изложенные Карамзиным.

— А были и такие, кто оспаривал? — удивился Борис,

— Да, и очень многие. Среди тех, что выступили оппонентами Карамзина, можно назвать Краевского, Погодина, печальной памяти известного Фаддея Булгарина. Интересно, что в числе не принявших версию об убийстве Дмитрия Годуновым, был и Белинский.

— Белинский? — насторожился Борис.

— Да, да, именно Белинский! — вступил в разговор Игорь. — В цикле статей «Сочинения Александра Пушкина» есть статья десятая, которая называется «Борис Годунов».

— Странно, — наморщила лоб Лариса. — Я помню, мы проходили в школе статьи Белинского о Пушкине, но этой и я не помню.

— Ну, это не удивительно, — усмехнулся Игорь. — Данную статью просто не включают в школьную программу.

— Почему?

— Потому что в ней, при всей его любви к великому поэту, Белинский критикует Пушкина. Школьники это могут неправильно понять.

— Зачем же так прямолинейно? — упрекнул его Максим Иванович. — Дело не только в этом, а в том, что Белинский излагает в этой статье свои ошибочные, идеалистические взгляды на русскую историю. Школьникам в них трудно разобраться. Но то, что касается его рассуждений относительно убийства Дмитрия, представляет несомненный интерес. Собственно, и Пушкина Белинский критикует в основном за то, что тот, как он го-

ворит, «рабски во всем последовал Карамзину, и из его драмы вышло что-то похожее на мелодраму, а Годунов его вышел мелодраматическим злодеем, которого мучит совесть и который в своем злодействе нашел себе кару».

— Белинский всегда был полемиком и порой в полемическом задоре несколько уклонялся от истины, — иронически заметил Игорь. — Сегодня каждому школьнику понятно, главная заслуга Пушкина, как автора «Бориса Годунова», — в оценке роли народа в исторических событиях Смутного времени. Вы же помните финал — «народ безмолвствует». Страшный приговор!

— По-моему, мы отвлекаемся от главной темы, — недовольно заметил Борис. — Для нас сейчас интересно, за что Белинский критиковал Карамзина как историка. Правильно я говорю, Максим Иванович?

— Это действительно интересно, — подтвердил учитель. — Дело в том, что мы привыкли считать Белинского только литературным критиком, а в этой статье он предстает перед нами историком, обладающим великолепной эрудицией. Вы только послушайте:

«Отдавая полную справедливость огромным заслугам Карамзина, в то же время можно и даже должно беспристрастными глазами видеть меру, объем и границы его заслуг... Важнейший его труд, без сомнения, есть «История государства Российского», которая читается и перечитывается до сих пор, когда уже все другие его сочинения пользуются только почетной памятью, как произведения, имевшие большую цену в свое время. И действительно, до тех пор, пока русская история не будет изложена совершенно с другой точки зрения и с тем уменьем, которое дается только талантом, — до тех пор история Карамзина поневоле будет единственною в своем роде. Но уже и теперь ее недостатки видны для всех, может быть, еще больше, нежели ее достоинства. В недостатках фактических нельзя винить Карамзина, приступившего к своему великому труду в такое время, когда историческая критика в России едва начиналась и Карамзин должен был, пиша историю, еще заниматься историческою разработкою материалов. Гораздо важнее недостатки его истории, происшедшие из его способа смотреть на вещи... У Карамзина ни в чем нет середины: у него нет людей, а есть только или герои добродетели, или злодеи».

— Вот видите, — возбужденно воскликнул Игорь, —

Белинский предвидел, что история должна рассматриваться с другой точки зрения, то есть классовой! Это гениальное предвидение!

— Что не мешало ему оставаться на идеалистических позициях, — заметил Максим Иванович. — Впрочем, его трудно винить в этом — он всего лишь сын своего времени. Но ты меня не отвлекай. Вот что конкретно Белинский пишет об угличской истории:

«Прежде всего заметим, что Карамзин сделал великую ошибку, позволив себе до того увлечься голосом современников Годунова, что в убиении царевича увидел неопровержимо и несомненно доказанное участие Бориса... Смерть царевича Дмитрия — дело темное и неразрешимое для потомства. Не утверждаем за достоверное, но думаем, что с большею основательностью можно считать Годунова невинным в преступлении, нежели виновным. Одно уже то сильно говорит в пользу этого мнения, что Годунов — человек умный и хитрый, администратор искусный и дипломат тонкий — едва ли бы совершил свое преступление так неловко, нелепо, нагло, как свойственно было бы совершить его какому-нибудь удалому пройдохе вроде Дмитрия Самозванца, который увлекался только минутными движениями своих страстей и хотел пользоваться настоящим, не думая о будущем. Годунов имел все средства совершить свое преступление тайно, ловко, не навлекая на себя явных подозрений. Он мог воспитать царевича так, чтобы сделать его неспособным к правлению и довести до монашеской рясы; мог даже искусно оспаривать законность его права на наследство, так как царевич был плодом седьмого брака Иоанна Грозного».

— Ерунда! — фыркнул Андрей. — Так бы Нагие ему и позволили!

— Не мешай! — сердито прикрикнул на него Игорь.

— А вот послушайте теперь гипотезу Белинского, — продолжил учитель невозмутимо: — «Самое вероятное предположение об этом темном событии нашей истории должно, кажется, состоять в том, что нашлись люди, которые слишком хорошо поняли, как важна была для Годунова смерть младенца, заграждавшего ему доступ к престолу, и которые, не сговариваясь с ним и не открывая ему своего умысла, думали этим страшным преступлением оказать ему великую и давно ожидаемую услугу».

— Это что же, Белинский на Клешнина и Битяговского намекает? — хмыкнул Борис. — Сам же Белинский говорит, что Годунов умный и ловкий царедворец, а тут получается, что он не знал, что за его спиной творится. Ну а потом события показали, что убийство Димитрия не только не оказало услугу Борису, а наоборот — в глазах народа он навечно остался детоубийцей!

— Молодец! — с изрядной иронией похвалил Максим Иванович. — Белинский, кстати, об этом же и говорит: «Если же Годунов внутренне, втайне доволен был их услугою, нельзя не согласиться, что на этот раз он был очень близорук и недальновиден. Радоваться этому преступлению значило для него — радоваться тому, что у его врагов было наконец страшное против него оружие, которым они при случае хорошо могли воспользоваться. Нет, еще раз: скорее можно предположить (как ни странно подобное предположение), что царевич погиб от руки врагов Годунова, которые, свалив на него это преступление, как только для него одного выгодное, могли рассчитывать на верную его погибель».

— Любопытно, — пробормотал Игорь. — Если следовать логике Белинского, убить Димитрия могли Нагие, родственники царевича.

— Конечно, это парадоксально, — откликнулся Андрей, — но логика здесь есть. Максим Иванович, можно я еще раз взгляну?

Андрей взял со стола томик Белинского и вернулся к своему креслу в углу. Максим Иванович тем временем извлек следующую книгу — шестой том «Истории России с древнейших времен» Соловьева.

— Если во времена Карамзина, — сказал он, — историческая критика в России, как правильно отметил Белинский, едва начиналась, то крупнейший дореволюционный русский историк Сергей Михайлович Соловьев располагал огромным количеством документальных источников. Однако и он придерживался мнения Карамзина, что царевич Димитрий был убит по приказу Годунова, причем очень аргументированно разбивает доводы противников этой версии. Вот послушайте:

«...Существуют в нашей исторической литературе следующие возражения: прежде всего предлагают вопрос: нужна ли была Годунову смерть царевича и видно ли было из прежних его деяний намерение погубить несчастного сироту? Говорят: «Димитрий родился от седьмого

брака Иоаннова и по тогдашним понятиям едва ли имел право на престол, по крайней мере, неоспоримое». На это мы должны заметить, что Димитрий назывался царевичем, все государство признавало его таким, начиная от царя — брата; имя его поминалось в церкви на ектениях, он имел удел, двор; его выставляли не только законным наследником, но даже соперником старшего брата, наконец само удаление его из Москвы показывает, как он казался опасен.

...Далее возражают: «Борис не велел молиться о Димитрии и поминать его имени на литургии, мысля тем объявить царевича незаконнорожденным: зачем было прибегать Борису к этой лишней мере, если он задумал убийство, — мере, которая ясно обнаруживала неприязнь его к Димитрию, навлекала на него неудовольствие в настоящем времени и оправдывала будущее сильное подозрение в предполагаемом убийство?» Отвечаем: этот поступок свидетельствует только, что Годунов с товарищами шли постепенно в своих мерах против Димитрия, и испытанная недостаточность одной меры заставляла прибегать к другой, сильнейшей.

...Также легко отвечать и на следующее возражение: «не слишком ли рано, говорят, в 1591 году думать было Борису о престоле, когда Феодору было еще только 34 года, когда он мог иметь еще детей, что и действительно случилось, когда он мог вступить в новый брак, после естественной смерти супруги?» Но зачем же предполагать, что Годунов думал о престоле? Он с товарищами считал крайне опасным дождаться, пока царевич возрастет и захочет привести в исполнение те угрозы, которые, по словам доносчиков, уже привыкал произносить детский язык его. Феодор мог иметь детей, мог пережить жену и жениться в другой раз, но возможнее было, что он не будет иметь детей, и что хворый муж не переживет здоровой жены».

— Здорово сказано! — восхитился Борис. — Ну а как он оценивал судное дело как источник?

— Нашел в нем массу противоречий, — ответил Максим Иванович. — Вот, например, его слова: «...разве можно летописное сказание уличать в неверности на основании следственного дела, которое заключает в себе такие ясные черты недобросовестности?»

— Припечатал, так припечатал! — прокомментировал Борис.

— Авторитет Соловьева, как историка, был настолько велик, что долгое время версия об убиении Димитрия по приказу Годунова оставалась незыблемой, — продолжил учитель, не давая разгореться дискуссии. — Однако новый, двадцатый век внес новый накал страстей в затянувшуюся полемику. Не только Соловьев, но и многие другие историки сомневались в достоверности судного дела, а некоторые прямо говорили о том, что оно было фальсифицировано позднее, по указанию Годунова. Основания для таких предположений имелись: даже при беглом осмотре бросались в глаза следы его поспешной обработки. Кто-то разрезал и переклеил листы «обыска» (следственного дела), придав им неверный порядок. Куда-то исчезло начало.

Доказать подлинность следственного дела взялся известный историк В. К. Клейн, проведший скрупулезную работу по восстановлению первоначального порядка расположения листов.

Ученый знал, что дела в архивах приказов 16—17 веков хранились в свитках. При Петре I архивы перенесли на более удобную, тетрадную форму ведения дел. Именно тогда угличское дело, как и все остальные архивные документы, было разрезано на отдельные листы и сшито в тетрадь. При брошюровке этой тетради кто-то перепутал листы.

— Как же ему спустя столько лет удалось восстановить последовательность текста? — заинтересовался Андрей.

— Клейн проявил себя в этом исследовании недюжинным криминалистом, — ответил Максим Иванович. — Найти правильное решение ему помогли... пятна.

— Пятна крови? — воскликнул Андрей.

— Тебе сразу преступление мерещится! — фыркнул Игорь. — «Мальчики кровавые в глазах».

— Должен тебя разочаровать — пятна ржавого цвета, но получились они от воздействия обыкновенной сырости. Ученый предположил, что пятна эти появились еще в то время, когда дело имело форму свитка.

— Ну и что же? — нетерпеливо спросил Андрей.

Максим Иванович усмехнулся, взял в руки лежавшую на столе «Литературку» и свернул ее трубочкой.

— Гляди. Допустим, мы капнем водой на этот свиток. Что получится?

— А-а, понял, — промямлил Андрей. — На поверхности пятно будет больше, а к центру меньше.

— Совершенно точно! — подтвердил Максим Иванович. — Так же рассудил и Клейн. Он расположил листы по размерам пятен и получил связный текст. Начала действительно не было. Видимо, самый верхний слой размок настолько, что текст совершенно не читался, и архивный служитель выбросил его.

В 1913 году Клейн издал «Угличское следственное дело о смерти царевича Димитрия» в том виде, какое оно имело в период создания. Клейну удалось опровергнуть мнение, что угличские материалы являются беловиком, составленным в Москве канцелярией Годунова. Палеографическое (палео — древний, граф — пишу) исследование рукописи обнаружило шесть основных почерков писцов. Кроме того, в тексте имеются более двадцати подписей свидетелей. Дело в том, что в подавляющем большинстве показания свидетелей угличан отличались завидной краткостью, и подьячие, записав их, тут же предлагали грамотным свидетелям приложить руку, что те и делали на обороте своей «речи». Все эти подписи строго индивидуализированы и отражают разную степень грамотности, довольно точно соответствовавшую их общественному положению и роду занятий.

Доказав подлинность угличского дела, Клейн вновь выдвинул гипотезу о нечаянном самоубийстве царевича. Через несколько лет, уже после свершения Октябрьской революции, первый советский историк-марксист М. Н. Покровский также высказался в пользу этой версии. Обратите внимание на стиль, впечатление такое, что он пишет не о событиях XVI столетия, а о почти современных:

«Располагая громадными личными средствами — и огромной категорией личных приверженцев, стало быть, примирив с собою, хотя бы отчасти, начинавшую поднимать голову буржуазию (это в XVI веке!), имея вполне на своей стороне мелкий вассалитет, всю вооруженную силу государства, Борис стоял так прочно, что большего, казалось бы, ему нечего было желать. Царь Федор был еще не стар и мог иметь детей: год спустя у него родилась дочь, царевна Федосья, умершая в 1594 году. При детях этих, родных племянниках Годунова, его положение регента оставалось бы, по всей вероятности, столь

же прочным, как при их отце. Было бы чрезвычайно странно, если бы в таком положении человек стал себя «усиливать» при помощи преступлений, крайне неловко совершенных и как будто нарочно придуманных, чтобы скомпрометировать репутацию Бориса Федоровича».

— Узнаю аргументацию незабвенного Виссариона! — воскликнул Борис.

— А дальше будет еще более похоже, — заметил Максим Иванович и продолжал чтение: — «Между тем, подавляющее большинство историков принимает как достоверный рассказ о том, что именно в эти годы с ведома, если не по прямому приказу Годунова был убит младший сын Грозного, царевич Димитрий — убит в тех видах, чтобы «расчистить Борису путь к престолу». Если бы нужна была специальная иллюстрация младенческого состояния у нас весьма важной дисциплины, именуемой «исторической критикой», и давления на нашу историческую науку обстоятельств и интересов, ничего общего ни с какой наукой не имеющих, лучшей, нежели «дело об убийстве Димитрия-царевича», придумать было бы нельзя».

— А где же доказательства? — спросил Борис. — По-моему, пока не очень убедительно.

— Никогда не спеши с выводами! — возразил Максим Иванович. — Дальше Покровский приводит аргументы:

«Первое категорическое утверждение, что Борис — убийца Димитрия, мы находим в источнике, самого поверхностного анализа которого достаточно, чтобы не верить именно этим его показаниям. В 1606 году, сев на престол посредством государственного переворота, через труп названного Димитрия, царь Василий Иванович Шуйский нашел необходимым дать юридическое и историческое оправдание своему поведению: доказать, что цареубийство было актом «необходимой самообороны», а что права на московский престол Шуйским принадлежали издавна, а они только, исключительно по скромности, до времени их не предъявляли. С этой целью по городам рассылался целый сборник документов, в фальсифицированности которых никто, кажется, никогда не сомневался, и распространялся небольшой, в литературном отношении весьма удачно написанный исторический трактат, составляющий как бы «историческое введение» к этим документам...».

— Легкое перо! — не удержался Борис. — Вот как историки должны писать. А то — «поелику», «ежели», «сим»....

— Не мешай! — прикрикнул на него Игорь, слушавший очень внимательно.

— «...введение должно было утвердить читателя в той мысли, что занять место по праву убитого еретика было некому, кроме князя Василия Ивановича Шуйского, «изначала прародителей своих боящегося бога и держащего в сердце своем к богу великую веру и к человекам нелицемерную правду».

— Это о Шуйском? Прелестно! — не выдержала теперь Лариса.

Учитель только покосился в ее сторону.

— «Если же все эти качества не доставили благочестивому князю престола раньше, то виновато в этом было гонение «от раба некоего, зовомого Бориса Годунова», который «уподобился древней змии иже прежде в раи прелсти Еву и прадеда нашего Адама и лиши их пищи райская наслаждатися». Когда среди подобного текста вы читаете далее, что именно Борис подослал убийцу к царевичу Дмитрию, элементарная историческая добросовестность заставляет вас отнестись к рассказу с крайней степенью недоверия. ...Чем дальше от события 1591 года, тем больше подробностей о нем мы находим в литературе. Всем хорошо знакомый по учебникам детальный рассказ об убийстве, приводимый Соловьевым, читается в так называемом «Новом Летописце» — компилятивной истории Смутного времени, окончательная редакция которой не старше 1630 года. Сорок лет спустя после события знали о нем больше, чем мог собрать заинтересованный и пристрастный автор через пятнадцать лет! Такое хорошо знакомое всякому историческому исследователю явление может иметь лишь одно объяснение: мы имеем пред собою типичный случай возникновения легенды. Народное воображение дополнило то, чего не хватало истории, постепенно, деталь за деталью, расцвечивая сухую схему первоначально без всяких доказательств брошенного обвинения.

...Для всякого «независимого и самостоятельного» русского историка XIX века, казалось бы, ввиду всех этих фактов обязательно отнестись с полным отрицанием к выдумке, пущенной в оборот памфлетом Шуйских — даже в том случае, если бы мы не имели совре-

менных событию документов, утверждающих противное. А такой документ есть: сохранилось подлинное дело об убийстве Димитрия — акт «обыска» (по теперешнему, «дознания»), произведенного по горячим следам в Угличе членами боярской думы, — и в этом деле рядом свидетельских показаний, в том числе дядей царевича Нагих, устанавливается, что он погиб жертвою несчастного случая: накололся на нож, играя в «тычку». Следствие, правда, производил тот самый благочестивый князь Василий Иванович Шуйский, с публицистической деятельностью которого читатель познакомился выше: для очень большого скептика, можно согласиться, это дает основание подозревать и акт следствия. Но Шуйский на следствии был не один, во-первых, а затем, уж если заподозревать официальные документы, к которым имел касательство Василий Иванович, то какого же доверия заслуживает его неофициальная публицистика?»

— Не согласен! — вдруг громко заявил из своего угла Андрей.

— С чем ты не согласен? — вежливо осведомился Максим Иванович.

— Конечно, Шуйский был нечестным человеком. Но зачем передергивать факты? Версия об убийстве Димитрия возникла не в 1606 году, а в 1591-м — то есть одновременно, если не раньше версии о самоубийстве.

— Давайте поспорим потом, а я сейчас хочу закончить! — ответил Максим Иванович. — Не возражаете?

— Конечно, конечно, Максим Иванович, — загомонили все.

— Ну и отлично. Тем более что остались уже только современники. Итак, где-то с середины пятидесятых годов нашего столетия в исторической науке снова стала все отчетливее звучать мысль о причастности Годунова к убийству царевича. Эта точка зрения была высказана в таких фундаментальных многотомных трудах, как «Очерки истории СССР» и «История СССР», учеными И. И. Смирновым и В. И. Корецким, которые разделили взгляд С. М. Соловьева на обстоятельство смерти царевича Димитрия. Но значит ли это, что дискуссия закончилась?

Учитель поглядел на ребят. Несмотря на утомительный день и затянувшуюся лекцию, они слушали очень внимательно.

— Нет, нет и нет! Ленинградский профессор Руслан Скрынников, автор целого ряда ярких, интересных работ о Смутном времени, вновь вернулся к мысли, что смерть Димитрия была случайной и что угличское следствие отразило истинное положение дел. Он пишет в книге «Борис Годунов»: «Существует мнение, что Годунов направил в Углич преданных людей, которые заботились не о выяснении истины, а о том, чтобы заглушить молву о насильственной смерти угличского князя. Такое мнение не учитывает ряда важных обстоятельств. Следствием в Угличе руководил князь Шуйский, едва ли не самый умный и изворотливый противник Бориса. Один его брат, как мы помним, был убит повелением Годунова, другой погиб в монастыре. Сам Василий Шуйский провел несколько лет в ссылке, из которой вернулся незадолго до событий в Угличе. Инициатива назначения Шуйского принадлежала скорее всего боярской думе. Исследователей смущало то, что Шуйский несколько раз менял свои показания. Сначала он клялся, будто смерть Димитрия была случайной, затем стал говорить о его убийстве. Подобные изменения в показаниях заслуживали бы внимания, если бы Шуйский выступал свидетелем обвинения. Между тем Шуйский был следователем, притом он вел следствие не единолично. Церковное руководство направило для надзора за его деятельностью митрополита Геласия. В состав комиссии Шуйского входили также окольничий Клешнин и думный дьяк Вылузгин. Клешнин поддерживал дружбу с Годуновым, но, кроме того, он был зятем «героя» угличской истории Григория Нагого. Вылузгин руководил Поместным приказом и среди приказных чиновников занимал одно из первых мест. В Угличе он имел в своем распоряжении штат подьячих. На них и лежала вся практическая организация следствия. Члены комиссии придерживались различной политической ориентации. Каждый из них зорко следил за действиями «товарища» и готов был использовать любую его оплошность».

— Что, убедительно? — начал наступать на товарищей Игорь. — Камня на камне от вашего Соловьева не оставляет.

— Меня он не убедил, — мрачно возразил Борис.

— Почему? — удивился Игорь.

— Когда в перспективе следователям угрожала пла-

ха за оплошность, думаю, что ориентация должна была быть одна — выгородить Бориса.

— А боярская дума? — возразил живо Игорь. — Как вы считаете, Максим Иванович?

— Я могу ответить словами известного современного историка Александра Александровича Зимина, который в заключение своей одной из последних работ «Смерть царевича Димитрия и Борис Годунов», подводя итоги всей дискуссии, сказал: «Как видно, сохранившиеся источники не позволяют однозначно установить, что же произошло на «заднем дворе» углицкого двора 15 мая 1591 года».

— Как жаль, Максим Иванович, значит, нам бесполезно заниматься этим делом? — упавшим голосом спросила Лариса.

— А у меня есть предложение! — вдруг весело сказал Андрей. — И подсказал мне его не кто иной, как сам Белинский. Вот послушайте, что он пишет: «Из наших слов, впрочем, отнюдь не следует, чтоб мы прямо и решительно оправдывали Годунова от всякого участия в этом преступлении. Нет, мы в криминально-историческом процессе Годунова видим совершенную недостаточность доказательств за и против Годунова. Суд истории должен быть осторожен и беспристрастен, как суд присяжных по уголовным делам». Ну как, поняли?

— Ничего не поняли! — честно признался Борис.

— Эх, ты! Вундеркинд! — засмеялся Андрей. — Суд!

— Что «суд»?

— Я предлагаю провести суд над Борисом Годуновым по всем правилам. Понял? Я, чур, буду обвинителем! Как, Максим Иванович?

— Занятно, — осторожно заметил тот. — Тем более что прецедент был.

— Какой еще прецедент? — уязвленно поинтересовался Андрей.

— В двадцатые годы модно было устраивать общественные суды. Над Евгением Онегиным устраивали.

— Что же, тогда я буду защитником! — заявил Игорь. — Я на стороне профессора Скрынникова.

— Идет, — сказал весело Максим Иванович. — Даю согласие быть судьей.

— А я кто? — спросила Лариса, включаясь в игру.
— А вы с Борькой, — ответил Андрей, — «господа присяжные заседатели». Будешь протокол вести, идет?

НА СКАМЬЕ ПОДСУДИМЫХ — БОРИС ГОДУНОВ

Первое заседание «суда» состоялось через две недели, на даче Максима Ивановича в Малаховке.

Все это время ребята, заинтересовавшись загадкой гибели царевича Димитрия, усердно читали предложенные Максимом Ивановичем исторические книги о Борисе Годунове, об угличском деле, о Смутном времени. Однако к единодушному мнению так и не пришли. Вот и сейчас, несмотря на тихое солнечное утро, располагающее к благодушию, они, сидя на открытой веранде, ожесточенно продолжали спорить.

— Прошу, товарищи, по местам! — наконец строго сказал Максим Иванович, занимая место в центре стола. — Слушается дело Годунова Бориса Федоровича по обвинению его в убийстве малолетнего Дмитрия Ивановича Рюриковича. Я думаю, что первое наше заседание мы должны посвятить вопросу выяснения личности обвиняемого. Мы имеем замечательный по силе психологический портрет Годунова, нарисованный гениальным поэтом. Помните, конечно:

Достиг я высшей власти;
Шестой уж год я царствую спокойно.
Но счастья нет моей душе. Не так ли
Мы смолоду влюбляемся и алчем
Утех любви, но только утолим
Сердечный глад мгновенным обладаньем,
Уж, охладев, скучаем и томимся?..
Напрасно мне кудесники сулят
Дни долгие, дни власти безмятежной —
Ни власть, ни жизнь меня не веселят;
Предчувствую небесный гром и горе.
Мне счастья нет. Я думал свой народ
В довольствии, во славе успокоить,
Щедротами любовь его снискать —
Но отложил пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна,
Они любить умеют только мертвых.
Безумны мы, когда народный плеск
Иль ярый вопль тревожит сердце наше!
Бог посылал на нашу землю глад,
Народ завыл, в мученьях погибая;

Я отворил им житницы, я злато
Рассыпал им, я им искал работы —
Они ж меня, беснуясь, проклинали!
Пожарный огнь их домы истребил,
Я выстроил им новые жилища.
Они ж меня пожаром упрекали!
Вот черни суд: ищи ж ее любви.
В семье моей я мнил найти отраду,
Я дочь мою мнил осчастливить браком —
Как буря, смерть уносит жениха...
И тут молва лукаво нарекает
Виновником дочернего вдовства
Меня, меня, несчастного отца!..
Кто ни умрет, я всех убийца тайный:
Я ускорил Феодора кончину,
Я отравил свою сестру царицу,
Монахиню смиренную... все я!
Ах! чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто.... едина разве совесть.
Так, здравая, она восторжествует
Над злобою, над темной клеветою. —
Но если в ней единое пятно,
Единое, случайно завелося,
Тогда — беда! как язвой моровой
Душа сгорит, нальется сердце ядом,
Как молотком стучит в ушах упрек,
И все тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.

Максим Иванович прочел монолог Годунова с истинным вдохновением, и ребята не жалели своих ладоней. Он несколько театрально раскланялся, потом стал снова сух и официален:

— Наше сегодняшнее заседание должно выяснить, насколько этот портрет соответствовал реальным фактам биографии подсудимого. Иначе говоря, мы должны будем ответить на два вопроса. Первый: мог или не мог Годунов стать детоубийцей? И второй: являлось ли такое убийство для него необходимым? Слово предоставляется обвинителю. Защитник и присяжные заседатели, будьте внимательны!

Андрей поднялся, подошел к импровизированной трибуне, сооруженной из двух стульев, поставленных друг на друга, положил перед собой пухлую клеенчатую тетрадь и, солидно откашлявшись в кулак, начал:

— Товарищ судья! Товарищи заседатели! С позволения сказать, товарищ защитник!

— Обвинитель, не ерничайте, — строго заметил судья под смешок присутствующих.

— Чтобы понять, как формировалась личность Годунова, мы должны в первую очередь обратиться к его биографии, — уже серьезно продолжил Андрей. — Вы помните, Шуйский у Пушкина говорит об обвиняемом так: «вчерашний раб, татарин, зять Малюты...» Из трех эпитетов верен только третий. Ни татарами, ни рабами предки Годунова не были. Легенда о том, что родоначальником этого рода был татарский мурза (князь) Чет, родилась в Ипатьевском монастыре, где находилась усыпальница Годуновых. На самом деле и отец, и дядя Бориса совместно владели небольшой вотчиной в Костроме и относились к числу «худородных» дворян. Борис, родившийся в 1552 году, и его младшая сестра Ирина рано остались сиротами и воспитывались у дяди, Дмитрия Годунова. Благодаря опричнине, открывшей двери царского дворца мелкопоместным дворянам, Дмитрий Годунов неожиданно сделал головокружительную карьеру, заняв должность главы Постельного приказа. Постельный приказ занимался царским бытом, ему подчинялись десятки мастерских, изготовлявших предметы царского гардероба. Одновременно постельничий заботился о повседневной безопасности первой семьи государства. Ему подчинялась дворцовая охрана. С вечера он лично обходил внутренние дворцовые караулы, после чего укладывался с царем «в одном покою вместе». Дмитрий Годунов находился в дружеских отношениях с Малютой Скуратовым. Эти отношения были закреплены браком между племянником Годунова Борисом с дочерью Малюты. Едва достигнув совершеннолетия, Борис получил первый придворный чин — стряпчего. В его обязанности согласно росписи придворных чинов входило следующее: «Как государь разбирается и убирается, повинны (стряпчие) с постельничими платейцо у государя принимать и подавать».

— Ничего не скажешь, крайне сложная обязанность — «платейцо» подавать! — фыркнула Лариса. — Только для развития государственного ума.

Андрей, однако, невозмутимо продолжал:

— Формирование характера юноши шло на фоне непрерывных пыток и казней, дворцовых интриг, разгульных царских пиров и монашеских бдений. Угодливость, хитрость, изворотливость, умение держать язык за зу-

бами — только такие качества могли обеспечить успех на службе царю, который рубил головы направо и налево. Когда практически все вожди опричнины были уничтожены, Годуновы по-прежнему оставались у трона. Их положение еще больше укрепилось, когда им удалось сосватать Ирину Годунову за младшего сына царя — Федора. Грозный настолько им доверял, что на время своих походов оставлял Федора на попечение Годуновых. В конце концов царь возвел Дмитрия и Бориса Годуновых в боярское достоинство.

Их шансы неизмеримо выросли, когда скоропостижно скончался старший сын Грозного. Однако именно это обстоятельство в дальнейшем послужило основой конфликта между царем и Борисом Годуновым.

— Это что за парадокс? — удивился Игорь.

— Дело в том, что Ирина, жена Федора, была бездетной, — начал пояснять Андрей. — Пока был жив старший сын, это вполне устраивало царя. Но когда Федор остался единственным наследником, Грозный заволновался и решил развести младшего сына, Федор, успевший привязаться к Ирине, воспротивился. Противился всеми силами этому и Борис Годунов, что вызвало гнев Грозного. Но, памятуя о трагической гибели старшего сына, он не решился на крутые меры.

Не питая иллюзий насчет способности Федора к управлению государством, Грозный поступил так, как поступали московские князья, оставляя трон малолетним наследникам, — он вверил сына и его семью попечению думных людей, имена которых назвал в своем завещании. Это были князья Иван Мстиславский и Иван Шуйский, дядя Федора, боярин Никита Романов-Юрьев и от «худородных» только Богдан Бельский. Ни Годунов, ни Афанасий Нагой, в последние годы также приблизившийся к царю, в совет не вошли. Причина была ясной — Грозный опасался, что Борис Годунов будет препятствовать разводу Федора с бесплодной Ириной, а Нагой постарается посадить на трон своего внучатого племянника, царевича Дмитрия.

Казалось, надежды Годунова стать первым человеком в государстве рухнули. Но именно в это время он и начал проявлять свой характер... — Андрей многозначительно обвел взглядом присутствующих. — Через несколько дней Богдан Бельский попытался с помощью верных стрельцов свершить дворцовый переворот, чтобы

отстранить от руководства знатных Мстиславских и Шуйского и вернуть порядки опричнины. За спиной Бельского, безусловно, маячила фигура Годунова. Но заговор не удался — московский люд, ненавидевший опричников, окружил Кремль, потребовал выдачи Бельского. Царь вынужден был отправить его в ссылку. Народ требовал удаления из столицы и Годунова. Борису пришлось срочно отмежевываться от свояка. Смещение Бельского пошло Борису на пользу: 31 мая, в день коронации Федора, он получил чин конюшего, один из главнейших постов при дворе. Невольно напрашивается мысль, а не спровоцировал ли Годунов выступление своего свояка, поспешив затем предать его?

Поднял руку Борис:

— Товарищ председатель, можно добавить? Обвинитель показывает, что это был первый случай устранения Годуновым соперника. На самом деле он с помощью интриг убирал соперников еще при жизни Грозного. Мы знаем факт, когда Иван посадил на кол своего любимчика Бориса Тулупова, а его поместье за некое «бесчестье» получил Борис Годунов, явившийся, видимо, автором доноса.

Максим Иванович согласно кивнул головой:

— Дополнение принимается.

Тут не выдержал Игорь:

— Защита протестует. Ради объективности следует отметить, что Годунов, как только Грозный умер, поспешил избавиться от неправедно нажитого имения. С благословения нового царя он передал тулуповскую вотчину в монастырь.

— Это только подтверждает, что совесть Годунова была нечиста! — парировал Борис.

— Прошу больше не прерывать обвинителя! — строго сказал Максим Иванович. — Когда он выскажется, каждый может взять слово.

— В день коронации Федора произошел незначительный эпизод, произведший, однако, колоссальное впечатление на современников, — продолжил Андрей. — Во время долгой и утомительной церемонии венчания Федор, хилый и слабый от рождения, устав, неожиданно снял с себя и передал Мстиславскому шапку Мономаха, а Борису Годунову — тяжелое золотое яблоко, олицетворявшее державу. Не тогда ли в голову Годунова, бывшего человеком крайне суеверным, запала мысль

о возможности со временем сменить на престоле Федора? Во всяком случае, в средствах для достижения этой цели он не стеснялся.

Наш председатель суда задал вопрос, — обернулся Андрей к Максиму Ивановичу, — мог или не мог Борис Годунов в силу своих моральных качеств пойти на преступление, приказать убить царевича Дмитрия? Весь его путь к престолу безоговорочно подтверждает, что мог. Приведу конкретные факты. После отставки Бельского Годунов заключает союз с двумя самыми значительными лицами из окружения царя — с боярином Никитой Романовым, являвшимся регентом, и главным дьяком думы Андреем Щелкаловым. Романову, тяжело заболевшему, он дал страшную клятву «соблюсти» его семью и почитать за братьев его детей, а безродного дьяка Щелкалова Борис публично называл своим отцом.

С помощью Щелкалова Годунову удается расправиться с Петром Головиным, который, опираясь на Мстиславского и Шуйского, вел себя с царским шурином дерзко и неуважительно. Годунов обвинил Головина, возглавлявшего Казенный приказ, в столь крупных хищениях, что боярский суд вынужден был приговорить его к смертной казни. Казнь в последний момент отменили, Головина сослали в тюрьму, в Казанский край, где он вскоре был тайно умерщвлен любимцем Годунова Иваном Воейковым.

Вскоре Годунов расправляется с главой боярской думы Иваном Мстиславским. Распустив слух, будто тот собирался убить его на пиру у себя дома, Борис добивается заточения князя в Кирилловом монастыре.

Затем следует расправа над духовными лицами, попытавшимися развести царя с бесплодной царицей. Митрополит Дионисий и архиепископ Варлаам Пушкин были заточены в монастыри. В конце восьмидесятых годов настал черед Шуйских — князь Иван по приказу Годунова был задушен угарным газом, а князя Андрея умертвили в тюрьме. В это же время под арестом находились Афанасий Нагой и сын его Петр. У ливонской королевы Марии Старицкой, родственницы Марии Нагой, были конфискованы владения, она с малолетней дочерью была удалена в монастырь. Ограничили в правах и царицу Марию Нагую, подчинив угличское удельное княжество московской администрации. У бывшего царя

Симеона Бекбулатовича был отнят титул великого князя Тверского и удел.

После гибели царевича Дмитрия Борис расправился, забыв о прежних клятвах, и со своими ближайшими сподвижниками. В 1594 году был снят со всех постов думный дьяк Андрей Щелкалов. Свидетель его отставки дьяк Иван Тимофеев писал, что Борис «угрыз» Щелкалова зубами «аки зверь», и тот скончался в «бесчестном житии». Позднее, уже став царем, Годунов расправился и с Романовыми. Обвинив их в колдовстве и покушении на жизнь царя, Годунов отдал приказ Федора Романова постричь в монахи и заточить в монастырь, а троих младших братьев отправил в ссылку, где они вскоре умерли.

Список кровавых злодеяний и клятвопреступлений Годунова, — резюмировал Андрей, — можно было бы продолжить, но я думаю, что и так неоспоримо, что он мог без колебаний отдать приказ об убиении царевича Дмитрия.

Чтоб окончательно убедить вас в этом, прошу взглянуть на его портрет того времени, — добавил Андрей, показывая репродукцию из книги. — Вот видите: большие, продолговатой формы глаза смотрят недобро, массивный нос хищно заострен книзу, припухшие губы под щеголеватыми усиками плотно сжаты, как у человека недоверчивого, подбородок небольшой, но твердо очерченный, говорит о волевом, но неустойчивом характере, царская одежда ему явно велика, будто с чужого плеча. Хотел этого художник или нет, но он показал нам настоящего злодея!

— Есть ли возражения у защиты? — спросил Максим Иванович. — Пожалуйста.

Игорь вскочил с места:

— Речь обвинителя носит явно субъективный характер. Даже на портрете злодея увидел. А вот посмотри на его другой портрет, — он показал еще одну репродукцию из той же книги о Борисе Годунове, — здесь он благообразен, глаза излучают теплоту, лицо окрашено легкой отеческой улыбкой. Что, съел?

— Попрошу без личных выпадов, — решительно погасил его эмоциональный накал Максим Иванович. — И вообще, перед тем как дать слово защите, объявляю перерыв. Поостыньте немного!

Все вышли в сад. Борис с Андреем стали играть в

настольный теннис, а Игорь сел в сторонке и отвернулся.

— Ты что, обиделся? — спросила его Лариса.

Он посмотрел в ее сторону, но промолчал.

— Разве так можно? — продолжала увещевать его Лариса. — Ведь еще древние говорили, что истина рождается в споре.

Борис расхохотался.

— Ты чего, не согласен?

— Ларочка! Живу на свете восемнадцать лет, но ни разу не наблюдал, чтобы истина рождалась в споре. Синяки — да! Плохие отношения — сколько угодно. Но чтобы истина...

Увлекшись, он прозевал подачу Андрея. Достав улетевший в траву целлулоидный шарик, продолжал:

— Как правило, спорящие всегда остаются при своем мнении.

— Так, значит, наше заседание бесполезно? — спросил его с лукавинкой Максим Иванович.

— Нет, почему же! — ответил Борис. — Я думаю, что мы найдем истину. Но искать ее надо не с помощью амбиций, а с помощью доказательств.

Это был камушек в огород Игоря. Во всяком случае, тот покраснел и запальчиво кинул:

— Андрей, по-моему, тоже достаточно субъективен. Может, только более сдержан, так это уже черта характера!

Андрей с превосходством взглянул на соперника.

— Быть тебе сегодня битым, Игорек!

Тот даже вскочил.

— Почему?

— Юпитер, ты сердишься, значит, ты не прав!

Игорь состроил холодное лицо и ледяным голосом заявил:

— К барьеру! Нас рассудит история!

Все засмеялись, и Игорь в том числе. В чувстве юмора ему не откажешь. Максим Иванович сказал:

— Действительно, перемена кончилась. Прошу обратно на веранду!

— Итак, предоставляю слово защите! — объявил он, когда все снова уселись на веранде.

МУДРЫЙ ПРАВИТЕЛЬ

— Начну с сухих исторических фактов, — официальным тоном произнес Игорь. — Так вот, по свидетельству многих современников, Борис Годунов вовсе не был злодеем из какой-нибудь шекспировской трагедии, а совсем напротив — весьма гуманным правителем, сочувствующим бедствиям народа.

— Слушайте, слушайте! — иронически воскликнул Андрей.

— Обвинитель, помолчите. Вас же не прерывали! — строго заметил Максим Иванович.

— Дословно приведу одно высказывание о Годунове, — невозмутимо продолжал Игорь. — «Он цвел благолепием, видом и умом всех людей превзошел; муж чудный и сладкоречивый, много устроил он в Русском государстве достохвальных вещей, ненавидел мздоимство, старался искоренять разбои, воровство, корчемство, но не мог искоренить; был он светлодушен и милостив и лицелюб; но в военном деле неискусен. Цвел он, как финик, листвием добродетели, если бы терн завистной злобы не помрачал цвета его добродетели, то мог бы древним царям уподобиться. От клеветников извести на невинных в ярости суетно принимал и поэтому навел на себя негодование чиноначальников всей Русской земли: отсюда много ненастных зол на него восстали и доброцветарную царево его красоту внезапно низложили...»

— Подхалимы, — фыркнул Андрей.

— Ничего подобного, — живо возразил Игорь. — Я привел высказывание англичанина Флетчера, от Годунова не зависящего. А вспомните, как человеколюбиво вел себя Борис во время страшного трехлетнего голода в 1601—1603 годах! Аграрная катастрофа в целом ряде областей Европы, в том числе и в России, явилась следствием самого резкого похолодания, какое было за последнее тысячелетие. Если обычно урожайные и неурожайные годы чередуются, что позволяло крестьянам компенсировать потери из следующего урожая, то два подряд неурожайных года вели к голоду. На этот же раз случилось подряд три неурожайных года. Исчерпав все запасы продовольствия, голодающие принялись за кошек и собак, ели траву, липовую кору. Только в Москве, по подсчетам современников, погибло 120 тысяч че-

ловек, а в целом царство Московское вымерло на треть. Годунов уже в первый неурожайный год начал предпринимать энергичные меры для предотвращения голода. С целью борьбы со спекуляцией он ввел в городах твердые цены на хлеб, вдвое ниже по сравнению с рыночными. Скупщиков хлеба приказано было бить кнутом, а за возобновление спекуляций сажать в тюрьму. Когда морозы погубили на корню урожай 1602 года и голод приобрел характер всеобщего бедствия, Борис велел раздавать нуждающимся деньги. Так, в Смоленск было отправлено 20 тысяч рублей, еще больше раздавалось денег в Москве, что, правда, привело к еще худшим последствиям. Весь голодный люд хлынул в столицу, в результате деньги начали катастрофически обесцениваться. Казенная копейка уже не могла пропитать семью и даже одного человека. Тогда Борис провел розыск хлебных запасов по всему государству и приказал продавать народу зерно из царских житниц. Но, к сожалению, запасы кончились очень быстро, поскольку ни монастыри, ни бояре не поддержали гуманного царя, не пожелав расстаться со своими хлебными запасами.

— А почему ты считаешь, что Годуновым руководило именно человеколюбие? — ехидно осведомился у Игоря Борис.

— И ты, друг! — не сдержал тот своего негодования. — Ты ведь вроде симпатизировал своему тезке?

— Я и сейчас не отрицаю, что считаю Годунова умным и проницательным человеком, умелым правителем, — сказал Борис. — Думаю, что именно в силу этих качеств, а вовсе не из человеколюбия, он и пытался организовать помощь голодающим. Ведь разорение крестьян, мелкопоместного дворянства — это ослабление мощи всего государства. Так что не о людях он заботился, а о государстве в целом!

— Точно Борис сказал, — поддержал его Андрей. — А все эти раздачи милостыни нищим, богомолье — сплошная показуха.

Игорь посмотрел на Максима Ивановича в поисках защиты. Но, похоже, что и он не собирался его выгораживать. Прищурив левый глаз, он с хитрым видом спросил:

— А не задумывался ли наш уважаемый защитник, почему так охотно людская молва приписывала Борису

Годунову любое преступление, действительно совершенное или даже выдуманное?

— Потому что бояре пытались всячески очернить Годунова! — уверенно ответил Игорь.

Максим Иванович покачал головой.

— Вы не согласны? — удивился Игорь.

— Я не о том спрашиваю. Клеветали и на других правителей. Но народ не всегда верил, причем с такой охотой.

Молодой историк пожал плечами:

— Не знаю. А вы что думаете сами, Максим Иванович?

— Я предполагаю, что в исторической памяти народа Борис Годунов остался как злодей не потому, что он расправлялся с соперниками. Это делали все «благородные» цари да князья и до него, и после. Самое главное, за что он был проклят в памяти «бедных людишек», то есть абсолютного народного большинства, это отмена Юрьева дня, приведшая к полному закрепощению крестьян. Хотя эти действия производились именем царя Федора Иоанновича, все отлично понимали, что инициатива исходит от Бориса Годунова, который искал популярности и поддержки у широких слоев среднего дворянства. Если человек, не дрогнув, мог лишить свободы миллионы людей, то чего уж говорить о каких-то частностях? Злодей, он и есть злодей!

Максим Иванович говорил таким тоном, что ребята не могли понять, шутит он или говорит всерьез.

— Хорошо, — насупился Игорь, — раз вы все на меня навалились, допускаю, что Годунов, как дитя своего века, мог, подобно другим, расправляться со своими соперниками не совсем по-джентльменски, мог приказать убрать царевича Димитрия. Но возникает другой вопрос, о котором сказал Максим Иванович в начале заседания: а зачем Годунову нужно было убирать Димитрия? Ведь для этого нужна хоть какая-то причина. Если мы внимательно посмотрим, то убедимся, что необходимости в убийстве царевича не было.

— Факты, давай факты! — перебил его Андрей.

— Пожалуйста, не буду голословным, — согласился Игорь. — К 1591 году Борис Годунов достиг полного могущества. Последних соперников — Шуйских он разослал по тюрьмам, а частично и умертвил еще в 1589 году. Богатство Годунова становится поистине ска-

зочным. Он добивается таких доходов, каких не имел ни один удельный князь. Согласно сведениям, опубликованным англичанином Горсеем в 1589 году, Годуновы получали 175 тысяч рублей ежегодно и могли выставить в поле 100 тысяч вооруженных воинов. Он присвоил себе множество пышных титулов. Кроме конюшего, он носил звание «царского слуги» — высшего титула в Российском государстве. Королева Елизавета в своих письмах называла его «пресветлым княже и любимым кузеном», братья австрийского императора адресовали письма «наивысшему тайному думному всея Руские земли, навышнему моршалку тому светлейшему». В такой ситуации малолетний угличский князь никак не мешал могущественному правителю, напротив, его убийство могло повредить репутации Бориса, что и случилось на самом деле. Я категорически утверждаю, что у Годунова не могло и не должно было быть намерений убить Димитрия! Я кончил!

Игорь сел на свое место, с торжеством оглядывая оппонентов. Действительно, такое не опровергнешь!

— Есть ли что сказать обвинителю? — бесстрастно задал вопрос Максим Иванович, видимо, убежденный его доводами.

— Представьте себе, что есть! — с вызовом ответил Андрей. — Защитник взял 1591 год, так сказать, в статике, в отрыве от тех событий, что происходили ранее. Поэтому у него и получилось все так гладко и убедительно. На самом деле Борис Годунов находился в постоянном тревожном напряжении, даже когда достиг расцвета своего могущества. Вспомните, что с момента воцарения Федора все усилия Годунова шли по двум направлениям — с одной стороны, сохранить положение главного лица в государстве, а с другой стороны — не дать рухнуть трону. Эта вторая сторона — сохранение династии Федора — иногда ускользает от внимания историков. И ведь Годунов делал все возможное, однако все его предприятия проваливались.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Игорь настороженно. — Какие-то туманные намеки...

— Пожалуйста, — с готовностью отозвался Андрей. — Годунов хорошо знал болезненное состояние царя и отлично понимал, что с его смертью в случае, если он не оставит наследника, трон перейдет к Дмитрию.

Царица Ирина часто, но неудачно была беременна. Что делает Годунов в такой ситуации?

Андрей сделал эффектную паузу.

— Интересно! — сказала Лариса.

— Его поступок показывает нам, что Годунов был человек умный и без предрассудков, — продолжил Андрей. — Через своего агента, англичанина Джерома Горсея, он обратился к королеве Елизавете с просьбой прислать доктора и опытную акушерку. Просьба была выполнена, однако «дохторица» сделала вынужденную остановку в Вологде, поскольку весть о ее приезде получила преждевременную огласку. Обращение к «иноверцам» и «еретикам» привело в неистовство бояр и едва не погубило Бориса. Он сделал вид, что впервые слышит об английской акушерке, и также выразил возмущение. «Дохторица» год прожила в Вологде и вынуждена была вернуться в Англию.

Постигшая неудача не останавливает Годунова. Он начинает вести тайные переговоры с австрийским двором, предложив обсудить вопрос возможности брака царицы Ирины с одним из австрийских принцев в случае смерти Федора. Переговоры, однако, вскоре расстроились из-за польского посла, узнавшего о них и поспешившего донести Федору. Скандал разразился ужасный, говорят, что обычно кроткий царь на этот раз в ярости бил своего шурина посохом. Однако позднее, в 1588 году, расправившись с боярами, Годунов вновь начинает вести переговоры с австрийцами. Он заинтересовывает их сообщением, что якобы в завещании Ивана Грозного есть распоряжение относительно Габсбургов. Из Вены прибывает посол Варкоч, чтобы выяснить, соответствует ли это действительности. После упорной разведки Варкоч узнает, что Годунов уничтожил завещание, а дьяк Савва Фролов, которому царь диктовал свое завещание, скоропостижно скончался. Почему Годунов пошел на это страшное по тем временам преступление? Причина только одна — в завещании говорилось, что в случае смерти Федора престол переходит к Дмитрию.

Угличский принц тем временем подрастает. Годунову докладывают о его детских забавах. Он лепит снежные фигуры и называет их именами ближних бояр. Затем своей сабелькой лихо рубит им головы, приговаривая:

«Это Мстиславский, это Годунов». А что будет, когда царевич подрастет?

По всем церквам рассылается царский указ, запрещающий упоминать на богослужениях имя Дмитрия на том основании, что зачат он в седьмом браке и является незаконнорожденным. Но Годунов отлично понимает эфемерность такого шага — ведь в Дмитрии течет царская кровь, и если Федор умрет, он будет первым претендентом на престол.

Годунов предпринимает еще одну отчаянную попытку. В переписке литовского канцлера Сапеги имеется рассказ шляхтича, который нес пограничную службу и беседовал через границу с русской стражей. Московиты сообщили знакомому литвину следующее: «Царица Ирина родила дочку. Но Годуновы, будучи недовольны, тайком взяли новорожденного сына у жены стрельца и положили на место дочери. Один из сторонников Годуновых, знавший об этом, выдал их как младшему князю Дмитрию, так и другим боярам. Потом это сообщили самому государю. За эти провинности своей жены государь приказал постричь ее в монахини. Боясь, что и с ними поступят так же, Годуновы, вероятно, как говорит стража, покололи самого государя». Вскоре появляются новые захватывающие подробности. В своем письме литовский подканцлер Барановский сообщал польскому послу в Риме, что, когда царь Федор уехал из Москвы на богомолье в монастырь, царица забеременела от кого-то другого, за что Федор хотел ее постричь в монахини. Брат царицы Борис Годунов из-за сестры поспорил с Федором. В споре царь ударил шурина посохом, и тот несколько раз пырнул его ножом. Здоровье царя плохое. Некоторые утверждают, будто великая княгиня хотела отравить мужа, опасаясь, что ее постригут в черницы.

— Это же сплетни бояр, — возмутился Игорь. — Им не удалось свалить Бориса, так они пустили в ход клевету.

— Возможно, — не стал спорить Андрей. — Во всяком случае, о спокойствии при дворе и о всемогуществе Годунова говорить было рано. Не случайно тот же Варкоч писал в Вену в 1589 году: «Случись что с великим князем, против Бориса снова поднимут голову его противники... а если он и тогда захочет строить из себя господина, то вряд ли ему это удастся». Хорошо это по-

нимал и Борис. И вот в начале 1590 года в Углич направляется быстро делающий карьеру дьяк Битяговский с сыном и племянником, которым предстоит сыграть зловещую роль...

— Почему же, если верить твоей логике, Димитрий убит именно в 1591 году, а не ранее? — воскликнул Игорь.

— Раньше у Бориса были связаны руки Шуйскими, — парировал Андрей, — а вот позже... Если бы Димитрий не погиб в 1591 году, та же участь ждала бы его позднее.

— Это интересно! — воскликнул Максим Иванович. — Нельзя ли поподробнее?

— Пожалуйста! — не смутился Андрей. — Мы знаем, что через год после смерти Димитрия у Федора все же родилась дочь Феодосия. Но обычаи были таковы, что женщина не имела права править самостоятельно. Поэтому Годунов начал хлопотать, чтобы выдать ее замуж за одного из австрийских принцев. Но опять его планы не состоялись — Феодосия умерла в двухлетнем возрасте. Если бы тогда был жив Димитрий, шансы бы его вновь возросли и Годунову пришлось бы его убрать...

— Если бы да кабы, — иронически протянул Игорь. — История наука точная — либо было, либо нет!

— Да, Годунову просто фатально не везло с его планами связать русский престол с каким-нибудь из королевских домов Европы, — заметил Максим Иванович. — Позднее, чтобы укрепиться на престоле, он решил дочь свою Ксению выдать замуж за датского принца. Тот уже приехал в Москву, а потом неожиданно взял и умер! Простите, это уже я нарушил порядок заседания. Так, уважаемый обвинитель, ваше резюме?

— Я настаиваю на том, что Годунов должен был уничтожить Димитрия. В подкрепление приведу высказывание профессора Скрынникова, столь любимого нашим защитником:

«Удельные князья были крамольниками по самому своему положению. Московская история почти не знала случаев их ненасильственной смерти, особенно при смене лиц на троне». Так что у Бориса просто не было другого выхода.

— Значит, ты утверждаешь, что царевич был убит

по приказу Бориса? — спросил Игорь с расстановкой.

— А вот этого я как раз и не утверждаю, — поспешно отозвался он. — Это должен решить наш уважаемый суд!

И Андрей церемонно раскланялся.

— Хитрец! — рассмеялся Максим Иванович. — Значит, снимаешь с себя ответственность?

— Ну почему же! — смутился Андрей. — Я готов бороться за свою версию.

— Да, кстати, — заметил Максим Иванович. — Мы должны определиться, кто из вас будет отстаивать одну из имеющихся трех версий. Как я понимаю, Андрей будет доказывать, что царевич был убит, а Игорь...

— Что Дмитрий «покололся ножом сам и оттого и умер», — подхватил Игорь.

— Ну а мне остается третья, самая зыбкая версия, — усмехнулся Борис, — о том, что «царевич спасся от убийц».

НА РАСКОПКАХ

Следующее заседание суда Максим Иванович предложил провести через две недели. Но двух недель оказалось мало, чтобы прочесть хотя бы нужные работы. К тому же у Игоря и Андрея началась сессия, Борис сдавал государственные экзамены в своем училище, Лариса уволилась из проводниц и вплотную приступила сначала к подготовке, а затем сдаче экзаменов все в тот же институт иностранных языков. Когда Игорь сдал экзамены, Максим Иванович предложил ему поехать с ним на археологические раскопки в Рязань. Звал он и Андрея, но тот, оказывается, еще в Угличе уговорил московского следователя взять его на период следствия в качестве стажера.

Учитывая, что Игорь уже однажды побывал в экспедиции после девятого класса, Максим Иванович назначил его старшим. С ними в крытом грузовичке, везшем немудреный скарб экспедиции — палатки, кастрюли, ведра, лопаты, ножи, кисточки и прочую мелочь, ехали еще двое студентов из архитектурного института — два Володи, один черноволосый, второй — блондин. Им предстояло делать планы раскопок. Полевых рабочих решено было нанять на месте, из числа школьников.

Максим Иванович ехал в кабине грузовичка, а Игорь с Володями в кузове. Уютно откинувшись на сложенной палатке, Игорь рассказывал жадно внимавшим новичкам:

— Копать будем прямо в Рязанском кремле. Максим разрешение от горисполкома получил. Думаю, что найдем кое-что интересное. Там культурный слой знаете какой?

— Какой? — робко спросил один из Володей.

— Метра три! Значит, на такую глубину и раскоп будет. Ясно? Это еще что! А вот, помнится, в Старой Рязани мы копали, вот там слой — восемь метров.

— В Старой Рязани? Где это?

— Так вы ничего не знаете? Ведь Рязань — это вовсе не Рязань!

— Как это — не Рязань?

— А очень просто. Это был раньше Переяславль Рязанский. А Рязань находилась в другом месте. Во время нашествия Батыя ее сожгли дотла из-за сопротивления рязанцев. Поэтому Рязань была перенесена в Переяславль. Понимаете?

Володи согласно кивнули головами, хотя и поняли довольно смутно.

— Ну ладно, — милостиво сказал им Игорь, — на месте разберетесь. Давайте споем лучше!

Грузовичок въехал в ворота кремля, миновал собор и остановился у палат, где размещался краеведческий музей. Директор, вышедший встречать гостей, радушно расцеловался с Максимом Ивановичем, крепко пожал руки молодым людям и предложил располагаться в одной из пустующих административных комнат.

— Нет, нет! — упрямо замотал головой Максим Иванович. — Мы будем жить в палатках, рядом с раскопками.

За хозяйственными постройками простирался большой фруктовый сад. Здесь, прямо под яблонями, поставили две палатки. В одной разместились Максим Иванович и Игорь, во второй — два Володи. Пока ребята ставили и оборудовали внутри палатки, Максим Иванович и директор музея обошли территорию сада с древним планом в руках. Наконец Максим Иванович остановился на просторной поляне и сказал:

— Начнем здесь.

Игорь с ребятами с помощью бечевки и колышков разметили квадрат размером десять на десять метров.

— Завтра приступим! — возбужденно потирая руки, заметил Максим Иванович и, повернувшись к директору, спросил: — А школьники будут?

— Да, я договорился с нашей подшефной школой, выделили десяток ребят, самых крепких и успевающих по истории.

— Ну, ну! — довольно кивнул Максим Иванович. — С ними Игорь займется, проинструктирует, как и что. А где мы питаться будем?

— Здесь есть столовая недалеко, — ответил директор. — Обедать можно там. Ну а завтраки и ужины...

— Сварганим сами! — решительно заявил Игорь. — Мы же с собой газовую плитку на две конфорки захватили. И баллончики есть!

На следующее утро в девять ноль-ноль перед раскопом стояла шеренга дюжих девятиклассников с лопатами в руках. Перед ними, заложив руки за спину, расхаживал Игорь, произнося инструктивную речь. Невдалеке на пригорочке сидел на раскладном кресле Максим Иванович, и, кусая травинку, улыбался, потому что Игорь говорил явно с интонациями своего учителя.

— Помните, что археология — наука, требующая аккуратности и терпения. Будете копать осторожно. Спешки быть не должно. Показываю.

Он взял лопату и плавно погрузил ее на всю глубину в землю.

— Видите? Чтобы никаких усилий! Как только почувствуете малейшее препятствие, движение лопаты остановить, осторожно снять ножом землю и кричать мне. Я приду, посмотрю! Только после моего разрешения можно копать дальше. Наш раскоп разбит на десять прямоугольников, размером два на пять метров, так что у каждого есть свой персональный участок. К соседям прошу не залезать. Да, самое главное: когда снимете землю на штык по всему квадрату, поверхность надо зачистить и показать мне и Максиму Ивановичу. После нашей команды начнете снимать следующий слой. Всем ясно? Приступайте. Еще раз прошу — не спешите!

Ребята начали работу. Игорь, придирчиво глядя, постоял у каждого, затем подошел к Максиму Ивановичу:

— Как я? Доходчиво объяснил?

— Молодец! — похвалил его учитель. — Технику копания надо преподать в первую очередь. Однако...

— Что однако? — вспыхнул самолюбивый Игорь.

— А то, что одной техники мало, — ворчливо заметил Максим Иванович. — Ребята должны знать, зачем они ведут раскопки и что надо искать. Иначе...

— Что иначе?

Максим Иванович не успел ответить, потому что одновременно с двух участков раздались крики:

— Игорь! Игорь!

Игорь метнулся к раскопу.

— Что за шум?

— У меня лопата во что-то воткнулась! — с гордостью первооткрывателя сказал один из мальчишек.

— И у меня дальше не идет! — радостно заявил второй.

Игорь все понял и украдкой взглянул на Максима Ивановича. Тот откровенно хохотал, вытирая уголки глаз белоснежным платочком.

— Работайте ножами, — сухо бросил Игорь, стараясь не обращать внимания на восторженные глаза ребят, которые все побросали работу и сгрудились около счастливцев.

Через несколько минут начали хохотать все: один из ребят извлек из земли проржавевшую консервную банку, а у второго лопата запуталась в диванной пружине.

— Тихо! Продолжайте работать! — пытался утихомирить подчиненных Игорь. — Ничего смешного не вижу. Просто верхний слой — слой двадцатого столетия, и соответственно предметы материальной культуры относятся к тому же столетию.

— Погоди, Игорь, не кипятись! — сказал Максим Иванович. — Ребятки, идите сюда поближе, рассаживайтесь. Я вам тоже несколько слов хочу сказать. Ну, для начала вам вопрос: что вы думаете здесь разыскать?

— Золотую лодку! — под общий смех заявил один из ребят. — Чего ржете? Мне отец рассказывал, что рязанцы, когда поляки наступали, закопали в кремле лодку с золотом!

— Какие еще поляки? — заметил второй. — Не от поляков прятали, а от татар! И не лодку, а ладью!

Максим Иванович утихомирил спорщиков взмахом руки:

— Должен сразу вас разочаровать, дорогие ребятки, лодки с золотом мы с вами здесь не найдем. Ищем мы с вами нечто иное...

— А что же? — искренне удивился один из спорщиков.

— Цель нашей экспедиции — узнать точно, когда возник здесь город. Ведь тот кремль, который мы сейчас видим, построен лишь в семнадцатом веке. До этого он был деревянным. Вам, конечно, говорили в школе, что ваш город до 1778 года назывался Переяславлем Рязанским, то есть, если переводить со старославянского, «город, перенявший славу Рязани». Действительно, старая Рязань, находящаяся около районного центра Спасска, погибла в 1237 году, а через столетие столицей Рязанского княжества стал Переяславль. Однако когда он возник? Первое упоминание о нем относится к 1096 году...

— Ого, старше Москвы! — воскликнул кто-то из юных рязанцев.

— Возможно, — кивнул головой Максим Иванович. — Однако точную дату возникновения можем назвать только мы, археологи. Теперь понятно?

— А почему именно здесь решили копать? — спросил один из мальчишек.

— Когда мы выбирали место для раскопа, — объяснил Максим Иванович, — то исходили из того, что кремль, вероятнее всего, строился не на пустом месте, а там, где было древнее городище.

Шел день за днем. Если сначала археологам попалось еще несколько «памятников культуры» нынешнего столетия типа прогнивших сапог и ботинок, то далее пошел ровный пласт черной земли, в котором не было ничего.

— Неужели материк? — озадаченно воскликнул Игорь, сев на корточки и пересыпая землю из одной руки в другую.

— Какой материк? — тут же спросил тот мальчишка, что искал вначале лодку с золотом.

— Материк — это почва, которая идет ниже культурного слоя, — пояснил Игорь. — То есть та основа, которая была здесь до прихода людей...

Максим Иванович, присевший рядом на корточки, тоже внимательно пощупал почву и твердо сказал:

— Идем дальше. Вероятно, несколько столетий здесь

никто не жил, но, может быть, поглубже что-нибудь найдем.

Прошли еще несколько слоев. Раскоп углубился больше, чем на метр. Школьники начали терять интерес к раскопкам, уже почти машинально вонзая лопаты на штык и далеко отбрасывая землю. Неожиданно Игорь увидел в очередной летящей куче какой-то предмет.

— Стой! — закричал он страшным голосом и кинулся к этому предмету.

Тут же подбежал и Максим Иванович. Игорь осторожно извлек из земли обугленный кусок дерева.

— Это кто раскопал? — грозно спросил Максим Иванович.

— Ну, я, — пожал плечами один из подростков. — Подумаешь, головешка какая-то...

— Головешка? — Максим Иванович повысил голос от возмущения. — Как ты не понимаешь — это же остаток стены какого-то здания! Всем выйти из раскопа. Игорь, бери ножи и кисточки и за мной!

Они опустились на колени возле того места, где был обнаружен кусок дерева, и начали тщательно и очень осторожно зачищать пласт. И, о чудо, как на проявленной фотопластинке, четко обнаружился ярко выделяющийся черный след горелой земли, показывающий угол здания.

— Жилая постройка! — твердо сказал Максим Иванович.

— Почему вы так решили? — поинтересовался Игорь.

— А видишь, вот здесь — остатки печи. Если бы был просто сарай, амбар, то печи бы не было. Судя по размеру, не рядовая изба, а скорей терем.

— Но здесь только угол! — растерянно заметил Игорь. — Остальное уходит куда-то туда, за границу раскопа.

— Да, придется раскоп переориентировать, — согласился Максим Иванович. — Только пусть сначала наши художники снимут план находки.

Потом они заново разметили квадрат, копать в котором было доверено пяти самым старательным ребятам, остальным поручили просеивать всю отбрасываемую землю. Когда раскопали дом по всему периметру,

посыпались находки. В основном это были кусочки керамики.

— Подумаешь, разбитые горшки! — фыркнул кто-то из мальчишек, глядя, с каким интересом Максим Иванович и Игорь исследуют каждый кусочек.

— Что ты понимаешь! — в сердцах заметил Игорь, протирая тряпочкой очередную находку. — Ведь эти горшки, как книга, они позволяют археологу точно назвать время постройки здания. Правильно, Максим Иванович?

— Совершенно верно! — согласился учитель. — Если другие предметы были более долговечны и могли переходить из поколения в поколение, то горшки бились часто, а поскольку гончарное искусство все время развивалось, то именно черепки позволяют довольно точно датировать находки.

— Ну и к какому времени относится этот дом? — продолжал интересоваться школьник.

— Могу сказать точно, — ответил Максим Иванович, выпрямляясь и стряхивая прилипшую землю с колен. — Конец шестнадцатого — начало семнадцатого столетия.

— Смутное время! — воскликнул Игорь. — Надо же, какое совпадение!

— Какое? — не отставал настырный любитель старины.

— Мы в кружке у Максима Ивановича, — ответил Игорь, — изучаем сейчас тайну гибели царевича Дмитрия, предшествовавшей началу Смутного времени. И тут, пожалуйста...

Он уже не мог усидеть, сам взял лопату и залез в раскоп. Начал он копать в том месте, где, по их расчетам, был вход в избу. Ему сопутствовала удача — среди горелых остатков он обнаружил одну рядом в другой семнадцать круглых разноцветных бусин! После того как их протерли и положили рядышком, ожерелье ослепительно заиграло на солнце.

— Ух ты, красотища какая! — воскликнул рыжий Володя. — Дайте я попробую зарисовать.

Быстро делая набросок акварельными красками на толстом картоне, он приговаривал:

— Представляю, как это ожерелье украшало его хозяйку, этакую боярыню в кокошнике.

— Боярыню? — переспросил Игорь.

— Ну, если не боярыню, то дворянку наверняка, — подтвердил Максим Иванович. — Ведь такое ожерелье было очень дорого. Посмотри, например, на эту бусину — она сделана из венецианского стекла. И кто знает, может, ожерелье принадлежало жене или дочери самого Прокопия Ляпунова.

— Да, я ведь читал, — вспомнил Игорь, — рязанские дворяне братья Ляпуновы были значительными фигурами в период Смутного времени!

— Они были возмутителями спокойствия еще во время жизни Бориса Годунова, — усмехнулся Максим Иванович.

— Ой, Максим Иванович, расскажите, — зашумели юные рязанцы, захотевшие узнать историю своих земляков.

— Ну что ж, объявим перерыв, и расскажу, — согласился руководитель экспедиции.

Когда все расселись на травке у края раскопа, поглядывая вниз, на останки терема, Максим Иванович начал:

— Первое упоминание о братьях Ляпуновых мы встречаем в исторических документах 1584 года. Сын Грозного Федор еще не успел короноваться, как один из членов регентского совета, Богдан Бельский, попытался узурпировать власть. Игорь, ты помнишь, мы обсуждали это на заседании кружка, было предположение, что Бельский был в сговоре с Годуновым. Во всяком случае, москвичи, ворвавшиеся в Кремль и требовавшие выдачи Бельского, требовали и Годунова. В числе московской «черни» оказались и рязанские дворяне Ляпуновы, которые были после этого сосланы правительством обратно в Рязань. В 1595 году один из братьев, Захар, был по царскому указу бит батогами здесь, в Переяславле, за местнический спор с дворянином Кикиным. Я думаю, что столь суровое наказание объясняется злопамятностью Годунова. Позднее, в 1603 году, Захара Ляпунова еще раз били кнутом за сношения с казаками, которым он продавал вино и оружие.

В 1606 году, когда после убийства Лжедмитрия I царем стал Шуйский, братья Прокопий и Захар Ляпуновы возглавили борьбу дворян против правительства Шуйского, присоединившись к крестьянскому восстанию под руководством Петра Болотникова. Когда Ляпуновы поняли, что Болотников борется против бояр и дво-

рян, они перекинулись на сторону Шуйского, за что получили чины думных дворян. Однако недолго братья сохраняют верность престарелому царю — в 1610 году они встают во главе заговора против Шуйского, и именно Захар Ляпунов насильно постриг старого интригана в монахи.

— Да, круг замкнулся! — философски заметил Игорь.

— Что ты имел в виду? — спросил черный Володя.

— Да то, что представитель Рязани замкнул последнее звено в угличском деле! — ответил Игорь. — Именно от руки рязанца старый интриган понес заслуженное наказание.

— Однако другой брат, Прокопий Ляпунов, оставил более значительный след в истории, — заметил Максим Иванович. — По описаниям современников, это был красивый, мужественный человек, обладавший недюжинным воинским талантом. Именно он спустя полгода, в январе 1611 года, возглавил первое ополчение против польских интервентов и в союзе с казаками подошел вплотную к стенам Москвы. Но опять классовая вражда привела его к разрыву с казаками. Он начинает переговоры с боярами, засевшими в Кремле. Тогда казаки хитростью заманили Ляпунова в свой стан и зарубили его саблями.

— И вы думаете, перед нами терем Ляпунова? — воскликнул один из мальчишек.

— Вполне может быть, — улыбнулся Максим Иванович.

— А почему же он сгорел?

— У Ляпуновых было много недругов. Поджечь могли и казаки, и польские интервенты...

ВЕРСИЯ ПЕРВАЯ: «ПОКОЛОЛСЯ НОЖОМ САМ И ОТТОГО И УМЕР»

На следующее утро Максим Иванович отправился на местный почтамт, чтобы позвонить в Москву, в редакцию своего журнала.

— Должны гранки моей статьи прийти, — объяснил он Игорю, оставляя его за командира. — Попрошу, чтобы подослали сюда.

Вернулся он часа через два, таинственно улыбаясь.

— Завтра у нас суббота. Объявляю выходной день.

А ребятам скажи, пусть приходят завтра вечером, устроим праздничный костер.

Наутро Игорь, побрившись и надев свежую рубашку, уныло слонялся без дела возле раскопа. Он слегка сердился на Максима Ивановича за внеурочный выходной. Казалось бы, дошли до самого интересного, зачем же сбиваться с ритма? Максим Иванович, казалось, не замечал недовольства ученика, пил кофе, потом сел за свои записи.

Неожиданно раздался знакомый автомобильный гудок. Игорь не поверил своим глазам: прямо по саду, петляя между деревьями, пробиралась их «ласточка»! Он подлетел к машине, а оттуда выскочили улыбающиеся Лариса, Андрей и Борис.

— Поздравь меня! — крикнула Лариса. — Я поступила.

— Молодец, поздравляю!

— А разве тебе Максим Иванович ничего не сказал? — удивился Андрей. — Мы же с ним вчера по телефону говорили.

Игорь укоризненно обернулся на подходящего к ним Максима Ивановича. Тот улыбался.

— Я же обещал тебе сюрприз!

Потом они осмотрели раскоп, сделали вояж по Рязани, искупались в Оке, а к вечеру разожгли костер, на который пришли юные рязанцы.

Когда все были в сборе, Максим Иванович, лукаво глянув на своих кружковцев, сказал:

— А не продолжить ли нам заседание суда над Годуновым? Я думаю, и нашим художникам, и юным археологам тоже будет интересно. Как, Игорь? Ты у нас ведь первый докладчик?

— Я давно готов, — сказал Игорь.

— Думаю, что и остальные тоже! — в тон ему ответил Андрей.

Игорь бросил на него ревнивый взгляд, потом, глядя в пламя костра, начал:

— Итак, представим себе, что мы находимся в угличском дворце 15 мая 1591 года. Царица вместе с сыном и придворными отстояла обедню в церкви Спаса, вернувшись во дворец, села обедать вместе с братом Андреем. Время было около двенадцати часов. Царевича мать отпустила погулять на задний двор дворца. Его сопровождали мамка Василиса Волохова, кормили-

ца Арина Тучкова, постельница Марья Колобова и четыре мальчика, обычные его товарищи по играм — Петрушка Колобов, Баженка Тучков, Ивашка Красенский и Гришка Козловский.

Царевич в это время едва оправился от очередного приступа болезни, которую в то время называли «черным недугом», «падучей», «немочью падучей». Сегодня, судя по описаниям припадков и их периодичности, мы можем с уверенностью констатировать, что царевич страдал эпилепсией.

Игорь бросил торжествующий взгляд на Андрея и добавил:

— Предвидя возражения нашего криминалиста, я сделал выписку из популярной медицинской энциклопедии. Разрешите зачитаю несколько строчек: «Наиболее типичен большой судорожный припадок — падение с внезапной потерей сознания и томическими (тело напрягается, вытягивается), а затем клоническими (многократное сокращение) судорогами всего тела.

При томической судороге руки и ноги сводит, голова и торс изгибаются, челюсти сильно сжимаются. Вследствие сокращения всей дыхательной мускулатуры дыхание приостанавливается, появляется синюшность, особенно лица, которое становится иссиня-черным (отсюда народное название этой болезни «черная немочь»). Одновременно с возникновением судорог больной теряет сознание и падает. Через 20—30 секунд непрерывное судорожное сокращение всей мускулатуры тела сменяется ее ритмическими подергиваниями (клонические судороги)».

По показаниям свидетелей, — продолжил Игорь, — «и прежде тово... на нем была же та болезнь по месяцам беспрестанно». Сильный припадок случился с Дмитрием примерно за месяц до его кончины. Перед «великим днем», рассказывала Василиса Волохова, царевич в припадке «объел руки Ондреева дочке Нагова, едва у него... отняли». Об этом же случае говорил и Андрей Нагой: Дмитрий «ныне в великое говение у дочери его руки переел», а прежде «руки едал» и у него, и у жильцов, и у постельниц: царевича «как станут держать, и он в те поры ест в нецывенье, за что попадетца». Это подтверждала впоследствии и вдова Битяговского: «многажды бывало, что ево станет бити тот недуг и станут ево держати Ондрей Нагой, и кормилица,

и бояронн и он... им руки кусал или за что ухватит зубом, то отъест».

— Последний приступ эпилепсии у царевича длился несколько дней, — рассказывал дальше Игорь. — Он начался во вторник, на третий день царевичу «маленко стало полехче», и мать взяла его к обедне, потом отпустила на двор погулять. В субботу Дмитрий во второй раз вышел на прогулку, и тут у него внезапно возобновился приступ.

Только царица села обедать, — продолжал Игорь,— как вбежал, запыхавшись, в зал Петрушка Колобов и прокричал: «Тешился деи царевич с нами на дворе в тычку ножом и пришла деи на него немочь падучая... да в ту пору, как ево было, покололся ножом сам и оттого и умер».

В ужасе царица сбежала вниз и увидела бездыханное тело сына. В отчаянье она принялась бить поленом мамку Волохову, обвиняя в убийстве царевича ее сына Осипа Волохова. По царицыному приказу ударили в колокол. Возбужденные горожане сбежались на площадь перед дворцом. Прискакали сначала со своего подворья, где они обедали, братья Михаил и Григорий Нагие, причем, по показаниям очевидцев, изрядно пьяные, а затем главный дьяк Углича — Михаил Битяговский. Быстро поняв, в чем дело, он подъехал к колокольне и потребовал, чтобы больше не звонили, не возбуждали народ. Но было уже поздно. Разъяренная толпа растерзала его племянника Никиту Качалова, вступившегося было за сына Волоховой.

Вполне понятно поведение Качалова, он незадолго до этого события женился на дочке Волоховой. В страхе Осип Волохов убежал и спрятался на подворье Битяговского.

Битяговский еще по старой привычке попытался командовать, утихомиривая толпу, а затем начал уговаривать Нагого, «чтобы он, Михайла, унял шум».

Это окончательно привело в ярость царицу и ее братьев, видевших в Битяговском заклятого врага. Ведь с момента приезда дьяка в Углич царица потеряла право распоряжаться доходами удельного княжества. Выплачиваемые дьяком деньги на содержание двора казались ей чересчур незначительными. Споры между семьей царевича и дьяком были постоянными. Еще в это утро 15 мая Михаил Нагой от имени царицы крупно

поскандалил с дьяком, отказавшись дать своих людей в распоряжение Годунова.

Избитая царицей и Андреем Нагим в кровь и брошенная на площади Василиса Волохова видела, как царица указала на Битяговских и крикнула: «Душегубцы царевича!» Толпа дворни и посадских под руководством Михаила Нагого бросилась на дьяка. Его в тот момент отбили родственники и холопы. Спасаясь, дьяк со своими сторонниками заперся в Дьячей избе. Это окончательно погубило их.

Не встретив сопротивления, люди Нагого высекли секирами дверь, вломились в избу и расправились со всеми, кто там укрывался. Затем они кинулись грабить подворье Битяговских, схватили жену дьяка с младшими детьми и случайно обнаруженного там же Осипа Волохова и приволокли их ко дворцу. Расправу над ними приостановил приезд церковных служителей, услышавших набат. Израненный Осип Волохов скрылся в церкви. Его мать в отчаянье заклинала царицу пощадить сына. Но напрасно — стоило церковным старцам покинуть церковь, как Мария Нагая отдала его на растерзание толпе. Всего в результате самосуда погибло пятнадцать человек. Их трупы были брошены в ров у крепостной стены...

— Ну а все-таки кто же ударил в колокол? — насмешливо перебил защитника обвинитель.

Игорь бросил на соперника уничтожающий взгляд, вспыхнул было, но потом сдержался и с достоинством спросил:

— Можно продолжать?

— Конечно, конечно! — ответил Максим Иванович, погрозив нарушителю пальцем.

— В Москву к царю и в Ярославль, где в ссылке находился Афанасий Нагой, помчались конные гонцы. На следующий день Афанасий Нагой попытался поднять восстание, но приставы, бдительно следившие за ним, не дали ему возможность возбудить народ. Из Москвы для успокоения угличан был немедленно послан вооруженный отряд во главе с приставом Темиром Залецким, прибывший на место вечером 18 мая. А следом уже ехала следственная комиссия во главе с Шуйским.

Предвосхищая вопросы обвинителя о подробностях следствия, — сказал Игорь, выразительно поглядев на

Андрея, — хочу привести факт, красноречиво свидетельствующий о том, что Нагие уничтожили безвинных людей. Глубокой ночью, последовавшей после убийства, Нагие собрались на совет. Решено было создать ложные улики, чтобы направить следствие по нужному им пути. Михаил Нагой велел приказчику Ракову «позаимствовать» у посадских людей несколько ножей. Григорий Нагой «пожертвовал» свой страшный нагайский нож. На подворье у Битяговских нашли железную палицу. Все это оружие было обильно полито кровью зарезанной курицы и брошено на трупы, лежавшие во рву.

— Явно переборщили! — не удержался от восклицания Борис. — Ведь ранка на шее царевича, по свидетельству современников, была очень незначительной!

— Я думаю, что все это было сделано с другой целью! — многозначительно произнес Андрей.

— Интересно, с какой? — живо повернулся к нему Максим Иванович. — Скажи!

— Нет уж, спасибо! — ответил Андрей, не забывший обиды. — Вот придет мой черед, тогда держитесь!

— Возможно, подлог и не раскрылся бы, если не предательство Русина Ракова, — продолжал Игорь. — Он сумел пробраться мимо застав, расставленных по дорогам Нагими, и сделал свой донос Шуйскому, еще когда комиссия не достигла Углича. Вполне естественно, что комиссия, заподозрив неладное, первым делом устроила допрос Михаилу Нагому, как инициатору убийства ни в чем не повинных людей и создания подложных улик. Ему задали четыре вопроса: как приключилась смерть царевича, какая у него была болезнь, зачем он, Нагой, велел убить известных людей и положить на них оружие и, наконец, зачем приводил приказчика Ракова к крестному целованию?

Чтобы оправдаться, Михаил Нагой назвал убитых им людей убийцами, — продолжил Игорь, — а по остальным вопросам отрицал все начисто. Но такая тактика не помогла. Опытные следователи без особого труда нашли непосредственных очевидцев случившегося с царевичем. Это были в первую очередь мамка, кормилица, постельница и мальчики, игравшие с царевичем в тычку. Придавая исключительное значение показаниям мальчиков, Шуйский спросил их: «Хто в те поры за царевичем были?» Будучи старшим, отвечал Петр Колобов: «Были за царевичем в те поры только они четыре

человеки да кормилица да постельница». Тогда Шуйский переспросил, не были ли за царевичем в те поры Осип Волохов и Данило Битяговский, и получил отрицательный ответ. Мальчики не могли ошибиться, ведь они отлично знали вышеназванных людей. Позднее комиссия нашла еще одного очевидца — приближенного царицы стряпчего Юдина. Во время обеда он стоял в верхних покоях у поставца с посудой и от нечего делать смотрел в окно. Несчастье произошло у него на глазах.

— Ну, это еще надо проверить, — протянул Андрей. — Сомневаюсь, чтобы оттуда было хорошо видно.

— Я проверял, — неожиданно вмешался Борис. — От окна и до столбика, то есть места, где, по преданию, погиб царевич, не будет и сорока метров.

— Типичная ошибка дилетанта, — возразил Андрей. — Ведь царица обедала в своих покоях, а ты мерил от дворца царевича.

Игорь нахмурился.

— Остальные свидетельства носили лишь косвенный характер, — продолжал он. — Кто-то от кого-то чего-то слышал. Поэтому подьячие, уже найдя истину и потеряв интерес к дальнейшему следствию, записывали показания по известному стереотипу, так сказать, только для количества. Это впоследствии, кстати, и заставило некоторых историков заподозрить Шуйского и Годунова в фальсификации дела. Таким образом, защита считает доказанным, что царевич покололся сам и что Борис Годунов не виновен. Я кончил!

Он победоносно взглянул на Андрея и сел. Максим Иванович благосклонно кивнул ему головой и спросил:

— Есть ли вопросы к защите?

Однако убедительные доводы, приведенные Игорем, казалось, нисколько не поколебали Андрея. Подергав себя за левый усик, Андрей невозмутимо повторил вопрос:

— Так кто же ударил в колокол?

Чтобы унять поднявшийся шум, он чуть повысил голос:

— Вопрос отнюдь не праздный. Все дело крутится вокруг этого колокола. Если вы внимательно посмотрите дело, то убедитесь в этом. Вот поглядите — Михаил и Григорий Нагие показали, что они прибежали со своего подворья во дворец будучи встревожены колокольным

звоном, а Василиса Волохова заявила, что Григорий Нагой находился у царевича и бил ее прежде, чем начали звонить у Спаса. Григорий Нагой прибавил, что в колокол начал звонить пономарь, вдовый поп Федот Афанасьев по прозвищу Огурец. Когда же комиссия начала допрашивать вдового пономаря, то тот неожиданно рассказал совсем другое. Якобы он сидел у себя дома, когда у Спаса зазвонил сторож Максим Кузнецов, и он, Огурец, от себя с двора побежал в город и, когда прибежал к церкви к Спасу, встретился ему кормового дворца стряпчий, Суббота Протопопов, и велел ему звонить в колокол у Спаса, да ударил его в шею и заставил силою звонить, говоря, что царица Марья приказывает, и все это он говорил перед Григорием Нагим. Нагой сказал: «Того он не слыхал, что тому попу Федоту велел звонить Суббота Протопопов; а сказывал ему тот же поп Федот, что велел ему звонить Суббота, и что прибегал к нему Михайла Битяговский, и он заперся, на колокольню его не пустил». А Суббота Протопопов, поставленный на очную ставку с попом Федотом, сказал: «Как приехал на двор Михайла Нагой и велел ему, Субботе, звонить в колокола для того, чтобы мир сходился, то он и приказал пономарю Огурцу звонить».

— Запутанная история, не правда ли? — спросил Андрей. — Нагие сами прибежали на звон, и вдруг они же и приказали звонить. Кому верить? Что должен был сделать любой нормальный следователь? Конечно, вызвал бы на допрос Кузнецова. Но комиссия почему-то не сделала этого. Очень странная забывчивость. Полагаю, что здесь было одно из двух: либо сторож, действительно что-то видевший, в панике скрылся, либо дал такие показания, которые противоречили уже принятой комиссией версии, и эти показания были изъяты.

— О том, что следствие велось крайне необъективно, говорят многие другие факты, — с улыбкой превосходства добавил Андрей. — И наш защитник отлично их знает. Имеется путаница в показаниях о том, как вел себя дьяк Битяговский, и о том, чем же покололся царевич — ножом или сваей, то есть остро отточенным гвоздем. Тенденциозность дела видна и из того, что нигде ни разу не упоминается имя Годунова. Явно, что были изъяты все показания, которые бросали бы на него тень.

— Относительно ножей ты хотел что-то сказать, — напомнила внимательно слушавшая Лариса.

— Да, насчет ножей, — спохватился Андрей. — Ты, Игорь, просто ничего не понял. Ножи Нагой подбросил на тела убийц вовсе не для того, чтобы доказать, что они убийцы.

— А для чего же еще? — удивился Игорь.

Андрей покачал головой:

— А еще историк! Тут надо мыслить конкретно, поставить себя на место Нагого, и станет все ясно. Нагой знает о приближении комиссии, так?

— Вероятно, — усмехнулся Игорь.

— Знает, что может быть наказан за самосуд?

— Это же ясно! Не понимаю, куда ты клонишь.

— Так Нагой вовсе не собирался доказывать, что убитые им люди — убийцы. Понимаешь?

— Не понимаю, — начал сердиться Игорь. — Говори яснее!

— Ну как же! — загорячился Андрей. — Нагой знал, что они — убийцы. И если бы они были живы, они, конечно, признались бы. Но Нагой в горячке, да еще будучи пьян, дал сигнал к их избиению. Что ему теперь оставалось делать? И он решил, посоветовавшись с приближенными, выдать избиение на площади за вооруженный конфликт, понимаешь? Дескать, убийцы набросились на него с оружием в руках, а ему пришлось действовать в порядке самообороны. Теперь дошло? Отсюда и боевая палица с подворья Битяговских. Смешно же предполагать, что на младенца шли с боевой палицей! И я думаю, что это дело сошло бы Нагим с рук, если бы не донос Русина Ракова, сразу выбивший из-под его ног твердую почву. Поэтому Нагому и оставалось только начисто все отрицать.

Все сидели задумавшись. А Максим Иванович просиял:

— Ну молодец, Мегрэ! Такую трактовку не давал ни один из историков. Ай да криминалист!

Андрей добродушно похохатывал. Потом посерьезнел и сказал в заключение:

— Таким образом, граждане заседатели, обвинение решительно отводит доводы защиты, построенные только на материалах следственного дела, и предлагает перейти к следующему по времени показанию Шуйского.

ВЕРСИЯ ВТОРАЯ: «ЦАРЕВИЧ СПАССЯ ОТ УБИЙЦ»

— Может, перерыв объявить? — предложил Борис. — Потанцуем. Я с собой кассетник захватил...

Андрей врубил на полную мощность портативный магнитофон. Все повскакали и начали прыгать вокруг костра под оглушительную мелодию. Максим Иванович, сидевший на своем раскладном кресле чуть в стороне, в шутливом ужасе заткнул уши. Борис чуть приглушил звук.

— Максим Иванович, вам не нравится современная музыка?

— Честно?

— Конечно!

— Если честно, терпеть не могу. Нет, я не против джаза в принципе. Люблю и Армстронга, и Эллу Фитцжеральд, и Мирей Матье. Но у них хоть есть мелодия. А у этих современных, как их, ВИА, извините, кроме шума, ничего не улавливаю. И вообще, Боренька, мне кажется, что ты уклоняешься. Признайся честно — не готов к докладу?

— Я всегда готов! — возмутился Борис.

— Ну а если готов, давай к барьеру! — настаивал Максим Иванович. — Время — десятый час, и отроков скоро надо будет разгонять по домам. Юноши, вы меня слышите? Или — или.

Школьники без протеста начали усаживаться у костра. Максим Иванович ликовал:

— И вновь муза истории Клио победила!

Борис послушно выключил магнитофон и встал около костра, пытаясь вглядеться в лица окружавших ребят.

— Скажу честно, я взялся защищать версию о том, что царевича спасли и подменили другим мальчиком, с большим интересом. Уж очень привлекательна, для меня во всяком случае, загадка характера царя Дмитрия Первого, прозванного позже Лжедмитрием. У Пушкина Лжедмитрий выглядит этаким холодным честолюбцем, для которого даже его пламенная любовь к Марине Мнишек лишь еще одна ступенька в жизненной карьере. А в моем воображении Григорий Отрепьев, он же царевич Дмитрий, предстает веселым полумонахом, полунищим, вроде тех вагантов, что бродили в то время по дорогам Европы, задирая рыцарей, приставая к де-

вушкам и сочиняя разудалые песни про бога и черта. По моему мнению, эти черты привлекали к нему сотни и тысячи вольных казаков из Запорожской Сечи, единодушно вставших под его знамена и не бросивших его, как поляки, когда казалось, что военное счастье отвернулось от царевича.

Итак, представьте себе, — продолжил Борис, — Москву зимним утром 1602 года. Обычно многолюдная торговая улица Варварка (проходившая мимо нынешней гостиницы «Россия») пустынна. В столице, как и во всей стране, царит голод. По улице бредет, ежась в своей черной рясе, с котомкой за плечами, бродячий монах Варлаам. Выглядит он уныло — никто из обычно гостеприимных москвичей не спешит накормить его или дать подаяние. Неожиданно его окликнул другой чернец, назвавшийся Григорием Отрепьевым. Был Григорий среднего или почти низкого роста, довольно хорошо сложен, лицо имел круглое, весьма некрасивое, волосы рыжеватые, глаза темно-голубые.

Он рассказал Варлааму, что, живя в Чудовом монастыре, сложил похвалу московским чудотворцам, и патриарх, видя такое старание, приблизил его к себе и даже стал брать с собою в царскую Думу.

Однако, заявил Григорий, земная слава его не прельщает, поэтому решил он съехать из Москвы в какой-нибудь дальний монастырь и предложил Варлааму стать его попутчиком.

Относительно славы земной Григорий, конечно, лукавил. Решил бежать он вовсе не из-за скромности, а из-за царского гнева. Сегодня мы точно знаем, что Григорий Отрепьев и Лжедмитрий — одно и то же лицо. Это подтверждается, с одной стороны, «Изветом» Варлаама, написанным после смерти самозванца, а с другой стороны, исповедью Лжедмитрия, обнаруженной недавно в польских архивах. Совпадение всех фактов удивительное.

Итак, мы знаем, что царевичем Дмитрием назвался Юрий Богданов Отрепьев. По-видимому, семья Отрепьевых имела давние связи с Угличем, резиденцией погибшего царевича. Предки Григория выехали на Русь из Литвы. Отец его, Богдан Отрепьев, дослужился в Москве до чина стрелецкого сотника. Здесь же он и погиб в пьяной драке. Юрий родился в то же время, что и царевич Дмитрий, так что теоретически вполне допу-

стимо, что могла произойти замена царевича. Скажем, из-за какой-то неизвестной болезни мальчика не стало, и вдова согласилась взять на воспитание другого мальчика.

— Возражаю! — воскликнул Андрей. — Ты сам ссылаешься на исповедь Лжедмитрия. А из нее совершенно ясно, что он не знал обстоятельств гибели царевича. А ведь ему в ту пору было восемь лет, и он должен был бы все помнить. По словам Лжедмитрия, его спас некий воспитатель, который, узнав о планах жестокого убийства, подменил царевича мальчиком того же возраста. Несчастный мальчик и был зарезан в постельке царевича. Мать-царица, прибежав в спальню и глядя на убитого, лицо которого стало свинцово-серым, не распознала подлога. А мы с вами отлично знаем, что Дмитрий зарезался или его убили среди бела дня, на заднем дворе. Кроме того, подмена исключена ввиду того, что тело царевича в течение десяти дней находилось в церкви и рядом неотступно была мать и придворные!

— Но есть одно странное обстоятельство, — возразил Борис. — Дело в том, что Отрепьев, судя по его поведению, искренне верил в свое царское происхождение.

— Вероятно, кто-то уверил его в этом, — заметил Игорь.

— Это вполне возможно, — согласился Максим Иванович. — В подростковом возрасте, знаете ли, в голову могут прийти самые странные идеи. Верите, когда мне было четырнадцать лет, я вдруг вбил себе в башку, что являюсь неродным сыном у своих родителей. Сколько по этому поводу было переживаний!.. Впрочем, мы отвлеклись. Извини, Борис.

— Судя по воспоминаниям современников, — продолжил Борис, — первым породил легенду о том, что царевич жив, небезызвестный нам вдовый поп по прозвищу Огурец. Когда якобы его подвесили на дыбу, выясняя, зачем он звонил в колокол, в горячечном бреду Огурец и выкрикнул, что царевича подменили.

Опять не выдержал Андрей:

— Но ведь известно, что в Угличе следственная комиссия пыток не проводила.

Борис покачал головой:

— Не думаю. Просто о них не упоминалось в следственном деле, потому что допрос с применением пытки был самым обычным делом. Я думаю, что не случайно

Шуйский заявил позднее, что царевича подменили поповским сыном. Он, видимо, вспомнил показания Огурца.

— И опять-таки противоречие, — высказалась Лариса. — Ведь Отрепьев был сыном стрелецкого сотника, а не поповичем!

— Да, конечно, это не очень вяжется, — вынужден был признать докладчик. — Но все-таки был кто-то, кто уверил Юрия Отрепьева в его царском происхождении. Сначала его воспитывала мать, обучавшая сына Священному писанию. Затем подростка отправили в Москву, где он проходил учебу у дяди, дьяка Семена Ефимьева. Дядя же пристроил его на службу к влиятельному вельможе Михаилу Романову, в котором Борис Годунов видел могущественного соперника. Затем Юрий Отрепьев перешел служить к родственнику Романова, князю Борису Черкасскому. Романовы искали возможности свергнуть Годунова с престола. Одной из таких возможностей было бы появление живого царевича Дмитрия. Видимо, кто-то из Романовых и убедил юношу в том, что он — царевич. Сомнения пали на благодатную почву, ведь наверняка Юрий с детства знал легенду о том, что царевич был подменен. Может, это именно он? Жаркое смятение охватило пылкого юношу...

— Полегче, — хмыкнул Андрей.

— Что полегче?

— Мы верим в твое литературное дарование, но все-таки говори попроще.

— Ну, пожалуйста! — обиделся Борис. — Итак, в ноябре 1600 года во двор к Романовым нагрянули стрельцы. Разыгралось форменное сражение. Думаю, что Отрепьев сыграл в нем не последнюю роль. Романовы и Черкасские были отправлены в ссылку. Были схвачены и «ближние» слуги. Отрепьеву удалось скрыться. Чтобы уйти от царского гнева, оставался один выход — постричься в монахи. Около года Юрий, став при пострижении Григорием, скрывался по провинциальным монастырям. Через год, когда непосредственная опасность миновала, он возвращается в Москву, в Чудов монастырь. О его необыкновенных способностях говорит тот факт, что за год из простого чернеца он превратился в дьяка, находился в личной свите патриарха Иова. Он почти ежедневно видит царя Бориса Годунова, сумел сыскать и его благоволение.

И вот тут-то снова сказался его нетерпеливый характер! — заявил Борис и оглядел гордо присутствующих. — До царского престола, казалось, было так близко! Григорий Отрепьев начинает говорить монахам, что он — царевич. Ростовский митрополит Иона донес об этом сперва патриарху, а когда тот отмахнулся от доноса, оповестил самого царя. Борис велел дьяку Смирнову-Васильеву сослать Отрепьева под крепким присмотром в Кириллов монастырь. К счастью для Григория, вмешался его дядя Семен Ефимьев, уговоривший Смирнова-Васильева повременить. Узнав об огласке, Отрепьев убежал из Чудова монастыря в Галич, откуда в Муром, в Борисоглебский монастырь, где настоятель дал ему лошадь для возвращения в Москву. Поскольку царь Борис был уверен, что приказ его выполнен, никто Отрепьева не искал и не преследовал. Однако оставаться в Москве было опасно. Он решил уходить на юг и в этот момент и встретил Варлаама. На следующий день они встретились в Иконном ряду, с Григорием был еще один чернец — Мисаил, в миру Михайла Повадин. Наняв подводу, они тронулись в путь, а через несколько дней с помощью какого-то отставного монаха благополучно перебрались через границу и оказались в Киеве, в Печерском монастыре.

Остальное известно достаточно хорошо, — продолжил Борис. — В Печерском монастыре Григорий вновь объявляет о том, что он царевич. Причем, чтобы ему поверили, он разыгрывает небольшой спектакль. Неожиданно Григорий разболелся «до умертвия» и на предсмертной исповеди открылся игумену, что он — царевич Дмитрий. «А ходит бутто в искусе, не пострижен, избегаючи, укрываясь от царя Бориса...» Игумен не поверил спектаклю и твердо указал Отрепьеву с товарищами на дверь. «Четыре-де вас пришло, — сказал он — четверо и подите».

Позднее тот же трюк Отрепьев использовал и в имении Адама Вишневецкого. Неожиданно разболевшись, он открыл священнику свое «царское происхождение». Вряд ли хитрый польский магнат хоть на минуту поверил в это, но решил использовать Лжедмитрия в игре против России.

Авантюрой магната заинтересовались и король, и канцлер Лев Сапега. На службе у канцлера находился некий холоп Петрушка, которому поручили «узнать»

царевича. При встрече с самозванцем Петрушка растерялся. Тогда Отрепьев сам «узнал» бывшего слугу и с большой уверенностью стал расспрашивать его. Тут холоп также признал «царевича» по характерным приметам: бородавке около носа и неровной длине рук. Как видно, приметы Отрепьева сообщили холопу заранее те, кто готовил инсценировку.

Через два года после своего бегства из Москвы Григорий Отрепьев в сопровождении 1600 поляков и более 2 тысяч казаков вступает в Россию. Борис Годунов, еще ранее узнавший о появлении Лжедмитрия, начал выяснять, кто был этот новый его враг, и, к удивлению своему, узнал, что то был известный ему уже прежде Григорий Отрепьев, сосланный в Кириллов монастырь. Он велел призвать к себе дьяка Смирнова и спросил, где монах Отрепьев? Смирнов стоял перед ним как мертвый и ничего не мог сказать. По приказу царя дьяка вывели на правеж и засекли до смерти.

К польскому и венскому двору помчались царские послы с грамотами, разоблачающими самозванца. Лжедмитрий, в свою очередь, не остался в долгу у Годунова и отправил грамоту, в которой обличал его преступления и призывал к покаянию. Если вначале, как Андрей тут вспоминал, Григорий весьма туманно описывал события, произошедшие в Угличе двадцать лет назад, то в этой грамоте он пишет со знанием дела. Разрешите, я зачитаю кусочек из этой грамоты, касающейся непосредственно Углича:

«Но хотя мы были и малы, помнишь, однако, сколько раз в грамотах своих мы тебе напоминали, чтоб ты подданных наших не губил; помнишь, как мы отправили приверженца твоего Андрея Клешнина, которого прислал к нам в Углич брат наш Федор и который, справив посольство, оказал нам неуважение, в надежде на тебя. Это было тебе очень не по нраву, мы были тебе препятствием к достижению престола, и вот, изгубивши вельмож, начал ты острить нож и на нас, подговорив дьяка нашего Михайлу Битяговского и 12 мальчиков с Никитою Качаловым и Осипом Волховым, чтобы нас убили; ты думал, что заодно с ними был и доктор наш Симеон, но по его старанию мы спасены были от смерти, тобою нам приготовленной. Брату нашему ты сказал, что мы сами зарезались в припадке падучей болезни; ты знаешь, как брат наш горевал об этом; он

приказал тело наше в Москву принести, но ты подговорил патриарха, и тот стал утверждать, что не следует тело самоубийцы хоронить вместе с помазанниками божими...»

Как видите, — резюмировал Борис, — царевич точно назвал имена предполагаемых убийц.

— Ну, это неудивительно, — заспорил Игорь. — Переписка польских иезуитов подтверждает тот факт, что Лжедмитрий поддерживал постоянную связь с боярской оппозицией. Только когда полякам стало доподлинно известно, что приход царевича будет поддержан московскими боярами, они оказали ему полную поддержку. Видимо, кто-то, возможно, что и сам Шуйский, передал самозванцу необходимую информацию.

— Возможно, что и так, — не стал спорить Борис, — но все же дальнейшая логика поступков Отрепьева невольно наводит на мысль о его царском происхождении или, во всяком случае, о том, что сам он в это искренне верил. Ведь если бы Лжедмитрий был лицемером, интриганом, он вел бы себя совершенно иначе. А он? Вернувшись в Москву спустя три года после бегства из нее так называемый Дмитрий Угличский венчается на царство. Что должен делать человек, нечестно захвативший престол? В первую очередь, по-видимому, постараться добиться расположения бояр, его окружающих! Ведь Григорий Отрепьев отлично знал нравы и обычаи двора! То есть ему следовало прикинуться любителем старины, показать себя человеком боголюбивым, а с другой стороны — поспешить расправиться пытками и казнями с оппозицией. Однако ничего подобного новый царь не делал.

Вообще по характеру он мне напоминает молодого Петра, — заявил Борис, — энергичный, веселый, способный к аналитическому мышлению. Не проходило дня, чтобы царь не присутствовал в Думе. Иногда, слушая долговременные бесплодные споры думных людей о делах, он смеялся и говорил:

«Столько часов вы рассуждаете, и все без толку! Так я вам скажу: дело вот в чем!»

И в минуту, ко всеобщему удивлению, решал такие дела, над которыми бояре столько думали. Он любил и умел поговорить, приводя примеры из истории разных народов, рассказывал случаи и из собственной жизни. Нередко, впрочем всегда ласково, упрекал бояр

в невежестве, говоря, что они ничего не видали, ничему не учились, обещал позволить ездить им в чужие земли, чтобы они смогли хоть немного стать образованнее.

— Действительно, поведение самозванца удивительно! — бросила реплику Лариса.

— Он, кстати, был весьма демократичен! — подхватил Борис. — Вот вам пример: сев на трон, Лжедмитрий повелел объявить народу, что два раза в неделю, по средам и субботам, будет сам принимать челобитные. Вместо принятого тогда послеобеденного сна он один, без охраны, обходил свои мастерские, живо интересуясь искусством ремесленников. Поощрял новый царь книгопечатание, показал себя терпимым в вопросах веры.

Еще одна черточка, напоминающая Петра, — он сам испытывал новые пушки, сам учил ратников, не раз в примерных приступах к земляным крепостям лез со всеми прочими на валы, хотя нередко палками его сбивали с ног, давили. Любил Лжедмитрий и потехи со зверями, причем часто и здесь не оставался равнодушным зрителем, а бросался на медведя с одним ножом. Поскольку он вдобавок был и щедрым правителем (заплатил стрельцам деньги, которые задолжал еще Иван Грозный), не удивительно, что московские жители любили его.

— Любили, любили и убили, — съязвил Андрей.

— Ну, допустим, убила его кучка заговорщиков, а москвичи с посадов были в неведенье! — возразил Борис. — Но и погибая, он продолжал говорить о своем царском происхождении, вот что удивительно! Вообще Лжедмитрий держался крайне мужественно: когда заговорщики подступили ко дворцу, он выскочил на крыльцо с палашом и с криком: «Я вам не Годунов», начал сражаться с нападавшими. Только когда рядом упал смертельно раненный ножом преданный ему Басманов, Лжедмитрий отступил. Сказав Марине, чтобы она спряталась, он выскочил из окна на строительные подмостки, но, не рассчитав прыжка, упал вниз, разбил грудь и вывихнул ногу. Мятежники вновь схватили его и с побоями начали допрашивать:

«Кто ты? Кто твой отец? Откуда ты родом?»

Другой на его месте дрогнул бы, а Лжедмитрий гордо отвечал:

«Вы все знаете, что я царь ваш, сын Ивана Васильевича. Спросите обо мне мать мою или выведите меня на Лобное место и дайте объясниться!»

Такая смелость смутила многих мятежников, и если бы не обман князя Голицына, неизвестно, как повернулось бы дело. Тот заявил, что он был якобы у царицы Марфы, которая сказала, что сын ее убит в Угличе, а это — самозванец. Один из стрельцов выстрелил в Лжедмитрия, остальные дорубили его.

— Так почему же Лжедмитрий все-таки погиб? — спросил Максим Иванович. — Почему народ остался в стороне?

— Я думаю, что главная причина в Марине, — ответил Игорь. — Из-за нее самозванец вынужден был заигрывать с поляками, окружил себя ими. А если бы вокруг него были русские, никакой заговор не удался!

Максим Иванович покачал головой:

— Ты рассуждаешь, как Дюма-отец. Тот все объяснял дворцовыми интригами. На самом деле причина значительно глубже. Вспомните — Лжедмитрий пришел к трону на гребне крестьянской войны. В нем беднейшие слои видели избавителя. Однако Лжедмитрию, а точнее Григорию Отрепьеву, были глубоко чужды народные чаянья. Спору нет, был он человек способный, даже образованный, но глубоко эгоистичный, как любой авантюрист. Он и не подумал сделать что-либо для коренного улучшения жизни простых людей. Вот народ от него и отвернулся, чем и воспользовались недовольные бояре.

Так какое резюме выносит наше высокое собрание? — спросил Максим Иванович, обводя всех глазами.

Андрей сумрачно сказал:

— Как ни старался Борис, но, увы, не убедил нас в том, что царевича подменили. Просто Григорий Отрепьев был талантливым авантюристом и погиб, как обычно гибнут авантюристы. Надеюсь, насчет Лжедмитрия II никто не будет утверждать, что он тоже был царевичем?

Все молчали.

— Молчание — знак согласия! — констатировал Максим Иванович. — Объявляю заседание закрытым!

ВЕРСИЯ ТРЕТЬЯ: «ПРИНЯЛ ЗАКЛАНИЕ НЕПОВИННОЕ ОТ РУК ИЗМЕННИКОВ СВОИХ»

На следующее утро московские гости уехали, Андрей спешил по своим следственным делам, потому очень важничал. После их отъезда в раскопе то и дело вспыхивали споры между школьниками. Они тоже загорелись желанием отгадать, что же случилось в Угличе.

Поскольку в спорах арбитром выступал Игорь, как человек наиболее эрудированный, естественно, что большинство склонялось к мысли, что все-таки Дмитрий закололся сам. Максим Иванович, поглядывая на спорщиков, посмеивался. Он был уверен, что «великолепная десятка» теперь на всю жизнь полюбила музу Клио, покровительствующую, как известно, истории.

Через две недели раскопки неожиданно закончились — глубже найденного сруба действительно пошел материк. Ожидаемых останков городища в этом месте не оказалось.

— Видимо, городище находится или под собором, или архиерейскими палатами, — после раздумий сделал заключение Максим Иванович.

Экспедиция свернула свою работу, и испытанный грузовичок с немногими находками отбыл в Москву. Из друзей Игорь нашел только Бориса, Андрей с Ларисой по турпутевке отправились в молодежный лагерь, куда-то в горы, на Кавказ. Но и с Борисом удавалось встречаться нечасто, потому что он уже начал работать на автостанции и с непривычки очень уставал.

В общем, все вместе кружковцы собрались только в начале сентября снова на просторной веранде дачи Максима Ивановича. Сначала все говорили наперебой, вспоминая летние приключения, но в конце концов вниманием присутствующих завладел Андрей, накануне побывавший у следователя. Оказывается, следствие по розыску банды, начавшееся после поимки ребятами преступника в Угличе, уже находилось в стадии завершения.

— Представляете, вполне интеллигентные люди, — рассказывал Андрей, возбужденно махая кухонным ножом, — внешне во всяком случае. Когда я их первый

раз на допросе увидел, не мог и подумать, что передо мной закоренелые преступники.

— Ты их сам допрашивал? — недоверчиво спросил Борис.

Андрей смутился;

— Да нет. Мне следователь разрешил просто посидеть, но предупредил, чтоб рот не открывал. А то, говорит, испортишь мне допрос. Среди них только один рецидивист был, раньше отсидел за квартирную кражу. Но он вовсе не играл первую скрипку. Главарем и, так сказать, главным идеологом был инженер из конструкторского бюро. Он-то и привлек уголовника, как специалиста по взламыванию замков. Сбытом занимался третий, гид из «Интуриста». Он клиентуру подыскивал среди иностранцев. Ну а наш, которого мы задержали, был наводчиком. Знаете, что интересно? Этот парень должен был лишь разведать, где что висит, определить, какие замки на дверях, где сторож находится, а он схватил картину и бежать. Решил, видите ли, самостоятельное дело открыть, потому что доля у него самая маленькая была. По жадности да глупости и попался. Они его спокойно ждали с другой стороны Углича. И вдруг он по рации сообщил, что уходит от преследования. Они бросились ему на помощь, да мы помешали...

— Ну, и разобрался ты, что их толкнуло на преступление? — насупившись, спросил Борис.

— Представь себе — разобрался, — с некоторым вызовом ответил Андрей.

— Да, кстати, — заметил Максим Иванович, — мы зачем, собственно, собрались? Пора, наверное, высказаться обвинителю.

— Готов к бою, — сказал Андрей, встав и кашлянув в кулак. — Только позвольте сначала лирическое отступление...

Он бросил украдкой взгляд на Ларису, та покраснела. Засмущался неожиданно и Андрей, начав бормотать что-то несуразное: «Видите ли, понимаете ли, вот какое дело...»

Друзья смотрели на него с изумлением. Зато Максим Иванович все мгновенно понял.

— Те-те-те! — сказал он весело. — Кажется, мы сейчас узнаем сенсационную новость, причем относящуюся отнюдь не к шестнадцатому веку!

Лариса покраснела еще гуще, а Игорь и Борис уставились на Андрея с явным непониманием.

— В общем, мы с Ларисой приглашаем вас в гости, — бухнул Андрей.

Максим Иванович протянул несколько иронически:

— Это что, вроде помолвки?

— Да нет, — окончательно смутился Андрей. — Вот вы, Максим Иванович, приглашаете нас в гости, пирогами угощаете. Вот и мы с Ларисой...

Тут вдруг покраснел Игорь и уперся взглядом в пол. Потом, видно, пересилил себя, улыбнулся:

— Глядите, так и до свадьбы дело дойдет.

— Будет и свадьба... — ответил Андрей.

Игорь отрешенно глядел на сосны за окном. Чтобы как-то отвлечь друга, Андрей строго сказал:

— Ну а теперь к делу. Я предлагаю рассмотреть третью и последнюю версию, а именно, что царевич был убит. Мы с вами уже довольно хорошо знаем обстоятельства, поэтому я хотел обратить ваше внимание на некоторые несообразности, имеющиеся в судном деле. Если мы сумеем их объяснить, то, вероятно, сможем и установить, имело ли место преступление или то был несчастный случай.

Во-первых, я предлагаю вернуться к свидетельствам о болезни царевича, — сказал Андрей, взяв в руки судное дело. — Вот что показали, например, рассыльщики:

«И приезже тово... на нем была ж та болезнь по месяцам безпрестанно».

Андрей еще раз повторил:

— «По месяцам». Вдумайтесь в это. Если говорить по-современному, значит, — ежемесячно. А что показала мамка Волохова? Она говорит: «Перед великим днем царевич в той болезни объел руки Ондрееве дочке Нагова...»

Это же подтвердил и Андрей Нагой. Мы знаем, что «великий день», то есть пасха, был в 1591 году в начале апреля. Таким образом, предыдущий припадок случился примерно за месяц. Значит, рассыльщики правы, что припадки случались с царевичем приблизительно раз в месяц.

— Постой, постой, — перебил его Максим Иванович, — значит, ты хочешь сказать...

— Вот именно, — сказал Андрей, взглянув на оппо-

нентов, — я хочу сказать, что 15 мая с царевичем не могло быть припадка, поскольку он оправился от него только что. Следующего приступа надо было ждать где-то в июне. Но во время приступа к царевичу никого не пускали, и убийцам не удалось бы к нему подобраться. И я полагаю, что заговорщики ждали момента, когда царевича, оправившегося после приступа, наконец выпустят погулять, чтобы потом можно было свалить на недавний припадок. Убедительно?

— Я говорил с врачами, — завозражал Игорь, — мне сказали, что бывает так, что приступы эпилепсии вдруг начинают учащаться. Припадок мог внезапно повториться...

— Только в случае ускорения течения болезни, — парировал Андрей. — А здесь ничего не говорило о том, что состояние Дмитрия вдруг стало ухудшаться. Впрочем, прошу меня не перебивать!

Максим Иванович, улыбнувшись, сделал руками жест судьи на ринге, когда он разводит боксеров по углам.

— Следующая странность в свидетельских показаниях, причем в показаниях, главных в деле, поскольку они исходят якобы от непосредственных свидетелей несчастного случая, а именно от мальчиков, игравших с царевичем. Шуйский их спросил:

«Хто в те поры за царевичем были?»

Мальчики ответили:

«Были за царевичем в те поры только они четыре человеки, да кормилица, да постельница».

Естественно напрашивается вопрос, а где же была мамка Волохова? Ведь мы знаем из ее же показаний, что именно она вывела царевича гулять и была с ним неотступно. Значит, мальчики соврали? Не могли же, в самом деле, они не заметить мамку, главное действующее лицо.

— Слона-то я и не приметил! — добродушно рассмеялся Борис.

Андрей погрозил ему пальцем и сказал:

— А если предположить, что мальчики сказали правду?

— Как это? — не понял Игорь. — Конечно, они сказали правду...

— А если они сказали правду, — объявил Андрей, — то, значит, мамки рядом с ними не было. А это

очень наводит на размышления. Во всяком случае, я думаю так, что и царевича мальчики увидели уже мертвым...

— Не понимаю, что ты имеешь в виду? — удивился Максим Иванович.

— Мне кажется, что дело происходило так: кормилица и постельница вывели на задний двор сначала мальчиков — «жильцов». Это тем более естественно, что один из них — Петрушка, был сыном постельницы, а второй — Баженко, сыном кормилицы. Ведь Дмитрий — царевич, а при угличском дворе свято соблюдали царские обычаи, готовя Дмитрия к престолу. Мальчики, вероятно, в ожидании царевича начали игру в тычку. Мамка же Волохова торжественно вывела Дмитрия. Что случилось с царевичем, мальчики не видели. Но зато они увидели мамку, бегущую к ним с криком «царевич зарезался». Она же и послала Петрушку к царице сказать, что царевич зарезался. Событие было настолько ошеломляющим, что мальчики поверили в это. А через какое-то время после красочного рассказа мамки, а может, и под давлением следствия, они сами начали верить в то, что сами видели, как царевич покололся. Причем все говорили о случившемся по-разному: кто заявлял, что он покололся еще в падении, кто — что во время катания по земле...

— Домыслы! — фыркнул Игорь.

— Нет, психологически такое могло быть, — задумчиво произнес Максим Иванович. — Представь себе — дети видят лежащее на земле тело царевича, из вены на шее хлещет кровь. Он еще шевелится. Рядом ножик царевича, которым он обычно играл в тычку. Волохова кричит, что он порезался сам. Поднимают крик постельница и кормилица. И у ребят вполне может создаться убеждение, что они «сами» видели момент, когда Дмитрий наткнулся на нож.

— К тому же хочу добавить, — сказал Андрей, — что показания детей дошли до нас в пересказе. Ведь не мог же Петрушка Колобов, который давал показания от имени всех четырех мальчиков, сказать о своей матери в третьем лице:

«За царевичем была постельница Самойлова жена Колобова». Не правда ли странно? — задал он риторический вопрос и, не ожидая ответа, вновь повел наступление: — Еще на одном обстоятельстве хотел бы за-

острить ваше внимание, а именно, на поведении царицы. Как только она узнает, что царевич погиб, Мария хватает полено и начинает избивать мамку Волохову, то есть она ни на секунду не усомнилась в том, что мамка была в числе организаторов убийства. Видимо, в этот день царица не хотела выпускать царевича гулять, а мамка это сделала самовольно. Подозревать Волохову у царицы были основания. Хотя Волохова находилась при дворе еще со времен Ивана Грозного, была у него постельницей и вроде бы доказала свою преданность царствующему дому, зимой случился ряд событий, наводящих на размышления. Вскоре после приезда в Углич дьяка Михаила Битяговского Василиса Волохова выдала свою дочь замуж за племянника Битяговского — Никиту Качалова. С этого времени началась, как теперь говорят, «утечка информации». Вспомните, Борис Годунов зимой получает от Битяговского весть, что царевич настроен крайне воинственно, что он срубает головы снежным фигуркам, говоря, что так расправится с Годуновым. Вряд ли Битяговский, дьяк, присутствует при детских играх. Это ему не по чину. Зато Волохова присутствует при этом непременно, а затем докладывает новоявленному родственнику, разжигая ненависть Годунова.

— Чтобы женщина, к тому же мать, стала убийцей, — покачала головой Лариса, — не верю!

— Вспомним леди Макбет! — бросил реплику Борис. — А тут истинно шекспировские страсти.

— Как же ты мотивируешь причины участия Василисы Волоховой в заговоре? — строго спросил Андрея Максим Иванович.

— Во-первых, жажда наживы, — не колеблясь, ответил тот. — К этому времени угличский двор переживает упадок. А Борис Годунов становится все богаче. Кстати, он после убийства Дмитрия «отблагодарил» мамку, выделив ей поместье. А во-вторых... я думаю, что мамка возненавидела царевича из-за его необычных свойств характера.

— Каких еще необычных свойств? — спросил с любопытством Борис.

— Дело в том, что царевич воспринял худшие черты характера своего отца. Грозный тоже страдал припадками, хотя и не в такой степени. Жестокость и вспыльчивость, присущие ему, приняли у царевича па-

тологические черты благодаря тому, что его баловали и потакали во всем. Мамке, вероятно, ежедневно доставалось от царицы за попытки как-то усмирить царевича. Так что основания для ненависти были!

Теперь о колоколе. Из показаний Огурца мы знаем, что в колокол ударил сторож Максим Кузнецов. Что он делал на колокольне в это неурочное время? Что он увидел? Почему стал звонить? Допроса Кузнецова в следственном деле нет. Вряд ли опытные следователи не привели бы к допросу столь важного свидетеля. Напрашивается вывод, что к началу следствия сторож исчез.

— Как исчез? Куда? — раздались удивленные голоса ребят.

— А так! Либо его убили, либо он скрылся, смертельно чего-то испугавшись. Как вы думаете, что могло напугать Кузнецова?

— Не знаю! — пожал плечами Игорь. — Пытки, наверное.

— Н-нет! — возразил Андрей. — Тут дело значительно серьезнее. И чтобы понять причину, мы должны разобраться в некоторых странностях поведения Григория Нагого.

— Здрасьте! — воскликнул Борис. — Уже и за Нагих взялся. Чем тебе поведение Григория не нравится?

— А тем, что в день убийства он сначала сидит со старшим братом Михаилом, напаивает его, науськивая его на дьяка Битяговского. По первому удару колокола вскакивает на коня и мчится вместе с братом и вооруженной дворней к дворцу. Думаю, что он-то лучше всех знал, что случилось, и удар колокола прозвучал для него сигналом. Именно он тут же перехватывает полено у царицы и начинает бить мамку смертным боем. Когда ее оставляет сознание, он принимается за Никиту Качалова. Потом по его команде бросаются в погоню за Битяговским и убивают его. А затем при его участии вытаскивают из церкви израненного сына Волоховой и приканчивают. Что это — месть за убитого царевича?

— Конечно! — ответил Игорь.

— Но почему же тогда он, единственный из Нагих, на следствии вдруг дает показания, что царевич зарезался сам?

— Одумался, наверное! — неуверенно заметила Лариса.

— Ничего подобного! Григорий Нагой незадолго до этого стал зятем одного из самых приближенных к Годунову дьяков — Андрея Клешнина. Именно Клешнин был одной из главных фигур заговора, если не самой главной. Не случайно Клешнин вместе с Шуйским был послан расследовать угличское дело. Я думаю, что тесть заранее уведомил Григория Нагого о готовящемся убийстве и потребовал, чтобы он уничтожил всех участников заговора.

— Говори, да не заговаривайся, — загорячился Игорь. — Чтобы дядя знал, что собираются убить племянника, и способствовал этому? Ведь рушилась надежда всех Нагих стать близко к престолу!

— Ну, могло ведь быть несколько иначе, — спокойно возразил Андрей.

— А именно?

— Андрей Клешнин мог сказать, что, мол, Битяговский готовит заговор. Что в числе заговорщиков Никита Качалов, Данило Битяговский и Осип Волохов. Но нужно их схватить и уничтожить при попытке убийства. Понимаете? Григорий Нагой, видимо, знал о дне и часе готовящегося преступления. Но Клешнин мог, допустим, сказать, что убийства не будет, просто немного припугнут. А Григорий Нагой, сумевший разоблачить заговор, немедленно будет приближен к Борису Годунову. Могло быть такое?

— Я думаю, что здесь явная натяжка, — угрюмо бросил Игорь.

— Не скажи, — вступил в спор Борис. — Григорию Нагому могло надоесть прозябание в провинциальном Угличе. Воцарение Дмитрия было очень проблематичным. А тесть предложил сделать быструю карьеру. Вполне резонно!

— Имею возражение! — воскликнул Игорь.

— Давай, — согласился Андрей.

— Как обвинитель объяснит то обстоятельство, что Григорий вместе с остальными братьями был подвергнут пытке в Москве, был признан виновным и сослан?

— Вопрос хороший, как говорят студенты, «на засыпку», — миролюбиво ответил Андрей. — И на него ответить действительно трудно, если не учесть последующие события.

— Какие именно?

— А именно — поведение царя Бориса, услышавшего о появлении в Польше царевича Дмитрия. Хотя сыскные службы довольно скоро выяснили, что под личиной царевича скрывается монах Григорий Отрепьев, Годунов явно испугался. Испугался настолько, что велел срочно доставить в Москву, в Новодевичий монастырь, мать царевича Марфу. Поздней ночью тайно ее привезли во дворец, где Борис допрашивал ее вместе с женою. Когда Марфа сказала, что не знает, жив ли ее сын или нет, то царица Марья выругала ее и бросилась на нее со свечой, чтобы выжечь глаза. Борис защитил Марфу от ярости жены. Разговор кончился очень неприятными для него словами, что люди, которых уже нет на свете, говорили ей о спасении ее сына, об отвозе его за границу. Не окажутся ли странными сомнения Годунова?

— Так я и сейчас утверждаю, что Годунов — не убийца! — с вызовом сказал Игорь.

— Погоди, не спеши. Мы твою версию уже слышали! — сказал Андрей. — Послушайте теперь мое предположение. Я думаю, что Клешнин и другие приближенные Годунова не раз убеждали его в необходимости уничтожить Дмитрия. Видимо, с его согласия был послан Битяговский с этой целью в Углич. Зная характер Бориса, можно предположить, что Битяговскому было поручено убрать царевича как можно незаметнее. И вдруг становится известно, что Битяговский и его ближайшие родственники уничтожены. Убили их злейшие враги Годунова — Нагие. Что должен был подумать хитроумный Борис? А то, что Нагие нанесли упреждающий удар, а царевича заменили другим ребенком. Заверениям Шуйского и Клешнина, что мертвый младенец и есть Дмитрий, он мог и не поверить. Шуйский до этого уже не раз совершал предательства, а Клешнин, став родственником Нагих, мог вполне переметнуться на их сторону. Отсюда и такая суровая расправа с Григорием Нагим. Вероятно, тесть пытался как-то смягчить участь зятя, но это только еще больше возбудило подозрительность Годунова. Логично?

— Логично! — возликовал Борис. — Я же говорил, что царевича подменили.

— Нет, как бы ни хотелось верить в счастливый исход, — покачал Андрей головой, — но царевич был убит. Есть еще одно свидетельство, о котором вы не знаете...

— Какое, интересно? — блеснул очками Максим Иванович.

— Я вас не имел в виду, — смутился Андрей. — Вы, конечно, знаете.

— А может, и не знаю. Излагай! — подбодрил его Максим Иванович.

— Я наткнулся на него случайно. Есть такая книга «Домашний быт русских царей» Ивана Забелина. Она вышла в свет еще до революции. И вот во второй части, на странице семьдесят шестой, я обнаружил следующие строчки. Разрешите, я процитирую:

«...О порядке каждодневной жизни царевичей дает краткое свидетельство запись о последнем дне жизни убиенного царевича Димитрия.

Того дня царевич поутру встал дряхло с постели своей и глава у него государя царевича с плеч покатилася. И в четвертом часу дни царевич пошел к обедни и после моления у старцев Кирилова монастыря образы принял. И после обедни пришел к себе в хоромы и платенцо сменил. А в ту пору с кушаньем взошли и скатерть послали. И Богородичев хлебец священники выняли. А кушал государь царевич одиножды днем, а обычай у него государя царевича был таков, по все дни причащался хлебу Богородичну. И после того похотел испити и ему государю поднесли испити и испив, пошел с кормилицею погуляти и в седьмой час дни как будет царевич противу церкви царя Константина и по повелению изменника злодея Бориса Годунова приспе душегубцы ненавистники царскому корени Микитка Качанов и Сенка Битяговский кормилицу его палицею ушибли, обмертвев пала на землю. А ему государю царевичу в ту пору, киняся, перерезали горло ножем...»

— Это, видимо, дворцовая запись, которая велась ежедневно, — задумчиво сказал Максим Иванович. — Но чем объяснить путанность в самом описании убийства?

— Писец, который вел запись, естественно, не был свидетелем убийства, записывал с чужих слов, — ответил Андрей. — В той суматохе разговоры велись самые разноречивые. Вот и перепутал мамку с кормилицей, а Битяговского с Волоховым. Если позволите, я попробую кратко описать, как произошло убийство...

— Давай, — снисходительно разрешил Игорь.

— Я без красот, так сказать, конспективно, — сказал

Андрей. — Значит, представим себе ситуацию. Царица с младшим братом только сели обедать. Все, кроме тех, кто обслуживал царицу, разошлись по своим дворам. Ворота закрыты, и возле них стоит стража, чтобы никто посторонний не мог потревожить покоя царицы. Михаил и Григорий Нагие обедают на своем подворье. Григорий, подливая брату вина, чутко прислушивается, не ударит ли колокол. На своем подворье обедает дьяк Михайло Битяговский. Он также знает, что сегодня мамка попытается вывести царевича под ножи убийц. Хитрый дьяк заранее решил обеспечить себе алиби. С этой целью пригласил обедать священника Богдана, духовника Григория Нагого. Позже на допросе Богдан был вынужден подтвердить, что за столом вместе с Битяговским обедал и его сын Данила.

В это время на задний двор кормилица и постельница выводят мальчиков — «жильцов». Мальчики, не дожидаясь выхода царевича, начинают упражняться в игре ножичком. Из покоев царевича выходит Василиса Волохова, бережно придерживая Дмитрия. Он после припадка, чувствует себя неважно, а тут еще долгое стояние в церкви. Царевич капризничает. Но вдруг у дворцовой пристройки видит двух взрослых парней, которых он хорошо знает и которые постоянно находятся во дворце. Это Осип Волохов и Никита Качалов. Парни низко кланяются царевичу, что ему, безусловно, льстит. Дмитрий подходит поближе и видит в руках у Никиты красивый нож.

«Что это у тебя?» — капризно спрашивает ребенок.

«Ножичек, государь!» — опять кланяется Качалов.

«А зачем?»

«Им хорошо в сваю играть!»

«Покажи!»

Царевич подходит вплотную, Осип оказывается сзади. Неожиданно он ладонью закрывает рот царевичу, запрокидывая его головенку, а Никита ловко бьет в шею. Как лечить, в то время представляли плохо, но как убить с одного удара, знали очень хорошо. Нож пронизывает яремную вену, поэтому смерть наступает не сразу. Дав убийцам скрыться, мамка хватает царевича на руки и бежит не ко дворцу, а к заднему двору, туда, где ждут его ребята. Окровавленный, он еще бьется в руках мамки. Она издает истошный вопль: «Царевич сам покололся ножичком. Петрушка, беги, скажи ма-

тушке-царице». Кормилица хлопочет около царевича, но все напрасно. А в это время слышится бешеный голос Нагого: «Открывайте ворота! Хватайте убийц». На площадь перед дворцом высыпает дворня, в том числе и убийцы — Никита Качалов и Осип Волохов. Хитрый дьяк Битяговский не спешит со своего подворья, делая вид, что не понимает, что произошло. Сначала он заходит в думную избу, а затем с подкреплением идет на дворцовую площадь. Григорий Нагой велит пономарю снова звонить в колокол, чтобы собрать посадских людей, ненавидящих за притеснения Битяговского. Падает полумертвая Василиса Волохова. Толпа принимается за Качалова. Осип Волохов не выдерживает и в страхе скрывается в доме Битяговских. Но скоро настанет и его черед.

Ну а что было дальше, вы знаете из судного дела, — сказал Андрей и устало опустился рядом с Ларисой, обняв ее за плечи.

Воцарилось молчание. За окном веранды уже густели осенние сумерки.

Максим Иванович негромко спросил:

— Так виновен Борис Годунов?

— Виновен, — твердо сказал Андрей.

— Виновен, — тихо повторила Лариса.

— Думаю, что да, — согласился Борис.

— Наверное, — помолчав, сказал Игорь.

— В поэме Егора Исаева «Суд памяти», — неожиданно произнес Борис, — есть замечательные строчки. Вообще-то поэма о войне, но эти строчки, по-моему, относятся к любому преступлению, когда бы оно ни было совершено.

И, глядя в окно, он начал размеренно читать:

Вы думаете, павшие молчат!
Конечно, да — вы скажете.
Неверно!
Они кричат,
Пока еще стучат
Сердца живых
И осязают нервы.
Они кричат не где-нибудь,
А в нас.
За нас кричат.
Особенно ночами,
Когда стоит бессонница у глаз
И прошлое толпится за плечами...

— И прошлое толпится за плечами, — повторил Максим Иванович. — Хорошо сказано. Это очень верно, когда бы, в какие века ни было совершено преступление, суд памяти человеческой не простит никогда.

В полумраке хорошо было сидеть и просто молчать. Неожиданно щелкнул выключатель, и веранду залил яркий свет лампы. В дверях стояла няня Максима Ивановича Казимира Францевна.

— Что вы, ребятки, приуныли? Максим, на тебя это непохоже! Случилось что?

— Случилось, — вздохнул Максим Иванович. — Вот смотрю на своих орлят — разлетятся скоро.

— Куда? — растерянно спросила Казимира Францевна.

— Борис в армию, Андрей с Ларисой того и гляди поженятся, Игорь в очередную экспедицию... Всем не до меня.

— Неправда, — горячо возразила Лариса, — мы все равно ходить будем! Правда, Андрей?

— Ну-ну, — чуть грустно улыбнулся Максим Иванович.

Неожиданно он что-то вспомнил, и глаза его потеплели.

— Между прочим, у меня вчера делегация была...

— Какая делегация? — ревниво спросил Игорь.

— Самая настоящая. Восьмиклассники из нашей школы. Они откуда-то прослышали о наших поисках и тоже хотят в кружке заниматься. Так что выше головы! Жизнь продолжается. А загадок истории на наш век хватит!

СОДЕРЖАНИЕ

Евдокимов Д. В.

E15 За давностью лет. — М.: Мол. гвардия, 1984. — 239 с., ил. — (Стрела).

95 к. 100 000 экз.

В книгу входят две повести приключенческого характера, объединенные главными действующими лицами. Герои ищут разгадку некоторых событий нашей истории, происшедших в период царствования Бориса Годунова и в 1912 году.

Е $\frac{4702010200-191}{078(02)-84}$ 168—84

ББК 84Р7
Р2

ИБ № 3901

Дмитрий Валентинович Евдокимов
ЗА ДАВНОСТЬЮ ЛЕТ

Редактор **М. Катаева**
Художник **В. Алексеев**
Художественный редактор **К. Фадин**
Технический редактор **Е. Брауде**
Корректоры **Е. Сахарова, Н. Самойлова.**

Сдано в набор 09.01.84. Подписано в печать 18.06.84. А00727. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 12,6. Усл. кр.-отт. 13,02. Уч.-изд. л. 13,1. Тираж 100 000 экз. Цена 95 коп. Заказ 2059.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

95 коп.

Писатель Дмитрий Евдокимов начал свою творческую деятельность в 1960 году в качестве литературного сотрудника заводской многотиражной газеты, тогда же стал публиковать свои первые рассказы. Широкий читательский интерес вызвали его повести, посвященные современной молодежи, — «Ромкина целина», «Микромайоры», «Штукатур первого разряда», «Добрые времена», сборники юмористических рассказов — «Семейный альбом», «Индивидуальный подход».

Повести «За давностью лет» и «Шуйский против Шуйского» написаны в историко-приключенческом жанре.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

